

ДВИНСКИЙ ТАНКОВЫЙ

А. Д. КОЧЕТКОВ

А. Д. КОЧЕТКОВ

ДВИНСКИЙ
ТАНКОВЫЙ

Кочетков А. Д.

К75 Двинский танковый: Боевой путь 5-го танкового Двинского корпуса.—М.: Воениздат, 1989.—160 с., 8 л. ил.

ISBN 5—203—00307—6

В книге рассказывается о боевом пути 5-го танкового Двинского корпуса, мужестве и героизме, проявленных его воинами в годы Великой Отечественной войны. Введенный в сражение под Москвой зимой 1942 года, корпус прошел тысячи километров и закончил боевые действия на территории фашистской Германии.
Книга рассчитана на массового читателя.

К 1305010000-006 00-89
068(02)-89

ББК 63.3(2)722

Александр Дмитриевич Кочетков

ДВИНСКИЙ ТАНКОВЫЙ

Редактор А. Б. Шолохов
Художник Е. Х. Гомза
Художественный редактор А. Я. Салтанов
Технический редактор А. А. Перескокова
Корректор И. А. Цеханова

ИБ № 2868

Сдано в набор 22.06.87. Подписано в печать 1.12.88. Г-12255.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая. Печать высокая.
Печ. л. 5. Усл. печ. л. 8,40+1 вкл. 1/4 печ. л.; 0,84 усл. печ. л.
Усл. кр. отт. 9,67. Уч.-изд. л. 9,32. Тираж 10 000 экз. Изд. № 2/1078.
Зак. 394. Цена 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

ISBN 5—203—00307—6

© Воениздат, 1989

ОТ АВТОРА

Эта книга об огненных верстах 5-го танкового Двинского корпуса, о его людях — живых и павших. Хотя с той грозной поры, когда в битве с гитлеровским фашизмом решались судьбы Родины, минуло немало времени, их имена и подвиги живут в сердце и памяти.

Каждый раз, перелистывая свои фронтовые блокноты (я был корреспондентом корпусной газеты), снова и снова мысленно возвращаюсь к событиям Великой Отечественной. И кажется: отодвигается завеса времени, ты возвращаешься в свою молодость и встречаешься с боевыми друзьями — с теми, кто под ураганным огнем поднимался в атаку, кто даже на горящих танках громил врага, кто закрывал грудью амбразуры вражеских дзотов и дотов, отдавая грядущей победе последний миг своей жизни.

О них, людях большого мужества, о их верности и дружбе, товариществе и взаимовыручке писалось еще тогда, в блиндажах и окопах переднего края, а то и на самом поле боя. Поэтому можно сказать, что уже в то время рождались строки истории родного танкового корпуса, о его боях и героях, победах и утратах.

Естественно, что кроме личных записей и публикаций фронтовой печати в книге использованы документы и материалы Центрального архива Министерства обороны СССР, мемуары прославленных полководцев и военачальников. И конечно же воспоминания самих однополчан. В книге представлены их письма и фотографии военных лет, использованы их живые рассказы во время встреч на местах прошлых боев и сражений.

Неоценимую помощь в сборе материалов для данной книги оказали мне однополчане В. В. Кирсанов,

Н. Я. Матвеев, С. Ф. Романов, которых, увы, уже нет в живых.

Сердечную благодарность выражаю В. В. Тимофееву, А. С. Лейфману, П. И. Корчагину, М. И. Кравчуку, С. А. Неупокоеву, В. Ф. Герасимову, А. М. Краснопольскому, М. П. Богомолу, И. Н. Лозоватору и другим ветеранам, приславшим свои письма и воспоминания, предложения и пожелания.

*Книга оцифрована благодаря стараниям
директора музея "Боевой путь 5-го Двинского
танкового корпуса" школы № 1537
Кириухиной Ольги Ивановны*

В ПОРУ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ

Рождение корпуса

В суровые дни конца 1941 года весь мир жил под впечатлением начала разгрома гитлеровских полчищ под Москвой. Советские войска, сдержав бешеный натиск врага, перешли в решительное контрнаступление.

Именно здесь, на заснеженных полях Подмосковья, взошла заря нашей будущей победы. И хотя предстояли еще жесточайшие схватки с гитлеровцами, их разгром под Москвой вдохновил советских людей как на фронте, так и в тылу на новые подвиги, укрепил уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит.

Наперекор всем трудностям и лишениям наш народ под руководством Коммунистической партии успешно перестраивал народное хозяйство на военный лад. Красная Армия стала получать все больше и больше военной техники, вооружения, боеприпасов.

В самое трудное время вражеского нашествия, когда линия фронта проходила в каких-нибудь 25—30 километрах от столицы, на помощь ее героическим защитникам подходили новые части и соединения. Эшелоны с Урала, из Сибири, Поволжья, Средней Азии доставляли боевую технику, снаряжение, продовольствие — все, что было необходимо бойцам сражавшейся армии для достижения победы над коварным, сильным, до зубов вооруженным врагом.

Увеличение производства танков позволило с весны сорок второго года начать создавать крупные подвижные соединения, а также объединения. В их числе был и 5-й танковый корпус. Он начал формироваться в апреле 1942 года на базе отдельных танковых частей, отведенных с передовой после тяжелых, кровопролитных боев. Формирование проходило в Москов-

ской области. Ускоренными темпами шло сколачивание штабов бригад, доукомплектование боевой техникой и вооружением, личным составом.

В состав корпуса организационно вошли управление, 24, 41 и 70-я танковые (по 53 танка) и 5-я мотострелковая бригады, а также 30-я инженерно-минная рота, 5-я авторота подвоза горючего и смазочных материалов, 89-я и 109-я подвижные ремонтные базы.

Каждая танковая бригада имела вначале два, а с 1943 года три танковых батальона, моторизованный батальон автоматчиков, батарею 45-мм противотанковых орудий, зенитную роту, роту управления и технического обеспечения, а также медико-санитарный взвод.

Мотострелковая бригада включала в себя три мотострелковых и минометный батальоны, артиллерийский и зенитный артиллерийский дивизионы, роты — противотанковых ружей, автоматчиков, разведывательную, инженерно-минную, управления и технического обеспечения, а также медико-санитарный взвод¹.

В дальнейшем же, когда корпус вел боевые действия, в него входили и другие отдельные части и подразделения, оснащенные новой, более совершенной техникой и оружием.

Таким образом, танковый корпус представлял собой грозную подвижную силу. Он был способен стремительно развивать наступление, обеспечивать успешное продвижение общевойсковых соединений и объединений, нарушать коммуникации в тылу противника, уничтожать его резервы.

Командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск К. А. Семенченко, Герой Советского Союза, удостоенный этого высокого звания за мужество и героизм, проявленные в боях на Халхин-Голе. Он многое сделал для сколачивания комплектуемых частей и подразделений, повышения боевого мастерства личного состава корпуса. Генерал знакомился с пополнением, неустанно передавал личному составу свой опыт в боевом применении танковых войск. По его указанию в бригадах проводились встречи бывалых бойцов с молодым, еще не обстрелянным пополнением.

Военным комиссаром корпуса стал полковой комиссар А. М. Костылев. Бывший рабочий, он еще до

¹ Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО), ф. 3404, оп. 1, д. 94, л. 33—35.

войны служил в Красной Армии политработником. Имел большой опыт и навыки партийно-политической работы, обладал высокими моральными качествами и организаторскими способностями. Возглавляемые им политработники помогали командованию в мобилизации бойцов и командиров на выполнение задач, связанных с формированием соединений.

Штаб корпуса возглавил кадровый военный полковник В. П. Зелинский, отличившийся в первые же дни боев под Москвой. Танковая бригада, которой он тогда командовал, более ста дней вела кровопролитные оборонительные бои у стен столицы.

Среди руководящего состава корпуса выделялись такие хорошо подготовленные, уже побывавшие в боях кадровые военные, как командующий артиллерией полковник Я. Я. Мелуп, начальник инженерной службы полковник А. Х. Гайсин, заместитель командира корпуса полковник Я. П. Кочергин, заместитель командира корпуса по технической части инженер-подполковник С. Я. Кохреидзе, начальник связи подполковник П. М. Свешников (вскоре его заменил подполковник М. М. Выменкин), начальник оперативного отдела подполковник Н. Я. Матвеев, начальник разведки полковник А. И. Семушкин и другие. Благодаря их повседневной организаторской работе формирование, укомплектование и обучение частей и подразделений корпуса проходило организованно, планомерно, четко, несмотря на трудности и крайне сжатые сроки.

Вошедшая в состав корпуса после боев под Москвой 24-я танковая бригада была сформирована в районе Сорново, под Горьким. Ее командиром стал полковник В. В. Сытник, военным комиссаром — полковой комиссар С. К. Романов, начальником штаба — подполковник П. Ф. Казаков.

В конце ноября 1942 года прибыла 41-я танковая бригада, сформированная в Ульяновске на базе одного из запасных полков в основном из призывников Куйбышевской и Пензенской областей. Ее дальнейшее сколачивание и боевая подготовка проходили в Московском автобронетанковом учебном центре. Ее командиром был полковник Н. П. Николаев, военным комиссаром — старший батальонный комиссар Н. И. Лысенко, начальником штаба — подполковник Г. Г. Клейн.

Сформированная в Подмоскovie 70-я танковая бригада уже побывала в боях под Калинином. Взаимо-

действуя с другими частями, танкисты бригады выбили противника из ряда населенных пунктов.

Командиром этой бригады был назначен участник боев на Халхин-Голе Герой Советского Союза подполковник К. Н. Абрамов, военным комиссаром — старший батальонный комиссар И. В. Костюков, начальником штаба — майор К. Т. Хмылов.

5-ю мотострелковую бригаду, сформированную в апреле — мае 1942 года на станции Кинель Куйбышевской области, возглавил подполковник Г. Г. Скрипка, военным комиссаром был старший батальонный комиссар Н. Н. Николаев, начальником штаба — майор А. И. Хайленко.

Личный состав, прибывший в части и подразделения корпуса, в основном имел крепкую трудовую закладку. В большинстве своем это были передовики производства, ударники первых пятилеток. Охваченные патриотическим подъемом, они рвались на фронт, чтобы с оружием в руках громить ненавистных немецко-фашистских захватчиков. Среди прибывших было немало воинов запаса. Были и такие, кто уже хорошо знал, что такое война. Многие из них носили на груди государственные награды, а некоторые, наиболее отличившиеся, — Золотые Звезды Героев Советского Союза, как, например, командиры танковых батальонов капитаны М. В. Юдин и А. В. Кукин, механик-водитель старшина Н. И. Русин. Примечательно и то, что в корпус вошли воины более чем шестидесяти национальностей.

С первых же дней формирования корпуса в его частях и подразделениях полным ходом развернулась напряженная боевая учеба. В ее основу был положен приказ Народного комиссара обороны № 130 от 1 мая 1942 года, требовавший от воинов настойчиво изучать вверенное им оружие, овладевать боевым мастерством, чтобы бить гитлеровских захватчиков до полного их истребления.

В ходе обучения личного состава основной упор делался на отработку наступательных действий и умелое осуществление маневра на поле боя.

Днем и ночью, в любую погоду воины с полным напряжением сил овладевали искусством бить врага наверняка. Экипажи учились метко поражать танки и артиллерию противника с места, коротких остановок и с ходу, водить боевые машины на высоких скоро-

стях, преодолевать различные препятствия. Мотострелки проходили обкатку танками, учились уничтожать огневые точки и боевую технику врага гранатами и бутылками с горючей смесью. Завершающим этапом сколачивания подразделений стали тактические батальонные учения, проходившие в условиях, приближенных к боевым.

Одновременно совершенствовались свое боевое мастерство командиры и штабы всех степеней. Они изучали организацию и тактику войск противника, тактико-технические характеристики его вооружения, особенно танкового и противотанкового. Проводились штабные учения на картах и на местности.

Велась кропотливая партийно-политическая работа, направленная на воспитание у личного состава высоких морально-боевых качеств. Ее центром были танковые подразделения: батальон, рота, взвод, экипаж. Именно от подготовки их личного состава, его умения вести бой в первую очередь зависел успех части, соединения в целом.

В бригадах и корпусе были проведены собрания партийного актива, а в батальонах — партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждалась роль коммунистов и комсомольцев в подготовке к предстоящим боям. В принятых решениях особо подчеркивалось, что члены партии и комсомола обязаны служить примером во всем, показывать образцы воинского мастерства, мужества и героизма.

Политотдел уделял пристальное внимание укреплению партийных организаций, пополнению их рядов лучшими воинами. Политработники мобилизовывали бойцов и командиров на укрепление дисциплины, организованности, боевой слаженности, глубокое освоение техники и вооружения, воспитывали у них горячую любовь к Родине и ненависть к захватчикам.

С особым вниманием слушали воины рассказы тех, кто был очевидцем зверств фашистов. Так, политработники Н. Н. Николаев, И. Ф. Захаренко, И. И. Хохлов, Н. И. Талалаев и другие непосредственные участники боев за Волоколамск поведали о том, какая страшная картина предстала перед их глазами в освобожденном городе. Дома были взорваны, сожжены, торчали лишь изрешеченные остовы печей. Тысячи жителей Волоколамска, окрестных сел и деревень гитлеровцы бросили в тюрьмы, расстреляли, угнали в пе-

волю. В центре Волоколамска, недалеко от пожарной каланчи, на виселице раскачивались тела восьми повешенных юношей и девушек. Это были московские комсомольцы, действовавшие в тылу врага. При попытке пробраться в город они нарвались на засаду и вынуждены были принять неравный бой. Израненных, измученных, их захватили в плен, зверски пытали на допросах, но ни один из них не выдал военной тайны. В бессильной злобе изверги-фашисты повесили патриотов и не снимали их для устрашения жителей. Все это вызывало у воинов чувство жгучей ненависти к врагу и стремление отомстить фашистам.

Политработники проводили индивидуальные беседы, информации, широко пропагандировали боевые традиции частей и героические подвиги фронтовиков. Каждому экипажу был вручен формуляр, в котором предлагалось записывать нанесенный гитлеровцам урон.

Воспитательным целям служили специальные памятки с патриотическими призывами. Так, в одной из них, обращаясь к своим боевым товарищам, командир взвода младший лейтенант В. Вахметов писал: «Изгоним фашистского зверя с советской земли! Будьте храбры и беспощадны к врагу!»

В совершенствовании организации войск, их жизни и деятельности большую роль сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии». Теперь каждый командир отвечал не только за боевую, но и за политическую подготовку личного состава подразделения, части и соединения. Активными их помощниками становились заместители по политической части.

По окончании формирования корпуса прошли тактические учения. Это был смотр всему тому, чему научился личный состав, готовясь к предстоящим боям.

Впереди лежала длинная и трудная дорога войны.

Боевое крещение

В ходе наступления советских войск зимой 1941/42 года на западном направлении в обороне врага образовался ржевско-вяземский выступ, удержанию которого немецко-фашистское командование придавало особое

значение. Оно рассматривало его как плацдарм для наступления на Москву. Тут было сосредоточено около двух третей войск немецкой группы армий «Центр». Против нее действовали войска Калининского и Западного фронтов.

Затяжные бои шли в районе Ржева и Сычевки. Здесь, войдя в оперативное подчинение 20-й армии, и вступил в сражение 5-й танковый корпус. В ночь на 9 декабря его командир генерал-майор танковых войск К. А. Семенченко получил приказ из штаба 20-й армии: стремительным ударом завершить прорыв обороны противника, осуществленный стрелковыми частями, и, уничтожая очаги сопротивления, перерезать железную дорогу Ржев — Сычевка¹.

В соответствии с приказом части корпуса совершили комбинированный марш и к утру 11 декабря сосредоточились в исходном районе. Наступать танкистам предстояло в юго-западном направлении, на Сычевку.

О начале наступления возвестила артиллерийская подготовка. Две с половиной тысячи орудий и минометов обрушили огонь на вражеские укрепления. Казалось, что после такой мощной артподготовки в расположении противника все должно быть подавлено и уничтожено. Но то тут, то там стали оживать его огневые точки.

Врагу удалось создать под Сычевкой прочную оборону. Что ни село, ни деревня — опорный пункт, каждый холм, высота — блиндажи, дзоты, доты. Сплошная система ходов сообщения. В три яруса траншеи. Проволочные заграждения, надолбы и завалы. В наиболее танкоопасных местах — минные поля.

Взвилась в небо ракета — сигнал атаки. Все ожгло вокруг. Послышались возгласы: «Вперед!», «За Родину!». Было 10 часов 10 минут 11 декабря 1942 года. Первыми устремились полки 243-й и 247-й стрелковых дивизий 20-й армии. Однако вскоре их передовые цепи вынуждены были залечь под шквальным огнем противника. Завязался тяжелый, кровопролитный бой, длившийся весь день.

Атака захлебнулась почти по всей линии прорыва. Тогда в бой были введены бригады 5-го танкового корпуса. Им пришлось буквально прогрызать оборону врага. Танковые атаки сменялись яростными контратака-

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 9, д. 7, л. 12.

ми врага. Отдельные высоты и наиболее выгодные рубежи по несколько раз переходили из рук в руки. И всякий раз на поле боя оставались подбитые и сожженные танки, исковерканные орудия — обе стороны несли тяжелые потери¹.

Танкисты 24-й и 41-й танковых бригад, наступавшие вместе с частями 20-й армии в направлении Аристово, Подъяблонька, были встречены сильным огнем из противотанковых орудий и крупнокалиберных пулеметов, бивших из дотов и дзотов.

Сидевшие на броне танков бойцы 2-го мотострелкового батальона 5-й мотострелковой бригады под командованием майора Ф. Я. Гашкова вынуждены были спешиться, попав под сильный огонь вражеских пулеметов. Атака ослабевала с каждой минутой. Видя это, командир батальона поднялся во весь рост, крикнул:

— За мной! — и первым побежал навстречу врагу.

Поднялись стрелки и устремились за своим командиром. В этой жестокой схватке комбат Федор Яковлевич Гашков пал смертью храбрых. Батальон возглавил старший лейтенант К. К. Дитюк.

Это был смелый командир. В осенние дни сорок первого года он с группой бойцов форсировал под Мценском реку Зуша, захватил крошечный плацдарм на берегу, занятом противником, и удерживал его до подхода главных сил. В том бою Дитюка тяжело ранило. Но едва раны зажили — он снова на фронт. В жизни этого человека на войне будет еще немало побед и потерь. Но поле под Сычевкой в его памяти останется навсегда. Поле сплошь в черных пятнах от разрывов снарядов и бомб. И еще запомнится ему острый, щемящий душу запах земли и снега, обгаренных кровью его солдат.

Особенно губительный огонь вели гитлеровцы, зашедшие в доты. Как потом выяснилось, все дома в Аристово и других соседних деревнях они разобрали для этих сооружений с мощными бревенчатыми накатами. Подступы к ним прикрывали два-три пулемета.

Старший лейтенант И. Г. Костюков, командир пулеметного взвода, приказал одному из своих отделений забросать гранатами дот, стоявший на пригорке. Пулеметчики поползли вперед, но, не достигнув це-

ли, были убиты. Тогда Костюков послал к доту сержанта Ф. И. Губина, радиста из разведывательной роты. Не первый раз ему приходилось выполнять столь трудное задание. Губин, прижимаясь к земле, скрытно подобрался к огневой точке с тыла. Подполз к входу, бесшумно приоткрыл брезентовый полог и бросил гранату: нате, мол, получайте, гады! Вражеские пулеметы замолкли.

Командир части, вручавший на другой день сержанту Губину медаль «За отвагу», поблагодарил его за то, что он спас жизнь многим боевым товарищам. Сержант ответил, что и его самого не раз спасали на поле боя. Взаимовыручка — это тоже оружие. Без нее на фронте не сделаешь и шагу.

Гитлеровцы оборонялись яростно. Потеря ими Сычевки ставила под угрозу северную часть ржевско-вяземского выступа, а следовательно, и подходящие к нему войска. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы контрударами приостановить продвижение советских войск.

Яростное сопротивление врага встретили танкисты 70-й танковой бригады, освобождавшие Подъяблоньку и Жеребцово, расположенные на холме. Танкистов поддерживал 1-й мотострелковый батальон 5-й мотострелковой бригады, которым командовал майор Карп Афанасьевич Огневой.

В полдень 12 декабря нашим бойцам удалось сломить упорство врага и выбить его из этих опорных пунктов.

Ожесточенный характер принял бой за деревню Подосиновка. Она трижды переходила из рук в руки. В ней не осталось ни одного целого дома, ни одной постройки. Только после многочисленных атак наши танкисты и мотострелки овладели Подосиновкой. Однако к исходу дня противник успел подтянуть резервы — 46 танков и самоходных орудий и 30 автомашин с пехотой. После артподготовки он снова перешел к контратакам. На этот раз его поддерживала авиация: едва одна группа самолетов, отбомбившись, улетала за дымный горизонт, как заходила на бомбежку другая.

Неожиданно на левом фланге 1-го мотострелкового батальона показались вражеские танки. Командир батальона майор К. А. Огневой быстро оценил обстановку, приказал бойцам залечь и отражать натиск врага.

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 12.

В танки полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Три из них были подожжены. Остальные стали разворачиваться и покидать поле боя. Бежавшие за ними гитлеровцы заметались. И тогда Огневой поднял людей в атаку.

— Комбата ранило! Отомстим за комбата, — вдруг раздался голос капитана П. В. Юшкова, командира 1-й мотострелковой роты.

Он и возглавил атакующих, которые ворвались в траншеи гитлеровцев. Завязался рукопашный бой. На помощь пришли мотострелки 3-го батальона во главе с майором С. Г. Зыренковым. Этот батальон находился в резерве, укрывшись в балке, и вот он, получив приказ командира бригады подполковника Г. Г. Скрипки, ударил по врагу. Бой разгорелся еще жарче. В атакующей цепи мотострелков появился заместитель командира бригады по политической части подполковник Н. Н. Николаев с помощником по комсомольской работе Н. Г. Стрыгиным и политруком В. С. Колотовым. Словом и личным примером они увлекали бойцов за собой. В этом бою вражеская пуля оборвала жизнь отважного политрука Колотова.

В той ожесточенной схватке погиб и парторг батальона лейтенант В. В. Кутыркин. Был ранен командир бригады подполковник Г. Г. Скрипка. Его заменил начальник штаба бригады майор А. И. Хайленко.

Сильнейший натиск фашистских танков и пехоты отбивали бойцы роты лейтенанта И. Д. Заносова, бронбойщики роты старшего лейтенанта И. А. Затанина, а также автоматчики во главе со старшим лейтенантом Н. Ф. Колбенковым.

Выкатила орудия на стрельбу прямой наводкой артиллерийская батарея во главе с капитаном М. А. Очкасовым. Вскоре командира батареи убило, командование принял на себя лейтенант Б. П. Ковалев.

Ряды артиллеристов таяли с каждой минутой. Осталось одно орудие комсомольца сержанта И. И. Абрамова. Расчет вел интенсивный огонь. Уже горело два вражеских танка. Наводчик сержант Т. Б. Никитин поймал в перекрестие прицела третий... Абрамовскомандовал:

— Огонь!

Танк резко развернулся на месте и зацедил черным дымом.

На позиции артиллеристов рвались снаряды. В расчете почти все были ранены. Сержанту И. И. Абрамову осколком перебило ногу. Он пытался встать, чтобы помочь наводчику, но не смог.

— Не пройдет! Все равно не пройдет! — кричал старший лейтенант И. А. Затанин. После двух первых контратак в его роте осталось не более 20 бойцов. Но они стояли насмерть.

В другом месте путь мотострелкам преградил огонь вражеского дзота. Командир взвода лейтенант Н. В. Баранов позвал к себе сержанта А. К. Васильцова.

— Видишь бугорок? Это дзот. Трех уж послал — не доползли.

— Понял, — только и ответил Васильцов и устремился к дзоту.

До него оставалось метров 300, не больше. Васильцов осматрелся, увидел впереди своего друга рядового П. К. Кочкова:

— Петро! Чего ты?

Смертельно раненный, Кочков лежал на истерзанном поле, вытянув перед собой руку с гранатой. Замахнулся — видимо, хотел бросить, да сил уже не хватило. Васильцов взял и эту гранату и пошел дальше. Потом он бросил гранату в амбразуру. Пулемет смолк, но ненадолго. Васильцов бросил вторую гранату, третью. Дзот замолчал. Погиб и герой. Ценой своей жизни он спас жизнь многим своим боевым товарищам.

Другой дзот заставил замолчать лейтенант Н. В. Баранов. Трижды раненный, он все же нашел в себе силы, чтобы подползти к его амбразуре, метнуть в нее гранаты. И сам погиб смертью героя.

Бой не утихал. Были отбиты еще две вражеские контратаки. И все же на одном из участков западнее Жеребцово врагу удалось отбросить наши подразделения. Под угрозой окружения оказались минометчики-наблюдатели во главе со старшим лейтенантом И. Милюковым, которые находились в это время на высоте, у переднего края обороны противника. На них наседали гитлеровцы. В ход пошли гранаты, но они кончились. Тогда Милюков связался со старшим на батарее старшим лейтенантом С. Т. Чернявским, попросил его открыть по НП огонь. У Чернявского, ус-

лышавшего в трубке знакомый голос, дух перехватило:

— Что? Что?

В ответ Милюков назвал свои координаты и повторил просьбу.

Чернявский помедлил: ведь открыть огонь — значит ударить по своим. Эта мысль обожгла его, больно кольнула в самое сердце. Милюков же настаивал, требовал. Взбешенные отчаянным сопротивлением трех минометчиков-наблюдателей, фашисты пытались взять их в плен.

В этот момент как раз и раздался минометный залп. Без малого 40 вражеских солдат нашли себе могилу около наблюдательного пункта батареи. Милюков со своими бойцами Ф. П. Молоковичем и М. Н. Киселевым — все трое раненные и контуженные — были доставлены в медико-санитарный взвод.

В тех боях под Сычевкой подвиг совершил лейтенант Б. М. Костылев, заместитель командира танковой роты. Это был брат заместителя командира корпуса по политической части Александра Михайловича Костылева. Они уже давно не виделись — не до этого было. Но вот однажды, вручая партийные билеты танкистам, Костылев удивился и обрадовался, когда перед ним предстал его младший брат Борис.

Вручив ему партийный билет, Александр Михайлович мягко улыбнулся и задержал его руку в своей:

— Поздравляю, брат.

— Спасибо, брат.

Они обнялись.

По характеру Борис, говорят, был очень похож на старшего брата: та же прямота, твердость духа, во всем безупречность и порядочность. И внешнеюстью своей они напоминали друг друга: оба коренастые, плотные, светловолосые. Борис во всем стремился равняться на старшего брата — коммуниста с 1929 года, боевого комиссара, ставшего впоследствии генералом, кавалером трех орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени, двух орденов Красной Звезды и многих медалей¹.

Когда батальону предстояло решить трудную задачу, на ее выполнение чаще других посылали лейтенанта Б. М. Костылева. Так было и в том, для него

последнем, бою под Сычевкой. В самый критический момент атаки он возглавил группу боевых машин и вступил в поединок с противотанковыми орудиями. Укрытые в окопах пушки вели губительный огонь, оставаясь неуязвимыми. И тогда танк Костылева помчался навстречу опасности. Раздавил одно орудие гусеницами, затем устремился ко второму, но был подожжен вражеским снарядом. Экипаж погиб, проложив путь для дальнейшего наступления.

Поле героев

Бои под Сычевкой длились два с лишним месяца. Все вокруг смела война. И немудрено, что ровное, без единого холмика и рожицы, поле, сплошь изрытое снарядами, минами и бомбами, бойцы нарекли «полем смерти». В ту пору оно, пожалуй, и оправдывало свое печальное название. Даже и теперь, спустя более сорока лет, на том поле находят осколки с острыми краями, сплюснутые гильзы, стабилизаторы мин и многое другое, напоминающее о давным-давно отгремевшей войне, — так была настигнута смертоносным металлом земля смоленская.

О напряженности и тяжести тех боев говорит тот факт, что противник, понеся значительные потери, вынужден был в полосу наступления 5-го танкового корпуса срочно подвести из резерва пехотную дивизию в составе четырех полков. И это в то время, когда враг испытывал острый недостаток в резервах своих войск на участках сталинградского и кавказского направлений.

Несмотря на большие потери, противник продолжал бросать все новые и новые силы против советских войск, сражавшихся под Сычевкой, Ржевом, Вязьмой.

Перемалывая их, наши части тоже теряли немало людей и боевой техники. Лишь за пять дней боев в корпусе выбыло из строя почти до половины танков и личного состава.

Каждый метр продвижения вперед стоил невероятных усилий. Небольшой группе наших танков все же удалось выйти на окраину Сычевки, но дальше они пробиться не смогли.

Чтобы как-то развить успех, завоеванный такой дорогой ценой, командир корпуса генерал-майор К. А. Семенченко приказал ввести в бой 70-ю танко-

¹ См.: Красная звезда. 1983. 23 марта.

вую бригаду. Ей пришлось прорывать оборону врага в условиях труднопроходимой, к тому же мало изученной местности. Дело в том, что в сложившейся ситуации бригада не имела средств и времени произвести разведку своими силами. Лишь в самый последний час с этой целью был послан танк Т-34 во главе с подполковником Ф. Я. Дегтевым. В танке кроме него были начальник оперативного отдела бригады капитан В. П. Стэх, механик-водитель А. В. Попов и стрелок-радист С. П. Крупа. На большой скорости танк ворвался в расположение противника и углубился километра на полтора-два в сторону железной дороги. «По мере продвижения вдоль линии фронта, — вспоминал подполковник Федор Яковлевич Дегтев, — мы обнаружили тщательно замаскированные блиндажи и дзоты. Кроме того, по наступающим вели огонь бронепоезда, курсировавшие по близлежащей железной дороге».

В ходе первой атаки танкисты, действовавшие вместе с мотострелками, понесли немалые потери. Получил тяжелое ранение и комбриг подполковник Константин Николаевич Абрамов. Это произошло в тот момент, когда он открыл люк и выглянул, чтобы осмотреться. Пуля снайпера попала в грудь, но, к счастью, не задела сердца.

Комбриг осел и, тяжело дыша, приказал своему заместителю подполковнику Ф. Я. Дегтеву, сидевшему в командирском танке:

— Веди бригаду...

И Дегтев повел танки к железной дороге. По броне застучали пули. Это бил крупнокалиберный пулемет врага. Подполковник скомандовал:

— Заряжай! Осколочным... — и сам быстро выстрелил.

А стрелять Федор Яковлевич умел. Еще до войны слыл в своем полку снайпером стрельбы из орудия, был награжден орденом Красной Звезды. Вот и сейчас первым же снарядом уничтожил пулемет.

Когда танки приблизились к железной дороге, экипаж подполковника Дегтева вступил в бой с бронепоездом. Завязалась огневая дуэль. Один из вражеских снарядов ударил в борт тридцатьчетверки, но не пробил — выдержала уральская броня! Другой снаряд попал под башню. Двоих в экипаже убило осколками. Дегтеву перебило обе ноги. Его вытащили из

танка и, истекавшего кровью, доставили в медсанвзвод. Дегтев уже лежал на операционном столе, когда налетели вражеские самолеты и стали сбрасывать бомбы. Хирург, склонившийся над раненым со скальпелем в руках, упал — его сразил осколок разорвавшейся бомбы. Операцию закончил другой.

Поле под Сычевкой стало местом жесточайших боев, полем ненависти к врагу, которой бойцы «пропитывались» вместе с потом, кровью и стонами раненых. На том поле каждый был героем. На смену павшим приходили новые бойцы и продолжали их ратный подвиг ради победы.

В осажденном танке

Командир 24-й танковой бригады полковник В. В. Сытник из танка КВ 12 декабря руководил боем. Экипажи слышали его команды:

— Сохранять дистанцию! Прибавить скорость! Огонь — с ходу!

На поле боя уже пылали четыре вражеских танка.

— Молодцы! Молодцы! — после каждого меткого выстрела подбадривал комбриг.

Было уничтожено еще несколько вражеских танков и штурмовых орудий. Но вот по КВ ударили противотанковые орудия вражеской батареи. Наводчик получил ранение. Его место у прицела занял полковник Сытник. Он тронул за плечо механика-водителя старшего сержанта Н. К. Перегудова: давай, мол, жми на всю железку. И тяжелый танк, взревев двигателем, устремился туда, к позициям, откуда били вражеские артиллеристы. До них оставались считанные метры, снаряд ударил в башню, и ее заклинило. В следующий миг пробило левый борт, повредило фрикцион. Комбриг увидел в снежной круговерти, как тускло сверкнуло пламя выстрела вражеского орудия. Промаях! Выстрелить же в другой раз оно не успело: механик-водитель Перегудов раздавил орудие многотонной тяжестью своего КВ. Но тут танк вздрогнул, нутжно затрясся и, словно надорвался непосильной ношей, его двигатель заглох.

Убедившись, что танк беспомощен, гитлеровцы стали стрелять по нему в упор. Комбриг снова склонился к прицелу. Но пушка оказалась поврежденной. Велел заряжающему приготовить гранаты.

— Сколько их там у нас?

Тот быстро пересчитал:

— Десять, товарищ полковник...

— Не густо. — Комбриг бросил взгляд на своего начальника связи капитана С. А. Неупокоева: — Сергей Алексеевич, передай-ка в штаб наши координаты. В случае чего — вызываем огонь на себя.

Гитлеровцы стреляли по танку с близкого расстояния. Разбили баки, осколками срезало наружную антенну-штырь. Находчивость помогла. В качестве антенны применили обычный провод, пропустив его в отверстие для пулемета в башне.

Настроив радию, капитан Неупокоев восстановил радиосвязь со штабом бригады. Но она продолжалась недолго. Гитлеровцы, взобравшись на КВ, оборвали провод.

«Рус, сдавайся!» — забарабанили в броню прикладами вражеские автоматчики. Им никто не отвечал. Можно было подумать, что все в танке убиты. Гитлеровцы ушли, но вскоре вернулись. Принесли какие-то ящики. В этот момент танкисты, приоткрыв люк, бросили в них гранаты. Раздались взрывы.

Комбриг приказал всем покинуть танк через нижний люк. Но открыть его оказалось невозможно. Танк плотно сел днищем на грунт. Решили, что Неупокоев с Перегудовым выйдут через люк механика-водителя, а остальные члены экипажа — через верхний.

Приоткрыли осторожно люки, и тотчас же над ними засвистели пули. Гитлеровцы, укрывшись в воронке, держали танк под прицелом.

Стало смеркаться. Метельная декабрьская ночь окутала местность. Экипаж приготовился к выходу. Были сняты пулемет, радия. И вдруг снова стук в броню. В танке насторожились. Судя по голосам — вроде бы свои. И все же окликнули на всякий случай:

— Кто там?

— Свои, товарищ полковник...

По голосу комбриг узнал старшего лейтенанта О. И. Годлевского, офицера связи своей бригады.

— Как вы сюда попали?

— Разыскиваю вас, товарищ полковник.

32 часа экипаж вел бой в осажденном танке. Но, как видно, не зря говорят: одна беда ведет за собой другую. Едва экипаж покинул машину, как из снежной дымки вынырнули танки. Чьи это — свои или

чужие? Танки приблизились, и все увидели кресты на их башнях. Снова пришлось отбиваться. Капитан Неупокоев вел огонь из противотанкового ружья, подорванного на поле боя. Рядом с ним, прижавшись к земле, залегли остальные. А чуть левее, у дороги, вели бой мотострелки. Они и спасли попавших в беду танкистов.

Когда фашистские танки подошли ближе, в ход пошли гранаты, бутылки с горючей смесью. Вот один из них содрогнулся и застыл на месте. Его подбил капитан Неупокоев, за что был удостоен ордена Красного Знамени.

То были тяжелые часы и дни боев под Сычёвкой и Ржевом. Ожесточенные, яростные, полные героизма и в то же время трагизма. Промёрзшая земля гудела, дрожала, словно в ознобе, от разрывов снарядов и бомб. Горела на танках броня, горели деревни, леса, горело все, что могло гореть.

Личный состав корпуса показывал примеры стойкости, храбрости, воинского мастерства. Об этом свидетельствовали и конкретные результаты боевых действий: только с 12 по 17 декабря 1942 года 5-й танковый корпус нанес ощутимый урон противнику в живой силе и технике. Было уничтожено 124 орудия и миномета разных калибров, 17 танков и штурмовых орудий, 77 пулеметов, сбито 2 самолета, убито и взято в плен свыше 2000 вражеских солдат и офицеров¹.

Комкор

Советские войска, измотав противника, начали теснить его на запад. После освобождения Сычевки 5-й танковый корпус был выведен на короткую передышку для пополнения боевой техникой и личным составом. Вместо К. А. Семенченко, отозванного в распоряжение штаба Западного фронта, приказом Ставки ВГК 20 декабря 1942 года в должность командира корпуса вступил полковник М. Г. Сахно. Вскоре ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск.

Беспокойный, энергичный, он сутками пропадал в бригадах и полках. Конечно же сильно уставал — давало знать о себе ранение, полученное им под Смоленском. Тогда, в тяжкие летние дни 1941 года, он

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 12.

сдерживал со своим танковым полком натиск вражеских войск, рвавшихся к переправе. После возвращения из госпиталя Михаил Гордеевич долгое время испытывал недомогание. Огнем горела рана, не успешая как следует зарубцеваться. Как-то он пожаловался хирургу корпусного медсанвзвода. Сделали рентгеновский снимок и без труда обнаружили осколок величиной с горошину.

— Будем удалять, — заключил хирург.

— Когда? — спросил Сахно.

— Хоть сегодня, хоть завтра.

— Нет. Вот проведем операцию, а там посмотрим...

Так он и ходил с кусочком крупшовской стали в теле.

Многолетняя армейская служба выработала у Михаила Гордеевича твердое правило: командовать на войне — значит предвидеть. Поэтому перед каждым боем, перед каждой операцией он анализировал, взвешивал все «за» и «против», чтобы принять одно, единственно правильное решение.

Бывая в частях, командир корпуса всем интересовался, во все вникал до мельчайших подробностей. Как оборудованы боевые позиции? Подвезли ли продовольствие, боеприпасы, горючее? Вся ли техника и оружие отремонтированы и приведены в боевую готовность? Ну а главное, что всегда находилось в центре внимания командира корпуса, — это люди. Как они накормлены, одеты, обуты? Каково их настроение? Ведь с ними в любой день и час идти в бой.

Первейшими помощниками командира корпуса были работники политотдела. Они стремились воздействовать на личный состав непрерывно, боевито, оперативно. Причем сами формы проводимых политико-воспитательных мероприятий стали более действенными, разнообразными и били, как говорится, в одну точку — поддерживали моральный дух и наступательный порыв воинов, их уверенность в скором разгроме фашистов. На это были нацелены корпусная газета, специальные листовки, листки-молнии, боевые листки.

Не раз за свою долгую армейскую жизнь Михаил Гордеевич убеждался в действенности политического и партийного влияния буквально на все стороны боевой деятельности любой части, любого подразделения. В бою же вдохновляющий пример командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев, их умение

и решимость вести людей за собой были как бы добавочным видом оружия. И в короткие минуты передышки они оставались верными себе — горячим призывным словом зажигали солдатские сердца. И люди рвались в бой — дай лишь команду!

С особым пристрастием командир корпуса интересовался состоянием дел в 70-й танковой бригаде. Ведь ей в наступлении под Ржевом, Сычевкой почти все время пришлось действовать в первом эшелоне. А кому неизвестно, что тот, кто идет впереди, принимает огонь на себя, тот несет и большие потери. И Михаил Гордеевич Сахно принимал все меры, чтобы бригада полностью восстановила свои силы и, как прежде, была готова сражаться. Нужно лишь, чтобы люди чуток отдышались, привели себя и оружие в порядок.

Забегая вперед, скажем, что командир корпуса был противником всякого шаблона, губительного на полях сражений. Планируя каждый бой, он всегда старался применить новый, неожиданный для противника тактический прием. Во время Орловской операции, например, корпус впервые широко и смело вел бои ночью. Именно тогда танкисты совершали глубокие обходы и фланговые удары по противнику в его тылу. Да и в боях на белорусской земле танкисты «подобрали ключи» к оборонительным сооружениям и препятствиям неприятеля, обходя их там, где враг вовсе не ожидал.

Уже из первых боев Михаил Гордеевич вынес твердое убеждение в том, что врага можно бить и побеждать. Нужно лишь мужество, помноженное на высокое боевое мастерство. Он великолепно понимал необходимость быстрого роста военной выучки и культуры командиров всех степеней и рангов. Именно эти качества плюс воля, считал он, дают возможность бить врага не числом, а умением, разрушать его планы.

Стремление неустанно пополнять свои знания, узнавать все новое в военном деле и привело впоследствии Сахно, боевого генерала, кавалера двадцати двух государственных наград, в том числе трех орденов Красного Знамени и полководческого ордена Кутузова, в Военную академию бронетанковых и механизированных войск.

Его биография была проста и обычна, как у всех его сверстников. Родился он в бедной крестьянской семье в селе Лозовщина Фастовского района Киевской

области. С малых лет познал цену нелегкого сельского труда. Косил, пахал, молотил. И наполняла юношескую душу светлыми чувствами и помыслами родная земля.

Это были легендарные 30-е годы. Именно тогда гремели имена Алексея Стаханова, Валерия Чкалова, Ивана Панагина, Александра Бусыгина, Паши Анжелиной, Никиты Карацупы. Над страной летала слава героев Халхин-Гола, Хасана, Карельского перевейка.

На киноэкранах в залах, заполнявшихся до отказа, шли «Чапаев», «Мы из Кронштадта», потрясавшие сердца молодежи примерами храбрости, преданности Родине, готовности в любую минуту защитить ее, если враг нападет. Страстный киноэкран воспитывал патриотов, вскоре поднявшихся на бой с немецко-фашистскими полчищами.

Был среди тех молодых людей и он, украинский черноокий парень Миша Сахно. Едва ему исполнилось семнадцать лет, как он стал курсантом Киевской артиллерийской школы. Отсюда и повела его дорога по крутым ступеням суровой военной службы: командир взвода, учебной батареи, дивизиона, танковой бригады, корпуса.

В одну из тех декабрьских фронтовых тревожных ночей он писал дочери:

«Здравствуй, дорогая дочурка!

В последние дни все шли тяжелые бои с фашистами и условия сложились так, что не было возможности отправить почту. Бои на нашем участке не стихали ни днем, ни ночью. Противник понес большие потери и выбит из целого ряда населенных пунктов.

Мама писала, что ты скоро пойдешь в школу. А читаешь ли ты книжки? Что-то об этом мне ничего не пишешь? Учит ли тебя мама играть на музыкальном инструменте? Это тоже нужно. В общем, давай с тобой договоримся так: когда я приеду с войны, ты мне сыграешь марш, а я заведу патефон и поставлю пластинку, и мы с тобой будем танцевать. Знай и верь, что фрицев мы все равно разобьем...

Крепко обнимаю и целую тебя, милая дочурка.

Твой папа».

Письма... Фронтовые письма отца! Нежные и ласковые, они писались в перерывах между боями, они, кажется, и теперь все еще пахнут порохом и дымом...

Таким был наш новый комкор. Он обладал опытом боевых действий, глубокими знаниями, умел работать с людьми, проявлять о них заботу. Его девизом было: «Солдата не надо жалеть, солдата надо беречь!»

Под командованием М. Г. Сахно 5-й танковый корпус воевал почти до самых победных дней 1945 года. Все пришлось испытать нам: и насмерть стоять в обороне, и стремительно наступать, и вести изнурительные, изматывающие бои местного значения, и наносить главный удар. Были и радости, и огорчения, и утраты. Без всего этого на войне не обойдешься.

НА ОРЛОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Перед грозой

Зимой 1942/43 года на советско-германском фронте наступило затишье. Обе воюющие стороны усиленно готовили войска к летней кампании. В связи с подготовкой противником крупного наступления в районе Курского выступа Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение создать здесь мощную оборону.

После оборонительных боев планировался переход советских войск в контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Наступательная операция на орловском направлении под кодовым наименованием «Кутузов» возлагалась на войска правого крыла Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронтов.

В состав ударной группировки Западного фронта входил и 5-й танковый корпус, который подчинялся командующему 11-й гвардейской армией генерал-лейтенанту И. Х. Баграмяну. К этому времени корпус был значительно усилен новыми частями и подразделениями. В него прибыли 1515-й легкий самоходный артиллерийский и 1708-й зенитный артиллерийский полки, а также 731-й истребительный противотанковый дивизион и 92-й разведывательный мотоциклетный батальон.

Миновала весна, бурная, дружная. Лето вступило в свои права. Над курской и орловской землей стояла настороженная тишина, какая бывает перед грозой. Молодые, еще не обстрелянные солдаты удивлялись: «И это фронт! Какой же это фронт, когда за целый день выстрела не услышишь?»

Действительно, в светлое время противник почти не вел огонь. Лишь ночью где-то в отдалении редко и приглушенно рвались снаряды да несмелой скороговоркой постукивали пулеметы. Время от времени небо озаряли осветительные ракеты и, истекая огненными каплями, гасли за дальними гребнями высот.

И снова тишь, и снова ни выстрела. И опять в корпусной газете, как вчера, позавчера, как месяц и два тому назад, сводка от Советского информбюро сообщила лаконично: «На фронте ничего существенного не произошло...»

В районе сосредоточения личный состав корпуса изучал опыт минувших боев, настойчиво и с полным напряжением сил продолжал совершенствовать свою боевую выучку.

Штаб корпуса совместно с начальниками служб и политотделом детально разработали планы боевой и политической подготовки личного состава, командирской учебы, командно-штабных тренировок. Были приняты все меры для своевременного снабжения войск боеприпасами, горючим, продовольствием.

Особое внимание уделялось огневой выучке танкистов и самоходчиков. Экипажи учились метко стрелять с места, с коротких остановок и с ходу. В связи с тем что стало известно намерение противника массированно применить новые тяжелые танки Т-VI («тигр»), личный состав изучал поступившие в корпус памятки с описанием способов их уничтожения.

Отрабатывалось взаимодействие танкистов с мотострелками и артиллеристами. Бойцы стреляли из пулеметов, противотанковых ружей, учились окапываться, маскироваться, ставить мины.

Заместитель командира корпуса по политической части и начальник политотдела полковник А. М. Костылев периодически проводил накоротке совещания своих сотрудников. Обычно на них присутствовали заместитель начальника политотдела корпуса подполковник В. А. Горюнов, помощник по комсомольской работе майор Л. К. Суходольский, инструктор по организационной работе майор П. И. Емец, агитатор майор М. И. Кравчук, секретарь парткомиссии майор П. И. Истомин, инструктор по партучету капитан Н. Д. Малов, начальник клуба капитан И. В. Верпа-тов.

Полковник Костылев, всегда спокойный и немногословный, ставил перед каждым конкретные задачи, советовал, какую помощь необходимо оказать политработникам частей, как лучше организовать политико-воспитательные мероприятия.

Политотдел корпуса и политорганы частей особое внимание уделили идейной закалке бойцов. На политических занятиях с солдатами и сержантами изучались такие темы, как «Высоко держать и хранить Боевое Знамя части — символ чести и славы», «Стойко оборонять занятые рубежи», «Смелому и умелому бойцу танки не страшны» и другие.

Повсюду были проведены партийные и комсомольские собрания, беседы, а кое-где батальонные и полковые митинги, на которых зачитывалось обращение Военного совета фронта с призывом бить врага беспощадно, гнать его с родной земли.

В этот период особенно много и плодотворно трудились политработники, парторги, комсорги батальонного и полкового звена. В танковом батальоне, где заместителем командира по политчасти был майор З. А. Ханин, состоялось партийное собрание с повесткой дня «Личный пример коммуниста в наступательном бою». Выступления были короткими, боевыми. Строго звучали строки решения: стоять насмерть, всем коммунистам быть впереди, служить примером отваги и воинского мастерства.

Сразу же после собрания коммунисты были распределены по ротам и взводам с конкретными поручениями. Одни проверяли, достаточно ли хорошо танкисты знают свои задачи и обязанности, а также материальную часть и оружие. Другие заботились о том, чтобы машины были хорошо подготовлены к бою, обеспечены горючим, боеприпасами, а личный состав — продовольствием. Не остались без внимания «летучки» по ремонту техники и оружия, походные кухни для доставки горячей пищи на передний край.

В танковом батальоне, где заместителем командира по политчасти был майор С. В. Коллеров, поделились своим опытом лучшие ротные политработники, секретари партийных и комсомольских организаций. Тематика их выступлений говорила сама за себя: «Партийно-политическая работа в танковом подразделении», «Агитация в бою», «Как работаем в атаке».

В одном из политдонесений приведен протокол со-

брания подразделения, где парторгом являлся старший лейтенант Ш. Т. Штумак. В нем сообщалось, что десять бойцов подали заявления с просьбой принять их в партию. «Иду в бой, хочу быть в первых рядах защитников Родины», — писал в своем заявлении сержант В. П. Грязнов, командир танкового экипажа.

Всего в период подготовки к наступлению на орловском направлении в корпусе было принято в ряды Коммунистической партии более 200 передовых бойцов, сотни молодых бойцов стали комсомольцами.

И грянул гром

Советская разведка установила, что наступление немецко-фашистских войск назначено на 3 часа 5 июля. В результате артиллерийской контрподготовки по районам сосредоточения вражеских ударных группировок они понесли потери и начали наступление с опозданием на 2,5—3 часа.

Как стало известно позднее, Гитлер требовал «сосредоточенным ударом... из района Белгорода и... из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их»¹.

Пятьдесят дней продолжалась эта небывалая битва второй мировой войны. Проявляя массовый героизм, мужество и воинское мастерство, сражались советские воины. Они остановили неистовый натиск врага, его хваленые «тигры», «пантеры», «фердинанды», а затем перешли в решительное контрнаступление.

12 июля нанесли удар на орловском направлении войска левого крыла Западного и Брянского фронтов. А вслед за ними — 15 июля перешли в контрнаступление армии правого крыла Центрального фронта.

Перед корпусом, который уже находился в исходном районе, была поставлена задача — вступить в бой в первый же день наступления и действовать в общем направлении Ульяново, Ягодная.

В ночь на 12 июля саперы доложили, что проходы в заграждениях проделаны. А в 3 часа 20 минут вздрогнула земля от артиллерийских залпов. В сред-

¹ Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 503.

нем на участке прорыва 11-й гвардейской армии, вместе с которой действовал корпус, на километр фронта приходилось до 200 орудий. Кроме того, наша авиация нанесла мощные удары с воздуха.

При непрерывной огневой поддержке пехота и танки 11-й гвардейской армии стремительно ворвались на вражеские позиции и, продвигаясь вперед, прорвали главную полосу обороны. Тогда настало время вводить в прорыв 5-й танковый корпус.

Командующий 11-й армией генерал-лейтенант И. Х. Баграмян взглянул на стоявшего около него М. Г. Сахно.

— Подавайте сигнал, Михаил Гордеевич.

Это было во второй половине 12 июля.

— Есть! — быстро отозвался тот.

Двумя длинными колоннами — 96 тридцатьчетверок и 40 легких танков с пехотой на броне — 5-й танковый корпус вышел к берегам заболоченной поймы реки Фомина, форсировал ее по заранее подготовленным и в целях маскировки притопленным переправам и устремился вперед.

Наступление развивалось успешно. Уничтожая остатки разбитых частей противника и подходившие его резервы, танкисты в тесном взаимодействии с частями 8-го гвардейского стрелкового корпуса все глубже проникали в оборону противника, отрезая ему пути отхода.

24-я танковая бригада полковника В. В. Сытника совместно с бойцами 5-й мотострелковой бригады с ходу завязала бой за населенный пункт Старица. Первые часы боя сложились трудными. Танкистам и мотострелкам пришлось сдерживать многочисленные контратаки противника. Тогда наступавшие обошли населенный пункт с запада и тем самым предрешили его освобождение.

К исходу дня 41-я танковая бригада полковника С. И. Алаева (он сменил полковника Н. П. Николаева, отозванного на учебу) с приданным ей мотострелковым батальоном, которым командовал старший лейтенант В. Д. Пивоваров, прорвалась вперед и завязала бой за населенные пункты Фурсово и Ульяново.

Чтобы обеспечить развитие успеха, генерал М. Г. Сахно направил туда 70-ю танковую бригаду полковника С. П. Коротеева, заменившего после ранения подполковника К. Н. Абрамова. Она быстро пере-

правилась через реку Фомина и также ударила по гитлеровцам, засевшим в Ульяново. Вскоре этот крупный населенный пункт был освобожден от оккупантов.

В боях на орловской земле личный состав корпуса проявил исключительное мужество, высокое боевое мастерство, слаженность и находчивость. Так, в освобождении Ульяново немалая заслуга принадлежала мотострелкам, которых вел в бой старший лейтенант В. Д. Пивоваров.

Мотострелки скрытно продвинулись по дну глубокой балки и при поддержке нескольких танков внезапно атаковали южную окраину Ульяново. Впереди мчался танк лейтенанта И. В. Кругляка. Враг сосредоточил по нему огонь из противотанковых пушек, укрывшихся в засаде. Лейтенант скоординировал свою механику-водителю: «Вперед!» И тридцатьчетверка вступила в единоборство с вражеской батареей. Ворвавшись на огневые позиции гитлеровцев, она уничтожила их, давила орудия.

Вспоминая бой, Иван Васильевич Кругляк, ныне полковник в отставке, рассказывает: «Отступая, фашисты оставляли засады. На одну из них — замаскированную артиллерийскую батарею — и натолкнулись у реки наши танки. Увидев, что мост через реку взорван, мы остановились. Тут и ударили гитлеровцы. Что делать? Раздумывать было некогда. Я приказал механику-водителю свернуть с насыпи и на полном ходу форсировать реку, а затем, не снижая скорости, рвануться прямо на батарею. Так и поступили. Наш маневр был настолько стремительным, что гитлеровцы не успели что-либо предпринять. От фашистской засады остались лишь трупы и раздавленные орудия».

Это лишь один эпизод из жизни Ивана Кругляка, коммуниста, кавалера многих боевых наград. В другом бою его танк в неравной схватке с врагом был подбит: снаряд попал в моторное отделение.

В танке действовал один лейтенант Кругляк. Фашисты решили схватить его живым. Он взял гранаты и стал отбиваться. Уложил на месте несколько гитлеровцев. Улучив удобный момент, Кругляк вылез через нижний люк, чтобы укрыться в безопасное место. И тут его обожгла мысль: «А что, если кто-либо из членов экипажа остался жив? Их же схватят фашисты!» И лейтенант снова, невзирая на опасность, воз-

вратился к танку, вынес из него истекающего кровью механика-водителя Богатырева и тем спас ему жизнь.

Геройски сражался на орловской земле и Василий Еремин, комсорг одной из рот батальона автоматчиков танковой бригады. Когда атакующих заставил залечь пулеметный огонь, он вызвался уничтожить пулемет. Снял с ремня гранату и пополз. Вот и дзот. Еремин пшвырнул в амбразуру гранату. Смолок пулемет, но потом снова застрочил. Тогда Еремин рванулся вперед и закрыл собой амбразуру, повторив подвиг Александра Матросова. Имя его осталось навечно в горячих строках фронтового поэта:

...И ребятам навстречу
Хлынул ливнем огня
Настороженный дзот...
И Еремин сказал:
— Делать нечего!
И пополз, чтобы телом
закрыть пулемет...

Фронтовые комсорги... У них было много обязанностей, а привилегия одна — первыми подняться в атаку. Таким отважным, не раз испытанным огнем был и старший сержант Александр Краснопольский, комсорг батальона автоматчиков 24-й танковой бригады. Еще в боях за Синяино, близ Ленинграда, он был ранен и контужен, но поля боя не покинул. Вот и у орловской деревеньки Ветрово вожак комсомольцев возглавил атаку. Нелегкий это был бой. После него бы малость передохнуть, но комсорг собрал накоротке молодых солдат, тепло сказал о их храбрости и доблести. От слов таких люди становились мужественнее, увереннее в себе.

Беседу прервал вражеский обстрел.

— Договорим потом, — сказал комсорг. — А сейчас всем — в бой!

Автоматчики бросились к танкам, уселись на броне поближе к башням. И снова повел их комсорг навстречу огню и металлу. Только и сказал: «Держись, ребята!» Будто и голос не громкий, а услышали все.

Комсорг одного из мотострелковых батальонов старший сержант Н. Д. Павонин не раз возглавлял атакующую цепь. Когда в одном из боев мотострелки залегли, прижатые пулеметным огнем, он проринк к огневой точке противника и забросал ее гранатами, обеспечив успех атаки. За свои подвиги Николай Дмитрие-

вич Павонин был награжден орденами Славы III и II степени.

Ожесточенный бой за деревню Старица вели воины батальона 5-й мотострелковой бригады, которым командовал капитан К. К. Дитюк. Стояла деревня на холме и была приспособлена противником для круговой обороны. Откуда ни подступись — огонь вражеских пулеметов.

Раз поднялись мотострелки в атаку, другой, третий, но существенно продвинуться не смогли. Тогда комбат приказал бойцам отползти к ложине, занять на ее скате оборону. Освободить деревню он решил ночью.

Заместитель командира батальона по политической части капитан Н. П. Линеvский, примостившись у соsenки с разбитой верхушкой, беседовал с бойцами, готовил их к ночной атаке. Укрывшись в балке вместе с начальником штаба старшим лейтенантом К. А. Григорьевым, капитан Дитюк разговаривал с разведчиками. Их было пятеро. Возглавил группу сержант А. И. Семиn, светловолосый крепыш с обветренным лицом. Стояла с ним и девушка, одетая, как все разведчики, в пятнистый маскировочный халат и кирзовые сапоги с широкими голенищами. Это была Ольга Суслова, худенькая голубоглазая разведчица. В корпусе о ее бесстрашии ходили легенды.

На фронт Ольга попала по направлению Московского комсомола. Вначале была медицинской сестрой, вынесла с поля боя более ста тяжелораненых бойцов и командиров. В боях за деревню Вязовая обстановка сложилась так, что девушке пришлось возглавить атаку мотострелков, прижатых огнем к земле. Поднялась из окопа, вскинула автомат над головой. Только и произнесла негромко: «За мной, ребята!» Сквозь грохот стрельбы голоса ее не было слышно, но, увидев ее бегущей вперед, бойцы устремились за ней.

За тот бой Ольга была награждена орденом Красной Звезды. Это была ее первая награда. Потом ей были вручены еще два ордена, в том числе орден Красного Знамени. Последний — за спасение на поле боя командира корпуса генерала Сахно. Во время одной из атак генерал не сразу заметил, как в него целится гитлеровский снайпер. Первой это увидела Ольга Суслова. Она-то и прикрыла собой генерала, и пуля, летевшая в него, ранила ее.

И вот сейчас отважная девушка готовилась с ребятами идти в разведку в деревню Старицу. Не дождав-шись, когда стемнеет, разведчики ушли на свое риско-ванное дело. Где лощиной, где хлебным полем, они скрытно проникли в деревню и, укрывшись, стали наблюдать, все беря на заметку. Их данные во многом помогли ночной атаке.

До рассвета еще было далеко, когда батальон тихо, без традиционных криков «вперед», «ура», устремился в атаку. Сам комбат Дитюк шел в атакующей цепи. Выкатили на прямую наводку свои орудия и расчеты батареи старшего лейтенанта Х. М. Багдалова.

Строжайше соблюдая меры предосторожности и ма-скировки, батальон приблизился к деревне. До нее оставалось совсем немного, когда вдруг послышался одиночный выстрел со стороны противника. Все в его стане ожило. Застрочили автоматы. Ударили откуда-то из-за домов орудия и минометы. Послышался гул тан-ков. Но стоило им выйти из своих укрытий, как по ним открыли огонь артиллеристы старшего лейтена-нта Багдалова. Повели огонь по вражеским танкам и орудийные номера огневого взвода лейтенанта В. В. Антропова. Два «тигра», что шли впереди, были подбиты.

Несли потери и артиллеристы. В одном из расчетов не осталось в живых ни одного человека. Тогда к ору-дию подбежал командир батареи Багдалов. Он рас-стрелял в упор танк врага, но и сам пал смертью храб-рых. Еще три танка подожгли командир роты проти-вотанковых ружей старший лейтенант И. Д. Чеботар-ев с рядовым А. К. Строиловым.

Чтобы усилить атаку, капитан Дитюк ввел в бой свой последний резерв — взвод автоматчиков. Враже-ская пехота, оставшаяся без прикрытия танков, заме-талась в панике. Мотострелки усилили натиск и, под-держанные огнем танкистов, ворвались в Старицу.

Огненный рейд

После освобождения Ульяново перед танковым баталь-оном, которым командовал майор С. И. Чубуков, бы-ла поставлена задача: действовать в составе передового отряда, пробиться к реке Вытебеть и захватить пере-праву. При этом командир бригады предупредил ком-

бата о том, что успех во многом зависит от скрытно-сти и внезапности действий.

Чубуков, вдумчивый и рассудительный командир, и сам понимал это. Он уже два года воевал: вначале полковым разведчиком, потом фронтовая жизнь сдела-ла его танкистом.

Два пути вели к реке. Один — прямая накатанная дорога, другой — глухой лесной проселок. Чубуков выбрал второй, более трудный, зато менее опасный путь. Танки с автоматчиками на броне двинулись че-рез лесную глушь.

Первым шел танк лейтенанта Ф. Н. Гридчина. Его обстреляли вражеские артиллеристы, затаившиеся у дороги. Экипаж тоже не дремал — подавил орудия противника. Но и танк оказался подбитым — осколками разорвало гусеничную ленту. Экипаж выпрыгнул из машины и принялся устранять повреждение. Увле-ченные работой, воины не сразу заметили, как к ним приблизился танк под номером «721» — машина их командира.

— Что случилось? — спросил Чубуков. Быстро обо-шел поврежденный танк и, заметив в его броне десят-ки вмятин, удивился: — Где это вас так?

— Еще утром у Речицы, товарищ майор.

— Надеюсь, в долгу не останетесь? — усмехнул-ся комбат. — Быстрее восстановливайте гусеницу и становитесь в засаду. — И, окинув взглядом местность, добавил: — В тех вон зарослях березняка. Стерегите дорогу, не пропустите врага. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— А мы — к переправе.

Противник, как и следовало ожидать, был готов к защите переправы. По подхлотившим к реке Вытебеть танкам ударила вражеская батарея. Пока ее огонь не был губительным: фашистские артиллеристы не успели еще пристреляться как следует. Однако опасность была в том, что танкисты не видели, откуда била ба-тарей.

Тогда танк комсомольца В. С. Сахно поднялся на высотку, засек огневые позиции гитлеровских артил-леристов. Решение созрело мгновенно: танк резко по-вернул в сторону и устремился на батарею, открыв по ней огонь с дальнего расстояния. Гитлеровцы засуети-лись, стали разворачивать пушки, чтобы ударить по танку. Не успели. Тем временем танки батальона, пе-

реправившись через реку, смяли фашистскую батарею. В том бою смело и решительно действовал лейтенант П. П. Прокофьев, командир танкового взвода. Его экипаж раздавил гусеницами две пушки.

В первые дни боев на орловском направлении мало кто слышал о лейтенанте А. Т. Танине. То ли фамилия у него негромкая была, то ли задачи экипажу выпадали не особенно трудные. А может, человек по своей скромности не любил рассказывать о себе и тем более о своих успехах.

Но после боев за деревню Большая Чернь о лейтенанте Танине и его экипаже узнали многие. В ходе одной из атак по его машине ударила вражеская пушка из густой ржи. Танин развернул танк и смял орудие с ходу. Потом, двигаясь по дороге, танк прошелся по вражескому обозу. А когда он возвращался, снаряды снова ударили по броне. Запахло гарью. Густой дым заполнил всю башню. Снаряды в любую минуту могли сдетонировать.

— В воду! — приказал Танин механику-водителю.

Танк повернул к реке и на полном ходу влетел в воду. Пожар был ликвидирован. Танин со своими бойцами продолжал громить врага.

Танки батальона снова шли вперед. Углубившись еще километров на 15 в тыл противника, они с наступлением темноты освободили село Веснины. Это произошло так неожиданно для врага, что он бежал, побросав оружие, боеприпасы и имущество. Но уйти далеко гитлеровцам не удалось. Майор Чубуков направил им вдогонку один из танковых взводов. У соседней деревни Светлый Верх противник был уничтожен.

Не давая врагу опомниться, Чубуков поспешил к селу Крапивна. Его танк на предельной скорости проскочил по улице этого населенного пункта и гусеницами уничтожил расположенную здесь артиллерийскую батарею. Затем танкисты вместе с мотострелками очистили Крапивну от гитлеровцев.

Продолжая наступать, танкисты продвинулись к лесу, за которым находилось село Чухлово. Майор Чубуков выслал вперед разведчиков во главе с лейтенантом В. С. Кувшиновым, а сам стал изучать местность. Его цепкий взгляд приметил на обочине тоненький ровик, прикрытый пожухлой травой. Майор ковырнул носком сапога землю, а под ней оказался кабель. Он

пересекал дорогу и тянулся в сторону Чухлово, — значит, там, в селе, штаб воинской части.

Предположение комбата подтвердил лейтенант Кувшинов, вернувшийся из разведки. В селе были обнаружены штабные машины, мотоциклы, а около них прохаживались часовые.

— Заводи! — приказал по радиации Чубуков экипажам танков. — Вперед!

Танки на высокой скорости влетели в Чухлово. В короткой схватке охранение штаба было уничтожено. Воспользовавшись смятением гитлеровцев, танкисты захватили две штабные машины с документами, взяли в плен несколько офицеров. С одним из них Чубуков встретился лицом к лицу. В штабе на столе стоял полковой телефон, гитлеровец с отчаянием вызывал кого-то на помощь. При виде человека в черном комбинезоне он схватился было за парабеллум, но Чубуков его опередил, выстрелив первым.

Далее путь лежал через деревню Мелихово. Здесь гитлеровцы сопротивлялись с особым отчаянием. Майор Чубуков был ранен: осколок раздробил кость ноги. Ходить он не мог, но продолжал управлять батальоном, пока командир бригады не приказал ему отправиться в медсанвзвод¹.

Несколько раньше, когда эта деревня еще находилась в глубоком тылу, в ней побывали разведчики во главе с лейтенантом И. Т. Краснощековым. Возвратившись из поиска, лейтенант написал в корпусную газету: «Моему разведвзводу предстояло установить подступы к деревне Мелихово, численность ее гарнизона. Едва рассвело, на двух транспортерах мы подъехали к деревне. Выставив боевое охранение, гитлеровцы, измотанные вчерашними боями, спали как убитые. Разведчики Шлыков, Донец, Мясников тихо сняли охрану и вошли в деревню. Я с четырьмя бойцами приблизился к большому дому. На крыльце нас со слезами радости на глазах обняла старушка хозяйка.

— Голубчики, насовсем? — запричитала она.

— Совсем скоро придем, бабуля, насовсем, — отвечаю ей. — Только скорее скажи, кто живет у тебя?

В ее просторном доме размещался штаб немецкой части. В комнате висели карты, на столе лежали ка-

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 53, л. 289—290.

кие-то документы. Прихватив их с собой, мы вернулись к своим».

Бой за Мелихово был нелегким. В неравной схватке с врагом погиб старший лейтенант М. Шедогубов. Его экипаж подбил восемь танков противника. Пал смертью храбрых командир 1-й танковой роты 262-го батальона капитан И. М. Степанов. Это был один из девяти сыновей Епистимии Федоровны Степановой из кубанской станицы Тимошевская. Храбро, бесстрашно сражались братья Степановы. Один из них — Александр за форсирование Днепра был удостоен звания Героя Советского Союза. В живых из Степановых остался лишь Николай. В августе 1945 года он вернулся под крышу отчего дома. Но и здесь война настигла солдата — Николай умер от фронтовых ран.

Наш однополчанин Илья Михайлович Степанов работал в колхозе, затем стал курсантом танкового училища. В звании лейтенанта начал свою службу в Прибалтике командиром взвода 25-й танковой бригады. Там он и принял боевое крещение уже в первый день войны, был ранен, долго находился в госпитале. После третьего ранения в мае 1943 года Илья писал Епистимии Федоровне: «Много думаю о Вас, живу мысленно с Вами, родная мама. Часто вспоминаю свой родной дом, свою семью... Ваш сын Илюша». Это было его последнее письмо. 14 июля 1943 года во время боя за деревню Мелихово из засады ударили по танкам орудия вражеской батареи. Снаряд противника попал в командирский танк. Так сложил голову капитан Степанов, до конца выполнивший свой долг перед Отчиной. Танкисты-однополчане поклялись над могилой своего командира-героя отомстить врагу, выгнать его с родной земли и выполнили свою клятву.

Всего восемь часов длился рейд танкового батальона Чубукова по тылам врага. Но за это время танкисты освободили семь населенных пунктов, уничтожили полторы сотни вражеских солдат, одиннадцать орудий, пять автомашин с боеприпасами, обоз с военными грузами, захватили радиостанцию, два десятка пленных.

За этот рейд майор Чубуков Семен Исакович, сын крестьянина из далекой сибирской деревни Березовка Ачинского района Красноярского края, был одним из первых в танковом корпусе удостоен звания Героя Советского Союза, а все танкисты его батальона награждены боевыми орденами и медалями.

Вместе с танками и пехотой

Совершив ночной марш по лесным дорогам, 1515-й легкий самоходно-артиллерийский полк занял боевые позиции рядом с танковыми и мотострелковыми подразделениями, с которыми ему предстояло освободить деревню Ягодная. Командовал полком майор Н. С. Дубовкин, заместителем командира по политической части был капитан Ф. П. Бушинский, начальником штаба — майор А. Д. Лубинский.

После окончания артиллерийской подготовки самоходчики на своих СУ-76 выдвинулись в боевые порядки наступающих подразделений и устремились к Ягодной, которая была превращена противником в сильный опорный пункт, оцепленный траншеями полного профиля. В дзотах располагались крупнокалиберные пулеметы. Казалось, не было на подступах к вражеской обороне такого клочка земли, который бы не простреливался перекрестным огнем.

Стоило танкам с десантом автоматчиков на броне приблизиться к Ягодной, как на них обрушился шквал огня. В передовой танковой роте старшего лейтенанта В. А. Карасева загорелась одна машина, за ней другая. Атака стала ослабевать. А тут еще вышли из леса несколько вражеских танков с пехотой и ринулись в контратаку. Обстановка на поле боя еще больше осложнилась.

Майор Дубовкин распорядился, чтобы самоходные установки изготовились к стрельбе. Лейтенант И. В. Цивенко поймал в перекрестие прицела танк и первым же снарядом повредил ему гусеницу. Стальная машина крутанулась на месте и замерла, подставив борт под очередной выстрел. Два других фашистских танка подбил экипаж лейтенанта А. П. Ткачева.

Когда по наступающим подразделениям ударила вражеская противотанковая батарея, самоходчики расстреляли ее прямой наводкой. Затем они взяли под обстрел дорогу, по которой противник подтягивал резервы. Это дало возможность танкистам и мотострелкам усилить натиск и освободить деревню Ягодную.

За мужество и героизм, проявленные в боях на орловском направлении, личному составу 1515-го легкого самоходно-артиллерийского полка была объявлена благодарность. Позднее полк был награжден орденом Красного Знамени. Свыше 80 процентов солдат,

сержантов, офицеров этой части удостоились государственных наград. В их числе командиры батарей А. Г. Строгов, В. И. Федосов, В. Л. Мязго, И. В. Чернов, командиры орудий В. Д. Емельянов, А. А. Бердников, Е. М. Богатых, наводчики и заряжающие В. И. Гайдуков, Н. Г. Васильев, Б. М. Махлин, А. Я. Рубчинский и многие другие.

В полку многое было сделано для того, чтобы подвиги героев были известны всему личному составу, а их опыт стал достоянием каждого экипажа. Сразу же, едва стихли бои, во всех подразделениях прошли совещания по обмену опытом отличившихся воинов, были выпущены специальные листовки. В одной из них после описания боевых дел механика-водителя самоходной установки старшего сержанта А. В. Кузнецова, кавалера орденов Красного Знамени и Отечественной войны I степени, содержался призыв: «Товарищи танкисты! Учитесь у Кузнецова боевому мастерству. Громите подлюю фашистскую нечисть, как громит ее он. Быстрее вперед, освободители родной советской земли!»

Большую работу по обобщению и пропаганде опыта героев орловских боев провели заместитель командира полка по политической части майор И. А. Ключков, который сменил капитана Ф. П. Бушинского, выбывшего по ранению, и секретарь партийного бюро полка старший лейтенант К. Е. Шиндер. По их инициативе в подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Бери пример с героя — учись на его опыте». В пример приводились экипажи самоходных установок лейтенантов Г. Лебедева, И. Морозова, В. Ляпина. Родителям сержантов В. Калябина и А. С. Рогова были посланы благодарственные письма.

Все эти мероприятия сплачивали личный состав полка, повышали их наступательный порыв и стойкость в обороне. В последующих боях самоходчики не раз показывали себя достойными соратниками танкистов и мотострелков.

Укрощение «тигров»

В полдень 14 июля противник, разъяренный неудачей, бросил в полосу наступления 5-го танкового корпуса танки, в том числе «тигры». Путь им пытались расчистить пикирующие бомбардировщики.

Гул вражеских танков нарастал. Впереди шли «тигры», хищно вытянув длинноствольные пушки. Командир противотанковой батареи 24-й танковой бригады капитан В. А. Капустин опустил бинокль. Теперь и без него было видно, как часть танков свернула с дороги, на ходу перестроилась в боевой порядок и устремилась прямо на огневые позиции его батареи, оборудованные у пологого оврага, заросшего кустарником.

Комбат не дрогнул. Он был уверен — тут им не пройти. Это не сорок первый год и не сорок второй. Если тогда на полях Подмосковья на километр фронта приходилось по два-три орудия, то теперь на орловском направлении насчитывалось их более 30. Только в одной его батарее было пять 76-мм противотанковых пушек (они поступили на вооружение вместо 45-мм орудий).

И вот, когда отчетливо стали видны кресты на башнях танков, капитан Капустин скомандовал:

— Ба-та-рея! К бою! — и, словно отрубая, резко опустил поднятую руку: — Огонь!

Пять или шесть танков загорелись, окутывая все вокруг едким черным дымом. Другие, обойдя их, лезли напролом. По ним били прямой наводкой орудия старшего сержанта Г. Ф. Семенюты, сержантов А. К. Бедского, Н. В. Данилова, Н. Ф. Королькова.

Прильнув к окуляру прицела, наводчик сержант Б. В. Козлов выстрелил в «тигра». В следующую минуту он снова припал к прицелу, но вдруг покачнулся, упал между станин: осколок сразил его насмерть. К орудию встал артиллерийский разведчик старший сержант М. И. Смирнов. Два первых его снаряда попали в «тигра», но срикошетировали от его брони.

— Подкалиберный! — крикнул Смирнов.

Подносчик быстро подал снаряд. Последовал выстрел. На этот раз танк задымил и застыл на месте. Некоторые танки стали медленно и неуклюже разворачиваться, но другие все еще атаковали.

— В борта им, в борта! — раздался голос капитана Капустина.

Вспыхнули еще две вражеские машины. Но и батареям пришлось нелегко. Снаряды с визгом пролетали над орудиями, с оглушающим грохотом рвались поблизости. Во все стороны летели горячие осколки. Все меньше оставалось артиллеристов в строю.

У одной из пушек взрывной волной сорвало колесо,

сержант Данилов бросился к снарядным ящикам, схватил один из них, что покрепче, чтоб подложить под станину. Капитан В. А. Капустин хотел помочь ему, но, тяжело раненный осколком, упал около орудия. Командование батареей принял на себя его заместитель по политической части старший лейтенант Н. И. Талалаев.

Там, где стояла батарея, на поле боя осталось восемь подбитых танков, в том числе три «тигра».

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Когда по инициативе тамбовских колхозников в стране развернулось всенародное движение помощи фронту боевой техникой и оружием, артиллеристы батареи капитана В. А. Капустина не остались в стороне от этого благородного почина.

— Вот бы и нам, фронтовикам, последовать примеру труженников тыла, — предложил секретарь партийной организации батареи сержант Н. П. Крюков.

Артиллеристы его поддержали.

— С чего начнем?

— Со сбора средств.

Солдаты и офицеры один за другим подходили к столу, вносили свой вклад. Потом подсчитали: собрали без малого 30 тысяч рублей. Прикинули и решили построить на свои личные сбережения батарею самоходных установок.

В апреле 1943 года, когда артиллеристы вели бои под Сухиничами, в штаб 24-й танковой бригады поступила правительственная телеграмма за подписью Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В ней сообщалось, что просьба личного состава батареи выполнена — на собранные денежные средства построены 76-миллиметровые самоходные установки.

После боев на Курской дуге четыре СУ-76, еще пахнущие свежей краской, поступили в корпус. Ездил за боевыми машинами на завод старший сержант М. И. Смирнов. Освоив их, артиллеристы капитана Капустина продолжали сражаться с врагом уже на самоходных установках.

Люди подвига

В ночь на 18 июля группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Ф. Е. Воробьевым ушла в тыл противника. Ей предстояло выяснить обстановку на

противоположном берегу реки Вытебеть юго-восточнее Ульяново. Переправившись через реку, разведчики зашагали по тропинке в лес и вскоре вышли на дорогу, ведущую к деревне Ягодная.

Выполнив задание, бойцы теми же лесными зарослями возвратились в свое расположение. Полученные данные командир разведгруппы доложил командиру 24-й танковой бригады полковнику В. В. Сытнику. Тот в свою очередь передал их в штаб корпуса. Ознакомившись с ними, генерал Сахно приказал вывести бригаду в тыл противника с целью перерезать дорогу восточнее Ягодной.

Бригада двинулась в нелегкий и опасный путь. Когда она приблизилась к дороге, по ней двигалась вражеская колонна танков, автомашин с пехотой и несколькими зенитными орудиями.

Полковник Сытник передал по радиации командирам экипажей, чтобы они открыли огонь с места. После первых же выстрелов в центре колонны все смешалось. Гитлеровцы были ошеломлены.

Вражеские офицеры пытались навести порядок в колонне, организовать сопротивление, но тщетно. Под прикрытием зенитных пушек остатки колонны стали поспешно отходить.

Танкисты 24-й бригады преследовали врага, уничтожали его огнем и гусеницами. Экипаж комбрига успел несколько раз выстрелить, но и в командирский танк попал снаряд. Полковник Сытник перешел в другую машину, чтобы из нее продолжать руководить боем. Вдруг за своей спиной он услышал нарастающий вибрирующий гул. Это подходили танки 41-й бригады. В совместной атаке они завершили разгром вражеской колонны.

В том бою полковник Владимир Владимирович Сытник, сын украинского хлебороба, коммунист, погиб смертью храбрых. Еще в боях под Москвой он проявил мужество и героизм, за что был дважды удостоен ордена Ленина.

Крепко сбитый, сильный, отважный, комбриг Сытник был любимцем танкистов. Похоронили его под молодым ветвистым дубом, у дороги. (После войны прах героя-танкиста перенесли на Братское кладбище города Сухиничи.) Бойцы молча стояли у могильного холмика. Не было ни речей, ни залпов салюта, не бы-

до слез. Была только жгучая ненависть к заклятому врагу.

После гибели В. В. Сытника 24-й бригадой стал командовать полковник В. К. Бородавкин. Под его руководством танкисты продолжали освобождать орловскую землю.

К концу 20 июля они успешно преодолели водную преграду и внезапной атакой выбили противника из крупного населенного пункта Столбчее.

Гитлеровцы стали отступать в сторону Орла, но здесь оказались под угрозой окружения. Наша разведывательная группа во главе со старшим лейтенантом Ф. Е. Воробьевым открыла по отступающему противнику огонь, сея в его стане панику.

Войсковые разведчики! Люди подвига! Лихие ребята, ловкие, умелые, смекалистые, они всегда были первыми там, где труднее и опаснее всего, где на каждом шагу подстерегала смерть. И неудивительно, что о разведчиках ходили легенды. Имена многих из них, как, например, М. Г. Петрова, М. П. Вознюка, Л. М. Скуйбиды, Е. В. Гарбуза, О. А. Сусловой, Н. Г. Дадайкина, Я. П. Курмашева, Г. И. Ломоносова, были известны всему личному составу корпуса.

Принято считать, что саперы ошибаются один раз в жизни — это верно! Но и у разведчиков служба, пожалуй, не менее рискованная.

Добрая слава ходила в корпусе о воинах 92-го разведывательного мотоциклетного батальона, которым командовал майор М. П. Пашков. Рослый, плечистый, атлетического телосложения, он нередко ходил со своими бойцами в разведку, добывал ценнейшие сведения о противнике. Трижды его ранило, но каждый раз, после излечения, возвращался в свою часть. По характеру это был настоящий разведчик. И так уже в корпусе повелось, когда нужен был «язык», то начальник разведки подполковник А. И. Семушкин, бывало, говорил: «Пошлем пашковцев, и успех будет обеспечен».

На вооружении батальона были не только автоматы и пулеметы, но и танки, бронемашины, пушки, минометы. Батальон вел разведку боем, его отдельные группы проникали в тыл противника, устраивали засады и поиски.

Под деревней Ермачки разведывательному мотоциклетному батальону пришлось отражать контратаку вражеских танков и пехоты. Разведчики обрушили на

врага шквальный огонь из всех видов оружия. Артиллеристы прямой наводкой ударили по танкам, отсекая от них пехоту. Командир одной из рот старший лейтенант Л. Скуйбида командовал пулеметным расчетом:

— По пехоте — огонь!

Косили свинцовыми очередями атакующие цепи врага бойцы взвода лейтенанта А. А. Арбузова. Их поддерживали своим огнем подчиненные старшего лейтенанта М. П. Вознюка.

Разведчики выстояли, показав воинское мастерство, храбрость, крепкую взаимовыручку. Отлично зарекомендовали себя радисты старшего лейтенанта П. З. Ткачева. В труднейших условиях они сумели обеспечить бесперебойную связь. Без единой ошибки вела радиосвязь младший сержант А. Новицкая (Шикина). В самый разгар боя ей было приказано заменить на наблюдательном пункте выбывшего из строя радиста. Бежать туда Новицкой пришлось под градом осколков и пуль. Но она все же добралась до места, и зазвучали в эфире позывные.

Враг отступает

Бои с каждым днем приближались к Орлу. От него советские войска отделяли каких-нибудь 15—20 километров. Ничто не могло сдержать их порыва: ни бомбежки, ни яростные контратаки. Гитлеровцы начали отходить, опасаясь окружения.

Вместе с другими соединениями Красной Армии 5-й танковый корпус преследовал противника.

Особенно яростное сопротивление противник оказал в районе населенных пунктов Руднево, Рожково, Большая Чернь. Так, в танковой роте лейтенанта В. Н. Дубкова вышли из строя все экипажи. В 7-й роте 3-го батальона 5-й мотострелковой бригады уцелели всего 12 человек. Ее командир старший лейтенант В. В. Кирсанов получил тяжелое ранение, но оставался в строю до тех пор, пока не отбили контратаку.

Во время боев в районе реки Нугрь в корпус приехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков¹. В штабе он ознакомился с тактической обстановкой на участке боевых действий танкистов, а затем выехал на передний край.

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 71, л. 5—12.

Прославленного полководца сопровождали танки взвода, которым командовал старший лейтенант Иван Семенович Ивкин, волевой и мужественный офицер. Он вспоминает:

«День стоял солнечный, безоблачный, однако Георгий Константинович Жуков был в кожаном пальто, без погон. Как всегда, собранный, строгий. Он придирчиво осмотрел переправу через реку Нугрь. Потом направился в сторону переднего края, где шел бой.

Риск был большой, хотя и соблюдались все меры предосторожности. Машину маршал приказал оставить в леске примерно в километре от передовой. Дальше он пошел пешком в сопровождении генерала М. Г. Сахно. Немного не дойдя до переднего края, они остановились и о чем-то долго говорили, не обращая, казалось, никакого внимания на обстрел и бомбежку. Жуков внимательно осмотрел окрестные долины и взгорки. Ему, как видно, нужно было самому оценить местность, представить возможное развитие боя.

Эпизод этот вроде бы и давний — прошло не одно десятилетие, а вот до сих пор не забывается: ни сам приезд легендарного маршала, ни то, как он, не ведая страха, явил всем нам наглядный урок личной отваги и мужества».

Действуя под Болховом, Хотынцом и Карачевом, с 12 июля по 3 августа танкисты корпуса прошли с боями 95 километров, освободили совместно с войсками других соединений и частей 176 населенных пунктов. Было уничтожено и взято в плен более 10 тысяч гитлеровцев, выведено из строя 45 самолетов, 117 танков, 154 орудия разных калибров¹.

Личный состав корпуса 5 августа 1943 года с гордостью воспринял весть о первом салюте в Москве в честь побед Красной Армии — освобождения советскими войсками Орла и Белгорода.

Освобождением Харькова завершилась битва на огненной Курской дуге. Она вошла яркой страницей в историю Великой Отечественной войны. В ходе этой битвы, не знавшей себе равных по масштабности, по ожесточению и упорству борьбы, был сломлен хребет гитлеровской армии. Это имело не только военное, но и политическое значение. Была окончательно предопределена участь фашистского вермахта — до самого

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 13—14.

конца войны противник так и не смог вернуть стратегическую инициативу, вынужден был обороняться и отступать.

В сражениях на Курской дуге со всей силой проявились величие духа, воинская доблесть Красной Армии, стойкость, мужество и массовый героизм ее солдат, сержантов, офицеров и генералов. Свыше 100 тысяч из них были награждены орденами и медалями, а более 180 человек удостоены звания Героя Советского Союза¹. Были отмечены высокими государственными наградами и сотни бойцов и командиров 5-го танкового корпуса, показавших в боях на орловском направлении примеры мужества, отваги и мастерства.

Согласно директиве Верховного Главнокомандования 8 августа корпус был выведен в резерв Ставки. Передав оставшиеся танки 4-й танковой армии, его части и подразделения совершили 200-километровый марш и сосредоточились в одном из районов Тульской области, где до ноября 1943 года укомплектовывались личным составом, боевой техникой и вооружением.

Штабы и политотделы частей подвели итоги боевых действий на орловском направлении, обобщили опыт отличившихся в боях танкистов, артиллеристов, мотострелков, саперов, связистов, сделав его достоянием всего личного состава. Были проведены командно-штабные учения в обстановке, максимально приближенной к боевой.

В состав корпуса вошли новые части: 1546-й танко-самоходный артиллерийский полк, 47-й гвардейский минометный дивизион и другие.

С 20 по 22 ноября в корпусе находился маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко. Он провел смотр частей и остался доволен их подготовкой к выполнению боевых задач².

И снова опасные фронтовые дороги. Великие Луки, Пустошка, Идрица, Новосokolьники... Боевой путь вел танкистов все дальше и дальше на запад, к новым победам над немецко-фашистскими захватчиками.

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев В. Г. Курская битва. М., 1983. С. 118.

² ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 14.

В ГОРОДОКСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Разведка боем

В конце 1943 года развернулись ожесточенные бои на витебском направлении. Советские войска, наступавшие западнее Невеля, прорвали вражескую оборону и, уничтожая отдельные узлы сопротивления противника, сначала продвигались на запад и юго-запад, но затем наступление их было приостановлено. Дело в том, что горловину прорыва шириной 10 километров, через которую прошли наши части, врагу удалось сузить до 2—3 километров. Нависла угроза окружения наших войск, действовавших в северной части так называемого Невельского мешка.

Командование 1-го Прибалтийского фронта после тщательной оценки обстановки решило провести наступательную операцию в целях разгрома городокской группировки противника и ликвидации угрозы окружения советских войск западнее и юго-западнее Невеля.

Эта операция, названная Городокской, отличалась оригинальностью замысла, сложностью подготовки, тщательной организацией взаимодействия, а также трудностями ее проведения в условиях лесисто-болотистой местности зимой.

Группировка противника в образовавшемся городокском выступе насчитывала восемь пехотных и авиационных дивизий, одну танковую дивизию и ряд отдельных частей. В каждой пехотной дивизии было 9—10,5 тысячи, а в авиационной — более 5,5 тысячи человек. Противник имел до 800 орудий и минометов разных калибров и 120 танков. Его оборона состояла из системы опорных пунктов, оборудованных главным образом на господствующих высотах, по берегам рек и озер.

Город Городок был невелик, но словно сама природа создала его для обороны, с трех сторон окружив водными преградами. Кроме того, противник создал вокруг Городка четыре линии укреплений. Три из них располагались непосредственно на подступах к городу, а четвертая опоясывала его окраины. Всюду были возведены доты и дзоты. Проходящие здесь железная дорога, а также шоссе с твердым покрытием позволяли гитлеровскому командованию маневрировать и быстро перебрасывать резервы из глубины своей обороны.

Все это учитывало советское командование, прежде чем принять решение на проведение Городокской операции (13—31 декабря). В ходе ее предполагалось встречными ударами 11-й гвардейской и 4-й ударной армий в направлении станции Бычиха разгромить городокскую группировку противника, овладеть Городком и наступать на Витебск.

Следует сказать, что бои под Городком велись нашими войсками и раньше, а точнее — с 16 ноября 1943 года. Участвовал в них и 5-й танковый корпус. Войдя в прорыв вражеской обороны, сделанный войсками 1-го Прибалтийского фронта на участке Медведовка, Ковали, танкисты продвинулись на 40—45 километров. Форсировав реку Чернавка, они освободили населенные пункты Заполье, Глушица, Горелая Гряда и вышли на западную окраину Городка. Отдельные танки 24-й бригады темной, дождливой ночью ворвались на одну из центральных улиц города и здесь смело вступили в бой с контратаковавшим противником. Рота во главе со старшим лейтенантом Н. И. Можаровским огнем и гусеницами уничтожила пять бронемашин, десятки грузовиков и тягачей. Героями этого уличного боя были также лейтенант М. Я. Кайгородов, младший лейтенант С. В. Кузьминых, сержанты М. И. Самсонов, А. П. Бондарев, П. В. Доценко, младшие сержанты Н. В. Воробьев, И. Д. Уткин, М. Т. Шаров, М. П. Будник, Н. В. Пахмутов.

Вслед за танкистами Николая Можаровского в Городок пробилась и танковая рота во главе со старшим лейтенантом Василием Григорьевичем Кобзевым, героем Сталинградской битвы, кавалером ордена Красного Знамени и трех орденов Красной Звезды. Вперед он выслал взвод лейтенанта И. К. Чуприна. И танки, на высоких скоростях выскочившие на Старополуцкую улицу, попали под обстрел вражеских орудий. Один из

снарядов сбил антенну, и экипаж танка командира взвода остался без связи. Можно было выйти из боя и устранить неисправность, но лейтенант Чуприн приказал:

— Полный вперед!

Механик-водитель включил скорость, и гусеницы снова застучали по каменистой дороге. У одного из домов, в палисаднике, стоял в засаде «фердинанд». Командир взвода увидел, как дульный тормоз штурмового орудия угрожающе качнулся вниз-вверх, но успел выстрелить первым.

Затем с ходу тридцатьчетверка врезалась в колонну противника, стала давить повозки, автомашины, мотоциклы. Во время этого стремительного натиска фашисты забросали танк гранатами. Машина загорелась. Заряжающий сержант Н. П. Коротков и стрелок-радист младший сержант В. Б. Красильщиков были убиты. Задыхаясь в дыму, лейтенант Чуприн вынес их из горячей машины. Сильные ожоги получил и сам взводный. Испытывая мучительную боль, он выхватил из кобуры пистолет и стал отстреливаться от гитлеровцев. Обойма вмиг опустела. Танкист метнулся во двор, вбежал в сарай, укрылся в старой соломе, и... словно провалился в пустоту. А когда пришел в себя, с ужасом подумал: «А что если фашисты нагрянут в сарай, а у меня ни патрона, ни гранаты...» Послышались шаги. Он приник к щели в дощатой стене и увидел человека в ветхой одежке. Кто он? Полицай? Предатель? Войдя в сарай, неизвестный сердито пнул валяющуюся у двери немецкую противогазную коробку, зло бросил: «Быдло!» По слову Чуприн определил, что это местный житель, возможно партизан. И не ошибся.

Сотни, тысячи их, народных мстителей, вели борьбу с лютым врагом на земле Витебщины. После знакомства Чуприн узнал, что Ефим Николаевич Хохлов действительно партизан. Он, можно сказать, и спас ему жизнь. О том, что Иннокентий Кузьмич Чуприн пережил и выстрадал, находясь 11 суток в логове врага, он уже после войны написал в документальной книге, которую так и назвал «Судьба танкиста».

Подобная история произошла и с лейтенантом Н. Г. Матвеевым, командиром взвода автоматчиков. Его бойцы во время уличного боя в Городке уничтожили несколько фашистских танков. Многие из них погибли. Матвеев был тяжело ранен в ноги и голову.

Гитлеровцы бросились к нему с криками: «Рус, сдавайся!» В руках у лейтенанта была граната. Он бросил ее и, воспользовавшись их паникой, отполз в придорожный кустарник. И потерял сознание. Наутро стоны его услышал проходивший мимо пожилой человек в изодранном полушубке. Он остановился, осторожно раздвинул кусты и увидел искалеченного советского лейтенанта. Человек осмотрелся — нет ли поблизости гитлеровцев, взвалил на плечи офицера и принес в свою хату.

Как потом стало известно, это был житель деревни Озерки Городокского района Степан Дмитриевич Афанасьев. Несколько дней его семья укрывала на чердаке раненого Матвеева, ухаживала за ним, как за сыном. Фашисты не раз наведывались в дом, но никто не выдал советского офицера, попавшего в беду.

Те первые бои за Городок скорее напоминали собой разведку боем. Противник успел подтянуть крупные силы из глубины своей обороны и то и дело бросался в отчаянные контратаки. Преодолевая бездорожье, танки в ряде мест застревали в непролазной грязи. Пока их вытаскивали с помощью тягачей, бойцы 5-й мотострелковой бригады под командованием подполковника П. А. Шабурко, сменившего майора А. И. Хайленко, все же продолжали теснить противника. Сам комбриг находился в боевых порядках. Рослый двадцатичетырехлетний сибиряк, он был для подчиненных примером бесстрашия.

Во время артналета около командира бригады разорвался снаряд. Взрывной волной его сбilo с ног, ранило осколком в грудь. В азарте боя он рывком поднялся с земли, зажав рану рукой — из нее хлестала кровь. Теряя сознание, он проговорил: «Эх, не вовремя!»

Обстановка с каждым днем осложнялась. Подвоз продовольствия, боеприпасов, горючего и смазочных материалов на исходный рубеж, по существу, прекратился. Сухари, концентраты сбрасывались с самолетов либо доставлялись на лошадях, а чаще всего — на солдатских плечах. При ходьбе ноги засасывала трясина, за голенища сапог заливалась вода с грязью. Нередко, стоя по колено в месиве, бойцы передавали друг другу по цепочке снаряды, мины, ящики с патронами.

Нелегко пришлось в этих условиях связистам. Начальник связи корпуса подполковник Н. Д. Сурнин,

сменивший подполковника М. М. Выменкина, принял все меры к тому, чтобы подтянуть отставшие радиостанции штабов бригад и полков, обеспечить надежное управление частями. С ног валялись от усталости связные и посыльные. Всюду хлюпающая, чавкающая грязь. На дне окопов — вода, в ходах сообщения — вода, куда ни прислонись — мокро. Даже сухари в вещевом мешке превращались в липкий клейстер.

Враг на заранее подготовленных выгодных рубежах упорно сопротивлялся, зло огрызался. Наши батальоны несли потери. Оставалось одно — занять оборону и удерживать занятые рубежи до подхода главных сил.

Освобождение Бычихи

Утром 13 декабря 1943 года частям 5-го танкового корпуса снова предстояло наступать. И задача перед ними была поставлена нелегкая: войти в прорыв, сделанный другими войсками, овладеть станцией Бычиха, перерезать железную дорогу и шоссе, не допустив таким образом отхода гитлеровцев на Витебск.

Учитывая, что на лесисто-болотистой местности фланги боевых порядков наступающих подразделений часто остаются открытыми, командир корпуса генерал М. Г. Сахо выделил значительные резервы, которые могли парировать контрудары противника.

Работники штаба корпуса тщательно продумали и рассчитали марш танков и самоходных установок из выжидательных районов на исходные рубежи, организовали надежное регулирование движения и службу технического замыкания, располагающую средствами эвакуации.

Наступление началось после мощной артиллерийской подготовки. В полосе действий 11-й гвардейской армии, наносившей главный удар, противник оказал упорное сопротивление. Только незначительным силам армии удалось вклиниться в его оборону. Большого успеха добились соединения и части 4-й ударной армии, которые прорвали главную полосу обороны противника. В оперативное подчинение этой армии и входил 5-й танковый корпус.

Вскоре темп наступления снизился. Танки и пехота попали под ураганный огонь почти 25 артиллерийских и минометных батарей противника. Дали себя знать и капризы погоды. Землю приморозило, даже вы-

пал снег. Но едва наши войска втянулись в глубину обороны противника, как наступила оттепель. Дороги стали непроходимыми не только для колесного автотранспорта, но и для гусеничного. Танки садились на днища. К тому же нелетная погода ограничивала действия нашей авиации.

Продвижение вперед, однако, продолжалось. 14 декабря на правом крыле 11-й гвардейской армии были введены в сражение 1-й танковый корпус и 83-я гвардейская стрелковая дивизия. 16 декабря 1-й танковый корпус вышел к станции Бычиха, где соединился с 5-м танковым корпусом. Так было завершено полное окружение четырех пехотных дивизий врага, а также шести отдельных специальных и охранных батальонов¹.

Кольцо вокруг вражеской группировки сжималось. Чтобы вырваться из окружения, гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки, вплоть до психических атак. В них участвовало до 5000 солдат и офицеров как в пешем строю, так и верхом на обозных лошадях.

В течение трех суток враг делал все, чтобы выйти из окружения.

На одном из участков, у деревни Малашенки, он 14 раз атаковал наши части большими группами, но безуспешно.

Противник все же не терял надежду. Фашисты сбрасывали с самолетов листовки над расположением советских войск, в которых нахально писали: «Мы в кольце, и вы в кольце, посмотрим, что будет в конце».

Довольно большой группе вражеских танков и машин с пехотой удалось выйти в район населенных пунктов Гробница и Холявки, но здесь на ее пути встала 41-я танковая бригада под командованием полковника П. И. Корчагина, который заменил полковника С. И. Алаева, получившего ранение. Смело маневрируя на поле боя, танкисты вынудили противника метаться с одного участка на другой. Тут и там громоздилась его разбитая боевая техника, повсюду валялись трупы.

Командир взвода лейтенант Б. В. Ловков со своим экипажем уничтожил четыре вражеских танка, два

¹ ЦАМО, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 673.

штурмовых и шесть противотанковых орудий. Во время отражения второй вражеской контратаки лейтенант Борис Ловков пал смертью храбрых. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Очень уважали и любили в бригаде молодого, но уже опытного и смелого лейтенанта Н. Т. Юрченко, уроженца села Ситное (ныне Белгородской области). Окончив с отличием в 1940 году Орловское бронетанковое училище, Юрченко добровольцем ушел на фронт. В боях под Москвой танковый взвод, которым он командовал, раздавил гусеницами несколько вражеских противотанковых орудий и минометов вместе с их прислужкой. Грамотный и волевой офицер вскоре был назначен начальником штаба батальона. В этой должности он проявил деловитость, организованность, оперативность — ценные качества, которые необходимы людям штабной профессии. А когда в бою под Бычихой тяжело ранили командира батальона, капитан Юрченко заменил его и повел танкистов на врага. Разгорелась огневая дуэль. Его боевая машина была пробита в нескольких местах, двигаться она уже не могла, но экипаж продолжал сражаться. Это был последний бой отважного танкиста, посмертно награжденного орденом Красной Звезды.

Там же, в боях под Бычихой, отличился и механик-водитель старшина Н. С. Рябиченко. Вчерашний рабочий уральского завода, он воевал на танке Т-34, купленном на личные сбережения экипажа.

Трудно сказать, кто первый подал мысль: поехать на фронт на собственном танке. Эта идея взволновала молодых рабочих-ремонтников — Николая Рябиченко, его друзей Илью Мельникова, Ивана Кочуро, Гавриила Казанникова, Афанасия Карцева. Они собрали необходимую сумму денег, написали письмо в Москву с просьбой построить на их личные средства танк и разрешить воевать на нем. Их просьба была удовлетворена.

Воевали уральцы умело, бесстрашно. При отражении лишь одной контратаки врага, стремившегося вырваться из окружения, экипаж старшины Рябиченко уничтожил более 30 автомашин с пехотой и грузами, 5 полевых орудий, до роты гитлеровцев. В том бою танк наскочил на мину. Порвало гусеницу, мотор заглох. Стоило танкистам выйти из машины, как они

попали под огонь гитлеровцев. Рябиченко ранило в ноги. Ехать в тыловую госпиталь он отказался. Залечив раны в бригадном медсанвзводе, старшина снова сел за рычаги своей тридцатьчетверки, которая к этому времени уже была восстановлена, и продолжал воевать.

Непосредственный участник боев в районе станции Бычиха, бывший командир танкового батальона 70-й танковой бригады майор в отставке Л. И. Соловьев рассказывал:

«Нам было приказано освободить деревню Выровля. Мы быстро углубились в тыл противника километров на десять. К ночи подошли к Выровле и глазам своим не поверили: все кругом освещено, маскировки никакой. Гитлеровцы, конечно, нас не ожидали. Мы открыли по ним такой огонь, что они без особого сопротивления стали сдаваться в плен.

Неожиданно на дороге показались вражеские танки. Двигались они с зажженными фарами. Приблизившись к нашей колонне, остановились. Смотрю, бежит ко мне немецкий офицер, очевидно пришедший меня за своего. Разглядев наконец, что перед ним советский командир, он закричал в испуге: «Рус, рус!» — и бросился наутек. Мы развернулись и открыли по их колонне огонь из пушек и пулеметов. Один танк был подбит, два других уткнулись в кювет, остальные скрылись в ночной темноте.

Когда наши танки приблизились к станции Бычиха и уже шли по мосту, один из них загорелся. Это ударила по нему из засады противотанковая батарея противника. Мы тоже не дремали. Огнем с места заставили ее замолчать. А затем на предельной скорости ворвались на станцию».

Исключительную смелость проявили танкисты и других батальонов 70-й танковой бригады. Освобождая Бычиху, они захватили на станции готовые к отправке воинские эшелоны противника. Когда один из эшелонов враг попытался увести со станции, танк младшего лейтенанта В. В. Куницы нагнал и таранил его. За этот подвиг механик-водитель старший сержант В. М. Мордвин был удостоен ордена Ленина.

За боевые действия по разгрому и уничтожению врага под Бычихой 70-я танковая бригада была награждена орденом Суворова II степени.

В районе Бычихи смело и решительно действовали

мотострелки. Они ворвались в деревню Старые Войханы. Завязался жаркий бой, перешедший в рукопашную схватку. Командир батальона капитан К. К. Дитюк получил тяжелое ранение. Его заменил заместитель по политической части майор Н. И. Волошенко. Это был опытный политработник. Перед уходом на фронт он работал инструктором Саратовского обкома комсомола.

«На войне главное в политработе, — сказал он однажды, — это создать высокий моральный и политический настрой бойцов. И еще — личный пример». Он так и поступал: вдохновлял людей на бой, подвиг.

Вот и тогда Николай Волошенко вел бойцов в атаку. В эти минуты его политработа заключалась в самом простом — быстрее сблизиться с противником, выбить его с рубежей. В наступательном порыве он не сразу почувствовал, что по ногам хлестнула вражеская пулеметная очередь. Он даже сделал несколько шагов и только потом упал. Рванулся было встать — не смог. К Волошенко бросился связной — комсомолец Владимир Хороборников и понес раненого майора в безопасное место. В это время начался минометный обстрел. Связной прикрыл Волошенко своим телом. Поблизости разорвалась мина: комсомолец погиб, а офицера уберег от гибели.

Батальон возглавил начальник штаба капитан К. А. Григорьев, выпускник Тамбовского пехотного училища. Внешне он производил впечатление человека спокойного, малоразговорчивого. Слов на ветер не бросал. В то же время был смелым и решительным. В критические минуты штабной работник вставал в атакующие цепи. Дважды был ранен, но снова возвращался в свою часть, став впоследствии кавалером орденов Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

И вот сейчас во главе с капитаном К. А. Григорьевым мотострелки дружной и дерзкой атакой выбили врага из нескольких домов. Вскоре вся деревня была освобождена.

Мотострелкам во многом помогли артиллеристы батареи, которой командовал старший лейтенант А. А. Королев. Укомплектована она была в основном курсантами Таллинского военного пехотного училища. Учились стать пехотинцами, а война сделала их артиллеристами. Продвигаясь в боевых порядках мо-

тострелков, орудийный расчет старшего сержанта П. И. Зыкова подбил три вражеских танка.

Настоящими мастерами огня слыли бывшие таллинские курсанты командир орудия сержант А. В. Сокуров, наводчики рядовые С. С. Николаев, В. К. Бурдиев и другие. В боях на белорусской земле артиллеристы батареи старшего лейтенанта А. А. Королева уничтожили пять танков и штурмовых орудий, до роты солдат противника.

Бойцам 3-го мотострелкового батальона под командованием капитана В. Д. Пивоварова пришлось вести наступление по лесисто-болотистой местности — там, где противник менее всего ожидал. Поздним осенним вечером мотострелки вырвались далеко вперед, и тут путь им преградило большое, но неглубокое озеро. Немедленно была выслана разведка с целью найти обходной путь, но поблизости его не оказалось.

Тогда командир батальона принял смелое решение — наступать прямо через озеро, он первым вошел в воду, подняв над головой автомат и документы. За ним устремились заместитель по политической части капитан П. А. Колпаков и начальник штаба старший лейтенант В. М. Портнов. Их пример оказался сильнее всяких слов. Идти было трудно. Местами вода была по грудь. Намокшие обувь, одежда казались пудовыми. Наконец достигли противоположного берега. Ночевали тут же.

Капитан Колпаков подсел к бойцам, прокашлялся, вынул кисет с едкой махрой, протянул солдатам. Закурился дымок, и вроде бы на душе малость оттаяло. Повеселели бойцы. Фронтвики знают, что значит затыжка самокрутки, словцо с юморком да шутка и прибаутка в минуты тяжкие. Потом капитан Колпаков стал рассказывать о лейтенанте Басове, комсорге батальона, герое недавнего боя. Под Городком лейтенант с группой солдат попал в окружение. Почти все они полегли, но не сдались, не отступили. Зато и фрицам крепко досталось.

Колпаков сделал паузу и с болью в голосе добавил:

— Все тело комсорга изрешетили, зверюги. А похоронен герой там, где погиб, — в воронке от снаряда.

Узнали бойцы от своего замполита и о другом подвиге. Под тем же Городком комсорг стрелок-автоматчик Василий Жданов в составе роты вел бой в

лесу. Противник перешел в контратаку. С деревьев вели прицельный огонь снайперы-«кукушки». Пуля остановила Жданова, потемнело в глазах, и все-таки он поднялся, бросился в рукопашную. У его ног грохнула граната... В батальоне Жданова посчитали погибшим. И полетела печальная весть в далекое село Никольское Шариповского района Красноярского края: «Ваш сын, рядовой Василий Васильевич Жданов, верный воинской присяге, проявивший героизм и мужество, пропал без вести». А фронтовик выжил и вернулся домой с победой.

В боях под Городком части корпуса несли большие потери. В 24-й танковой бригаде, например, в боевом строю осталось всего 12 танков. Но еще сильнее выходя враг. Таким образом, в районе Ярмочки, Лалыки, Жигуны и западнее Бычихи наступило временное затишье, которое использовалось для активного сбора информации о противнике.

В одну из декабрьских ночей начальник разведки 24-й танковой бригады капитан Ф. Е. Воробьев, получив задание во что бы то ни стало захватить «языка», повел разведчиков сам.

Рослый, смелый, награжденный орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени и многими медалями, Федор Ефимович Воробьев уже не раз ходил в тыл врага и возвращался с удачей. Под стать ему были и разведчики. Группу захвата возглавлял М. Г. Петров, коренной ленинградец, кавалер ордена Красного Знамени и двух орденов Красной Звезды. В его группу вошли опытные и ловкие ребята — М. Рыжкин, В. Волков, И. Федоров, П. Стриганов. Группа обеспечения состояла из 14 человек.

Перед выходом разведчики тщательно осмотрели оружие, подвесили на ремни гранаты, подогнали обмундирование, сдали партийные и комсомольские билеты, награды и даже фотографии близких и родных — таков закон разведки.

Мела поземка, ледяной ветер обжигал лица. Одежды в белые маскировочные халаты, разведчики сливались с местностью. Над передним краем взлетали вражеские ракеты. Разведчики замирали, пережидали, пока свет не погаснет, и снова ускоряли шаг. Им предстояло углубиться в тыл противника, пройти километров семь и там взять «языка».

Вот и деревня Жигуны. Тихо кругом, ни души,

словно вымерло все. Лишь темнеет силуэт часового возле блиндажа да поскрипывает снег под его сапогами. Петров с Федоровым подошли к нему спокойно и уверенно. Часовой негромко окликнул их. Федоров, знавший немецкий язык, ответил ему, что, мол, свои. Миг — и часовой был схвачен. В блиндаж полетели гранаты. Поднялась стрельба. Федорова ранило, он упал, идти не было сил. К нему подбежал Стриганов, горячо зашептал: «Уползай, Ваня, уползай, а я тебя огнем прикрою». Небольшого росточка, худощавый, ловкий и подвижный, он вскинул автомат и стал в упор расстреливать гитлеровцев.

Так, проявляя отвагу и взаимовыручку, разведчики пленили немецкого часового, охранявшего штаб авиадесантной части. На допросе от него удалось получить весьма ценные данные для нашего командования.

Старая гать

18 декабря 70-я танковая бригада, которой командовал полковник С. П. Коротеев, преследовала противника по пятам, но все же ему удалось оторваться.

Поздним вечером того же дня танковый батальон во главе с майором С. И. Чубуковым, действовавший в передовом отряде, вошел в лесную деревеньку Ковали. Он велел остановить свою машину. Вылез из люка и направился к крайней избе. С порога окликнул, есть ли кто в доме. С печной лежанки не спеша спустился старик. Он зажег керосиновую лампу и, увидев перед собой советского офицера с погонами на плечах, на радостях закружил по избе, не зная, куда посадить и чем угостить дорогого гостя. Еще утром здесь лютовал враг, и вот — свои!

— Родненькие! Дождались!..

— Ну, дедуля, помогай, — заговорил Чубуков. — Сам видишь, на танках мы. Как пройти через болота? Врага упускать нельзя.

Польщенный вниманием, старик вспоминал рассказы о былых временах. В их извечно болотистых местах не раз проходила война. В 1812 году русские здесь окружили французов. Деваться им было некуда, кроме как махнуть по насыпной дороге через озеро Лосвида.

И ушли. Даже пушки увезли. А дорога та сохранилась и поныне. Куда же ей деться.

Чубуков, слушая старика, не мог усидеть на месте. Обычно спокойный, с мягким, покладистым характером, он в боевой обстановке преобразился. Попросил срочно позвать к нему командира роты лейтенанта Николая Чеснокова. Тот вошел в избу быстро. Подвижный, невысокий, широкий в плечах крепыш. Командир батальона приказал ему произвести разведку.

Озеро оказалось не очень глубоким, берега отлогие, топкие. Вода в нем была чистой, прозрачной, как хрусталь. На дне отчетливо просматривалась земляная насыпь. Чесноков шагал по поясу в воде, палкой проверял грунт — твердый, надежный. Так он прошел по старой гати через все озеро, приблизился к противоположному берегу. Вдалеке виднелась деревня Залучье, где, как потом выяснилось, располагался небольшой немецкий гарнизон.

Вернувшись, Чесноков доложил командиру обстановку. Тот, выслушав, спросил в раздумье:

— Говоришь, пройти можно?

— Можно, товарищ майор. Грунт выдержит...

Пять танков с автоматчиками из батальона капитана Я. Заводнова на малом газу двинулись по насыпи. Впереди шел танк лейтенанта Н. С. Чеснокова. Высунувшись из люка, он докладывал по радию майору Чубукову о глубине: полметра... семьдесят сантиметров... восемьдесят... Все в порядке!

И остальные танки батальона один за другим благополучно переправились через озеро. Противник не ожидал внезапного появления наших танкистов. Две его артиллерийские батареи, расположенные у деревни, так и были взяты с чехлами на стволах.

Чубуков, оживленный, довольный, отдавал распоряжения. Танк лейтенанта А. В. Шалыгина он оставил для охраны переправы. Экипажу лейтенанта Г. Н. Вишнякова приказал нарушить линию телефонной связи, протянутой вдоль дороги. «А кого же послать на железнодорожный разъезд Залучье?» — размышлял Чубуков. К нему подбежал улыбающийся лейтенант Вишняков. Он доложил, что телефонная сеть противника выведена из строя.

— Хорошо, Гриша, — похвалил майор. — А теперь задача потруднее: атаковать железнодорожный разъезд. Бери десант и действуй. Путь взорвать!

Приказ этот был выполнен. Кроме того, воины вывели из строя вражеский эшелон, оказавшийся на разъезде. Танк с десантниками на борту возвращался к своим. В это время на дороге показалась автоколонна противника. Она приближалась быстро: вот уже до нее 250... 200... 150 метров. Поймав в перекрестие прицела одну из машин, лейтенант Вишняков открыл огонь. Следующий за ней грузовик резко затормозил, в него врезалась идущая сзади машина. Образовалась пробка.

Десантники комсомольцы Л. И. Куликов, В. Т. Величенко, В. П. Грязнов спешились с брони, стали расстреливать бензоцистерны. Автоматные очереди прошивали их насквозь — бензин вспыхнул ярким бушующим пламенем.

Вскоре на помощь сражавшимся во главе с лейтенантом Г. Вишняковым бойцам подошло еще несколько танков под командованием лейтенантов И. Люлина и Б. Свитова. Через два часа все было кончено. Ни одна вражеская машина не осталась целой, ни один гитлеровец не ушел. Настала тишина.

Вдруг ее разорвал гудок паровоза — метрах в 30—40 от шоссе проходила железная дорога. По ней катил бронепоезд. Но вот он сбавил скорость, остановился и стал высаживать пехоту. Тогда танкисты открыли огонь из пушек и пулеметов. Котел паровоза был пробит, из него с силой засвистел пар. Вражеская пехота залегла.

На этом бой не закончился. Как и следовало ожидать, противник подтянул танки и перешел в контратаку. Впереди шли «тигры».

Танкисты Чубукова уже не раз встречались с этими стальными машинами, знали их уязвимые места и били по ним с ближнего расстояния. Так они поступили и на этот раз. Когда два вражеских танков оставалось не более 300 метров, экипаж лейтенанта Н. Чеснокова первым же снарядом пробил борт «тигра», вторым — вывел из строя его ходовую часть. Другие экипажи вели огонь по вражеским танкам из засады. Четыре из них подбили, остальные стали разрываться и уходить.

Дивизион отважных

В боях у села Холявки отличились артиллеристы 731-го истребительного противотанкового артиллерий-

ского дивизиона, которым командовал майор А. Т. Шурдук. Этот дивизион вел смертельные поединки с «тиграми», «пантерами», «фердинандами» в боях на орловском направлении. В ходе Городокской операции его батареям суждено было выдержать новое испытание.

Стремясь во что бы то ни стало вырваться из Езе-рищенского котла, противник то и дело бросал в атаку танки, пехоту, кавалерию. 16 декабря он предпринял попытку прорвать боевые порядки наших войск в районе населенных пунктов Гробница, Бишнарки, Погост, Холявки¹.

На огневую позицию батареи, которой командовал старший лейтенант В. Т. Мазеин, противник бросил танки «фердинанды», пехоту. Гул их моторов нарастал. Наводчик ефрейтор Н. П. Мельников приник к прицелу, но командир орудийного расчета М. П. Богомолов, коренастый светловолосый сержант, предупредил его:

— Не горячись! Пусть подойдут ближе!

Стали различимы кресты на башнях танков и штурмовых орудий. За ними двигалась пехота. Когда наконец до противника остались считанные метры, прозвучала команда:

— Бронбой-ным... Прицел... Огонь!

Разом ударили орудия батареи. Два вражеских танка загорелись. Снова выстрел, еще выстрел. Открыли стрельбу орудия второй и третьей батарей, до сих пор молчавшие в укрытии. На всей огневой позиции артиллеристов валялись разбросанные пустые гильзы, еще теплые, дымящиеся. И вдруг донеслось тревожное:

— Снаряды! Снаряды кончились...

Лейтенант К. М. Юмагузин, командир огневого взвода, подбежал к первому орудью, гневно сверкнул глазами:

— Почему не стреляете?

— Бронбойные кончились.

— Переходите на фугасные.

— Тоже нет...

— За мной! — скомандовал командир взвода и побежал к овражку, где в густом кустарнике стояла машина с боеприпасами.

Подносчики и заряжающие действовали как заведенные, быстро доставали из кузова ящики со снарядами, несли их к орудиям. Рядовой Александр Кучеренко, рослый и сильный хлопец из станицы Большекрепенской Ростовской области, взвалил ящик на плечи — а в нем без малого центнер — и на огневые позиции. Да еще приговаривал на бегу: «Выдержим, ребята. Выдержим! Не впервой нам...»

Особенно нагло вели себя «фердинанды». Они шли по ровному полю, пренебрегая маскировкой. Надежались, видимо, на прочность брони. А она и впрямь было толстой. Снаряд, выпущенный по одному из них орудием сержанта М. П. Першукова, срикошетировал, со свистом прочертив в воздухе огненную трассу. Наводчик мгновенно внес поправку и снова выстрелил. «Фердинанд» как будто во что-то уперся, его длинный ствол склонился к земле. С каждым выстрелом, с каждым подбитым танком артиллеристы действовали увереннее. Боевой порядок гитлеровцев поломался под огнем нашей артиллерии. Бежавшая за танками цепь рассыпалась и залегла. Но вот из ближнего леса выскочили вражеские кавалеристы. Батареи снова прильнули к орудиям. Попав под огонь противотанковых орудий, лошади падали на полном скаку. Страшен был этот отчаянный бросок гитлеровцев, обреченных на гибель.

Из-за холма снова появились танки. Командир батареи старший лейтенант В. Т. Мазеин, стоявший на наблюдательном пункте, вскинул бинокль: медлить было нельзя, и он передал на батарею координаты.

— Ишь прут, — прошептал наводчик ефрейтор Н. П. Мельников, наводя орудие на цель.

— Ничего, мы им сейчас врежем, — отозвался заряжающий.

На этот раз танки не пошли в лобовую, как в первой атаке, а, круто свернув, изменили свой курс и стали обтекать батарею с флангов, намереваясь сжать ее в стальные клещи. И это им удалось. Артиллеристы оказались, по существу, отрезанными от соседей слева и справа. Но они и не помышляли сделать хотя бы шаг назад.

В эти минуты на огневой позиции батареи на «виллисе» появился командир дивизиона майор А. Т. Шурдук. Такой уж у него был принцип: быть всегда в самом опасном месте. Шел ему в ту пору двадцать тре-

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 67—68.

тый год, а на груди его, недавнего выпускника Одесской артиллерийской школы, сверкали орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. Статный, собранный, с черной как смоль шапкой волос на голове, коммунист Андрей Терентьевич Шурдук всегда был примером отваги, выдержки, стойкости. И артиллеристы, вдохновленные своим командиром, бились не на жизнь, а на смерть. Когда кончились боеприпасы, батарейцы взяли карабины, автоматы, гранаты.

В ходе отражения этой атаки снаряд попал в орудие сержанта Михаила Богомолова. Взрывной волной разметало людей. Наводчика Н. П. Мельникова отбросило за бруствер орудийного ровика, он был весь изрешечен осколками. Заряжающего А. Д. Кабулова перекинуло через щит. Ранило Н. В. Малого и Т. П. Тихонова. Контуженные, окровавленные, они не вышли из боя.

— Ребятки, милые... — успокаивала раненых военфельдшер Надя Крайнова. Она склонялась то над одним, то над другим бойцом, перевязывала их, тащила в безопасное место и снова возвращалась на огневую позицию. — Сейчас, сейчас помогу...

Кабулов то терял сознание, то снова приходил в себя и все просил:

— Вы бы, сестричка, укрылись. Пуля-то ведь дура...

Да, пуля никого не щадила. Военфельдшер Надежда Федоровна Крайнова знала это прекрасно. Дважды ее ранило: первый раз — когда заняла место убитого пулеметчика, второй — когда повела за собой в атаку горстку стрелков, заменив раненого командира взвода лейтенанта Н. П. Вишневого.

Все бойцы и командиры 731-го истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона жили и воевали дружной боевой семьей. В ней под одним знаменем сражались с врагом воины более 30 национальностей. В этом дивизионе каждый второй был членом партии или комсомольцем, а командиры орудий, все как один — коммунистами. Они во всем были первыми, служили образцом для всех батарейцев.

Немалая заслуга в этом принадлежала заместителю командира по политической части майору И. М. Бирюкову. Он уделял пристальное внимание росту и укреплению батарейных партийных организаций, опирался на своих ближайших помощников — коммуни-

стов, каждый из которых вел воспитательную работу непосредственно в орудийных расчетах и тыловых подразделениях. Всегда спокойный, выдержанный, политработник Иван Макарович Бирюков обладал чудесным даром — умением располагать к себе людей. Он всегда был рядом с ними, там, где решался успех боя. И люди льнули к нему, видели в нем щедрую душу, острый ум, постоянство и твердость убеждений.

Подвиг артиллеристов у села Холявки вошел в историю 5-го танкового корпуса. В одном из своих донесений командир дивизиона сообщал: «Только одна 1-я батарея уничтожила 4 вражеских танка, 25 автомашин, 45 повозок, 5 полевых орудий, 10 минометов различных калибров, более тысячи солдат и офицеров...»¹ Весь личный состав батареи был удостоен государственных наград. Ее командиру старшему лейтенанту В. Т. Мазенину и командиру огневого взвода К. М. Юмагузину вручен орден Отечественной войны I степени. Командиры орудий сержанты М. П. Богомолов, М. П. Першуков, А. И. Казанкин стали кавалерами ордена Славы III степени. Грудь майора А. Т. Шурдука украсила четвертая награда — орден Александра Невского.

Залпы «катюш»

Огневые позиции 47-го гвардейского минометного дивизиона, состоящего из двух батарей (в каждой по восемь установок БМ-13, или, как их ласково прозвали фронтовики, «катюш»), находились на одном из тех участков, где гитлеровцы пытались прорваться из окружения. Когда противник численностью до тысячи человек, имея впереди танки, вклинился в наши боевые порядки, последовали залпы батареи. Все смешалось в этом аду огня и металла.

Так вступили в бой под Городком гвардейцы-минометчики, уже имевшие за плечами немало побед. К этому времени дивизион был награжден орденом Красного Знамени.

Ночью дивизион переправился по льду через озеро Зароново и на его южном берегу оборудовал огневые позиции, замаскировав их снегом и ветками. Гвардейцы, не сомкнувшие глаз, смертельно устали. Но

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 67—68.

Едва забрезжил рассвет, как противник на этом участке перешел в контрнаступление. Командир 2-й батареи старший лейтенант В. Ф. Герасимов связался с командиром дивизиона, тот в свою очередь доложил командующему артиллерией 5-го танкового корпуса полковнику Я. Я. Мелуцу, и с его разрешения гвардейцы-минометчики накрыли противника. Этот удар для фашистов был полной неожиданностью. Они считали, что силы советских частей на этом рубеже совсем иссякли. И вдруг — такой удар! Гитлеровцы бежали, бросая оружие, технику, боеприпасы. В том бою особенно отличились командиры установок и наводчики огневых взводов лейтенанта Н. Т. Климова.

Вечером, когда бой утих, в расположении дивизиона появились два мальчика, бледные, оборванные, голодные. Это были братья Вороновы из поселка Лесное: старшему, Георгию, шел двенадцатый год, младшему, Толику, — седьмой. Они были обнаружены в сырой лесной землянке близ Городка. Оставшись без родителей, дети спасались там от вражеских бомбежек и обстрелов. Отец их пропал без вести еще в первые дни войны. Мать в оккупации умерла от тифа. Дом гитлеровцы сожгли.

Бойцы-гвардейцы взяли детей-сирот к себе в дивизион. Здесь их зачислили на довольствие, выдали одежду и обувь. Толик жил на батарее, во всем помогал минометчикам, храбро держался под вражеским огнем и бомбежкой, не раз ходил через линию фронта связным и даже участвовал в боях, за что был награжден медалью «За отвагу».

Во время отдыха между боями Толик развлекал бойцов. Он хорошо пел народные песни и старинные романсы, декламировал стихи. Заметив, что у парнишки певческий талант, командир части сказал: «Толе надо учиться. Пора отправлять его в тыл».

В декабре 1944 года он был определен в детский дом при Московском автомобильном заводе и стал учиться в Московской военно-музыкальной школе. По окончании ее служил в прославленной Таманской дивизии. Играл на трубе во время военных парадов на Красной площади.

Сохранилась фотография фронтовой поры. На ней запечатлен маленький солдат в хлопчатобумажной гимнастерке с погонами на плечах, с двумя медалями на груди. Это — Толик Воронов. Он стоит, по-детски

прильнув к старшине с орденом Отечественной войны II степени и гвардейским знаком. Много хороших друзей повстречал сын полка на дорогах войны. Но старшина Валентин Николаевич Киселев был для него ближе всех. За второго отца почитал его Толик.

Операция «Дети»

Дети войны... Много о них рассказано, написано. Нечислимые страдания и горе причинила им война. У них, как и у солдат, была в ту горькую годину своя жестокая судьба. Но и тогда дети были первой заботой народа. Все знали, выживут они — выживет страна.

Ничего не жалели фронтовики, в том числе и жизни своей, а детей спасали, берегли, лелеяли. Вспоминается такой случай. 14 декабря передовой отряд одной из танковых бригад с десантом автоматчиков на броне перерезал железную дорогу Витебск — Полоцк, взорвал мост, расположенный южнее деревни Блохи.

Противник, отступая, стал замечать следы своих злодеяний. Еще затемно охрана подняла узников лагеря в деревне Боровая и погнала их к старому рву. Местные жители знали, что из этого раскинувшегося на целый километр лагеря, обнесенного тремя рядами колючей проволоки, с наблюдательными постами и вышками, ни один заключенный не мог уйти живым. Для тех, кто попадал сюда, была лишь одна дорога — в могилу. В лагере было замучено и умерщвлено более 20 тысяч советских граждан.

В тот ранний утренний час, когда узников вели на расстрел, глухой лесной тропой пробирались в тыл разведчики, возглавляемые лейтенантом И. Т. Краснощекковым — командиром взвода бронетранспортеров.

Завидев колонну, лейтенант приказал укрыться за дорожную насыпь. Залегли, затаились разведчики. И как только колонна стала проходить мимо них, они открыли огонь по конвоирам. Все они были убиты.

Люди, обреченные на смерть, бросились к разведчикам, обнимали, целовали их, не в силах были сдерживать слезы радости.

Стало известно, что в соседнем селе гитлеровцы подготовили малолетних ребят для отправки в свой тыл.

Об этом немедленно доложили майору Л. И. Соло-

вьеву, командиру танкового батальона. Тот взял карту, быстро прикинул маршрут, по которому можно было проникнуть в село, пока еще находившееся в руках противника. Комбат вызвал к себе командира танкового взвода лейтенанта Н. В. Писемского и поставил перед ним задачу помешать гитлеровцам вывезти детей.

В ночь танки с автоматчиками на броне углубились в лес. Рядом с бойцами сидел пожилой человек в полушубке — проводник из местных партизан. Шел мокрый снег, замля раскисла. А места болотистые, топкие — лось не пройдет. И танки, надрывно гудя моторами, с трудом продвигались вперед. Вскоре они выбрались на проселочную дорогу. Откинув крышку люка и подсвечивая карманным фонариком, Писемский уточнил маршрут — все в порядке. Правильно идут. До рассвета должны быть на месте.

Перед самым селом притормозили. Впереди показался ров, за ним находилась артиллерийская батарея неприятеля. С ходу танки открыли по ней огонь. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, не сделав ни единого выстрела, бежали в село.

Танк Писемского шел впереди. Лейтенант заметил, как над крышами домов заметалось пламя. Это гитлеровцы подожгли дом, в котором находились дети. Командир взвода приказал занять круговую оборону, а сам с группой автоматчиков бросился к высокому деревянному дому, откуда доносились крики и плач детей. Взломали заколоченную дверь и окна — и туда, в помещение, где все потонуло в дыму и гари.

Перепуганные насмерть, дети закрывались одеялами и подушками, ища спасения от огня. Было им годика по четыре, а старшим — лет по семь-восемь. Изможденные, худенькие. Как потом выяснилось, гитлеровцы использовали их в качестве доноров. У них брали кровь для раненых солдат и офицеров.

Когда из огня был вынесен последний ребенок, дом рухнул. Одетые в тряпье, в худые ботиночки на босу ногу, дети стали зябнуть. Танкисты завернули их в свои ватники, куртки — боже упаси застудить. Достали из вещмешков что у кого было — банки сгущенного молока, кусочки сахара.

Лейтенант Н. В. Писемский связался по радио с майором Соловьевым и доложил обстановку. Тот в свою очередь доложил командиру бригады. Через ми-

нуту-другую лейтенант Писемский услышал в эфире, как комбриг разговаривал по радию с генералом Сахно и как тот приказал вывезти детей в танках. Всех до единого! Встал вопрос, как разместить ребят. Их было 62, а танков всего пять. И тогда было решено все лишнее выбросить из машин, членам экипажей ехать на броне вместе с автоматчиками, лишь механики-водители оставались у рычагов управления.

И танки той же лесной глухой чащобой благополучно возвратились в расположение своей части. Здесь их уже поджидали врачи и медсестры. Все спасенные дети были эвакуированы подальше от линии фронта.

Через леса и болота

В Белоруссии танкисты вели боевые действия, как правило, в лесах и поймах озер и рек. Потому и называли они свой корпус «болотным, непромокаемым и непросыхаемым».

Не было на пути корпуса ни крупных промышленных центров, известных всей стране, ни магистральных стратегических дорог, ведущих на главные направления. Может, оттого и не витала громкая слава над знаменами наших частей. Словно это про нас, танкистов 5-го танкового корпуса, писал А. Т. Твардовский в своей замечательной поэме «Василий Теркин»:

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки¹.

¹ Твардовский А. Василий Теркин: Книга про бойца. М., 1982. С. 106.

Именно так — через реки, озера, болота, леса и безвестные полуразрушенные деревеньки — чаще всего пролегал боевой путь танкового корпуса. И чтобы идти вперед, громя фашистов, приходилось нести потери и в людях, и в боевых машинах.

Бездорожье, непролазные топи и лесные дебри во многом ограничивали возможности использования маневренности войск, особенно подвижных соединений. Частенько танкистам приходилось брать в руки топоры, ломы, пилы и наводить переправы и гати из подручных средств. На помощь им приходили жители окрестных сел и деревень.

Боевые действия корпуса в условиях лесисто-болотистой местности выявили ряд особенностей применения танков. Они использовались в основном вдоль дорог и просек в тесном взаимодействии с мотострелками. Опыт показал, что наиболее приемлемыми являются действия мелких подразделений и сравнительно небольших групп танков при поддержке артиллерии. Большое значение для успешного наступления танков в условиях лесов, болот и озер имело надежное инженерное обеспечение. И тут хочется сказать доброе слово о воинах 188-го саперного батальона, которым командовал тогда капитан П. В. Мелешин. В ходе наступательных действий они находились на броне танков, наводили для них переправы через небольшие речки, проделывали проходы в минных полях, возводили настилы через топкие болотистые места.

Были построены и отремонтированы ими десятки мостов и переправ через реки и заболоченные участки, выстлано бревнами более двух тысяч метров дорог, оборудованы 17 бродов и объездов. Кроме того, саперы, действовавшие совместно с танками, обезвредили сотни мин и фугасов, блокировали и подрывали долговременные сооружения противника, проделывали проходы в заграждениях и минных полях.

Опыт городокских боев показал также, что в условиях лесисто-болотистой местности исключительное значение имел своевременный, быстро и скрытно совершаемый маневр. И что еще важно — непрерывное артиллерийское сопровождение боевых машин на всю глубину их действий для подавления обороны противника. Поэтому каждому танковому батальону, как правило, придавалась батарея, а иногда и две батареи самоходных установок. Это позволяло быстрее про-

двигаться вперед, осуществлять широкий маневр, присущий танковым войскам, неожиданно наносить фронтальные и фланговые удары по противнику и захватывать крупные населенные пункты.

Наступательному порыву танкистов, их мужеству и мастерству, несомненно, способствовали оперативность и целенаправленность партийно-политической и воспитательной работы. Командиры и политработники сумели хорошо организовать ее и вели непрерывно, без пауз, на всех этапах наступательного боя.

Самое пристальное внимание было уделено подготовке личного состава к действиям в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Прошли встречи ветеранов, закаленных в боях, с молодыми бойцами. Весьма поучительными были выступления коммунистов майора Н. С. Дубовкина, майора В. П. Шпакова, капитана И. Г. Стежко, старшего лейтенанта А. И. Шемяца, например, на такие темы, как «Действие танков и мотострелков в условиях бездорожья», «Преодоление болот и рек», «Сила внезапного удара», «О некоторых особенностях лесного боя».

Большая забота была проявлена о подготовке боевой техники и оружия. На каждый танк и колесную машину заранее были заготовлены фашины, бревна, тросы. С помощью этих простейших средств танкисты преодолевали бездорожье и распутицу. При этом им помогали «летучки» по ремонту материальной части. Следуя за наступавшими, они своевременно устраняли всевозможные поломки, и танки снова вступали в бой.

С помощью добавочных пластин войны увеличивали ширину гусениц боевых машин примерно в 1,5 раза. Это способствовало значительному уменьшению глубины колеи, прокладываемой танком или самоходной установкой. Кроме того, в каждой пехотной колонне были созданы группы для вытаскивания машин, увязших в болотах. На тренировках личный состав этих групп получал и развивал навыки в быстром прокладывании пути для движения танков и самоходных установок на труднопроходимой местности, учился быстро устранять препятствия на маршрутах их движения и вытаскивать застрявшие машины.

В мотострелковых подразделениях запасались волюшками, болотными лыжами и панцевым инструментом (топорами, пилами, щупами) для преодоления болот.

По специальному плану политотдела корпуса в частях и подразделениях прошел широкий обмен опытом вождения боевых машин в условиях бездорожья, лесов и болот. На совещаниях и собраниях обращалось особое внимание на то, что при наступлении в условиях лесисто-болотистой местности, где придется зачастую действовать мелкими подразделениями, роль партийного работника, коммуниста, комсомольца приобретает особое значение. От них требуется быть образцом стойкости, мужества, героизма.

Работники штабов офицеры Н. Я. Матвеев, С. И. Никитин, А. М. Михайлов, П. Ф. Казаков, А. В. Хризолитов, И. И. Торочин, А. И. Хайленко (последний вскоре заменил выбывшего из строя командира 5-й мотострелковой бригады) и другие все-сторонне анализировали как положительный опыт, так и недостатки боевых действий. Выполняя приказы и распоряжения командования, осуществляя постоянный контроль за боевой деятельностью войск, они многое сделали, чтобы ценный опыт, добытый в боях, становился достоянием всего личного состава. Их часто можно было видеть в батальонах, ротах, батареях, а нередко и непосредственно в боевых порядках, где они на месте помогали командирам в организации боя.

Вся эта большая и многогранная работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций по обобщению и распространению опыта боев помогла еще выше поднять боевую готовность, слаженность, мастерство и мужество всего личного состава корпуса.

Несмотря на трудности, на отчаянное сопротивление противника, наступление продолжалось. 24 декабря советские войска освободили Городок и продолжали продвигаться в направлении Витебска.

Об этих событиях Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал: «Если оценивать Городокскую операцию в свете последующих действий советских войск на белорусском направлении летом 1944 года — я имею в виду операцию «Баграцион», — то надо сказать, что успех под Городком создал предпосылки для наших достижений в районе Витебска, последующего удара на Полоцк и на территорию Прибалтики»¹.

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 286.

ПЕРВЫЕ БОИ В ПРИБАЛТИКЕ

Из Белоруссии в Латвию

В июле 1944 года началось изгнание гитлеровских захватчиков из Советской Прибалтики. Враг упорно сопротивлялся. Он создал многополосную, хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону и надеялся сдержать наше наступление.

Войска 2-го Прибалтийского фронта, в составе которых был и 5-й танковый корпус, должны были овладеть городами Резекне (Режица) и Даугавпилс (Двинск), а затем наступать на Ригу. Начало Режицко-Двинской операции ждали с нетерпением.

Отметим, что с января по июль 1944 года корпус находился на доукомплектовании в районе белорусских населенных пунктов Фатьяново и Выбор. Совершив 350-километровый марш, он к утру 10 июля сосредоточился в районе Дретуны для приведения в порядок материальной части, а затем передислоцировался в исходный район, находившийся в 5 километрах юго-восточнее Дриссы¹.

Произошли изменения в организационной структуре соединения. В его состав были включены 48-й гвардейский тяжелый танковый полк подполковника Д. Л. Гойзмана, 1261-й самоходный артиллерийский полк подполковника П. С. Кравченко и медико-санитарный батальон, который возглавил майор медицинской службы Н. И. Зарецкий. Из корпуса убыл 1546-й танко-самоходный полк.

Заместителем командира корпуса и начальником политотдела стал полковник Федор Корнеевич Вдови-

¹ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. М., 1969. С. 332.

ченко, который заменил получившего другое назначение полковника А. М. Костылева.

Во время боев в Прибалтике бригадами командовали: 24-й танковой — полковники К. П. Давиденко (июль — август) и В. А. Пузырев; 44-й танковой — полковник П. И. Корчагин; 70-й танковой — полковники С. В. Кузнецов, С. И. Никитин (август — сентябрь), В. К. Бородавкин; 5-й мотострелковой — полковник И. В. Клепиков. Другие части возглавляли: 1515-й легкий самоходный артиллерийский полк — подполковник Н. С. Дубовкин, 277-й минометный полк — подполковник Н. Е. Кузьмин, 1708-й зенитный полк — майор А. К. Михайлев, 47-й гвардейский минометный дивизион — гвардии майор Г. И. Кузнецов, 731-й истребительный противотанковый дивизион — майор А. Т. Шурдук, 188-й саперный батальон — майор И. А. Тендитный, 92-й разведывательный мотоциклетный батальон — майор М. П. Пашков, 704-й батальон связи — майор А. М. Лебедев.

Успех действий танкового корпуса зависел от умелого преодоления реки Сарьянка (правый приток Западной Двины). Взорвав мост в ее устье, противник создал искусственный подпор воды. Но основным препятствием для боевой техники, особенно для танков, являлись крутые, обрывистые берега реки. Поэтому гитлеровцы превратили эту водную преграду в один из основных рубежей обороны на подступах к Латвии. Они были так уверены в неприступности своей оборонительной линии, что даже не стали возводить капитальных укреплений, а лишь отрыли полного профиля окопы и пулеметные площадки, оборудовали отдельные узлы сопротивления.

Всю надежду противник, как видно, возлагал на артиллерию, минометы и фаустпатроны. Лесной массив, прилегавший к реке, позволял ему скрытно маневрировать и перебрасывать живую силу и боевую технику с одного участка на другой.

Готовясь к выполнению задачи по прорыву обороны противника с одновременным форсированием водного рубежа, командование и политотдел корпуса совместно с партийными и комсомольскими организациями провели большую работу. Они приложили все усилия к тому, чтобы личный состав хорошо знал свою боевую задачу и был готов выполнить ее во что бы то ни стало.

В этот период, как и в предыдущих боях, особенно много и плодотворно потрудились политработники, парторги, комсорги батальонного, полкового и бригадного звена. Так, политотдел 70-й танковой бригады (начальник политотдела — подполковник С. В. Коллеров) провел совещание по обмену опытом работы лучших ротных политработников и секретарей партийных и комсомольских организаций. Тематика их выступлений говорила сама за себя: «Партийно-политическая работа в наступлении», «Агитация в бою», «Как мы работаем в атаке».

В танковом батальоне 24-й танковой бригады, где заместителем командира по политчасти был майор З. А. Ханин, состоялось партийное собрание с повесткой дня «Личный пример коммуниста в бою». Все члены партии и кандидаты были распределены по ротам и взводам, получили конкретные поручения. Одни проверили, как танкисты знают свои задачи и обязанности, а также материальную часть и оружие. Другие коммунисты позаботились о том, чтобы каждая боевая машина была хорошо подготовлена к действиям в любых условиях, бесперебойно обеспечивалась горючим, боеприпасами. Не остались без внимания и «летучки» по ремонту техники, и походные кухни по доставке горячей пищи на передний край.

Одновременно в подразделениях выходили боевые листки с призывом: «В бою равняться на героев». Словом, всем командирам и политработникам пришлось, как говорится, потрудиться в поте лица.

В ходе подготовки к боям особенно нелегкая доля выпала тем, кто вел инженерную разведку, наводил переправы под огнем противника. Едва наступала ночь, бойцы 188-го саперного батальона под командованием майора И. А. Тендитного выдвигались к реке и буквально под носом у противника готовили места для прохода боевых машин. В глубине леса шла заготовка и сборка элементов переправы. Бревна связывали в звенья и стыковали между собой, потом их подвозили к реке.

Укрепляли берега бревенчатой выстилкой, обезвреживали минные поля и всевозможные «сюрпризы», хитроумно расставленные противником. Более 50 мин, например, обнаружил и извлек из прибрежного грунта опытный минер рядовой Д. В. Маслов. Пядь за

пядью прощупывал он каждый клочок земли, чтобы уберечь от гибели тех, кто пойдет в наступление.

Саперы, возглавляемые лейтенантами Л. И. Куликовым и А. П. Вершининым, вели разведку мест для переправ. На реке Сарьянка они измерили ее глубину, твердость дна, крутизну берегов, а также скрытые пути подхода к ним.

Вместе с саперами, во всем помогая друг другу, поиск вели разведчики отделения старшего сержанта К. П. Гольштейна. Они уточняли места вражеских огневых точек и ходов сообщения.

Немало забот и хлопот было во время подготовки к форсированию реки и у связистов. Они установили радиотелефонную связь с командными и наблюдательными пунктами бригад, полков, батальонов, со штабом корпуса. Как всегда, четко действовал экипаж радиостанции во главе со старшим сержантом Н. В. Атрашкевичем. Его подчиненных радистов сержантов В. Д. Словона, М. Б. Рудкевича и Рамкула Картова знала вся 24-я бригада как мастеров высокого класса, умевших в любых условиях, днем и ночью обеспечивать устойчивую и бесперебойную связь.

Радиостанция, обслуживаемая подчиненными старшего сержанта Атрашкевича, имела свою славную историю. Она прошла по дорогам войны от Хасана и Халхин-Гола до поверженного Берлина. Ныне эта радиостанция как боевая реликвия хранится в Ленинграде, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Танковые экипажи соревновались между собой — кто быстрее и лучше подготовит свои машины к бою. Еще и еще раз проверяли механизмы и агрегаты, пушки и пулеметы.

И вот наступило утро 17 июля. Над рекой Сарьянка разразился гром артиллерийской канонады. Ударили орудия, минометы, «катюши». И едва смолкли их последние залпы, как зарокотали танки и самоходные установки. 5-й танковый корпус наступал на левом фланге войск 4-й ударной армии. Ровно в 10.00 танкисты, взаимодействуя с бойцами 14-го и 53-го стрелковых корпусов, приступили к форсированию водного рубежа.

Противник открыл бешеный огонь из всех видов оружия. Вода в реке кипела от пуль и снарядов. Но тщетно! Взвод за взводом, одна рота за другой оказы-

вались на противоположном берегу. В числе первых переправились танки лейтенанта В. Позняка и младшего лейтенанта В. Березина. Обрушили на врага огонь орудийные расчеты артиллерийского дивизиона 5-й мотострелковой бригады, которым командовал капитан Б. В. Суходолов. Дали залпы по вражеским укреплениям батареи 47-го гвардейского минометного дивизиона.

В 24-й танковой бригаде первым форсировал водный рубеж танковый батальон, которым командовал майор Б. В. Гнаденберг. Танкистов сопровождали рота саперов 188-го саперного батальона, зенитная батарея 1708-го зенитного артиллерийского полка, десантники капитана И. П. Стежко.

По другой переправе, близ взорванного железнодорожного моста, реку форсировала 70-я танковая бригада. Ее поддерживали воины 5-й мотострелковой бригады, 1261-го самоходного артиллерийского и 277-го минометного полков. Мощный стальной поток был неудержим.

Переправой передового танкового батальона 70-й бригады руководил невысокий, широкоплечий офицер, очень подвижный и стремительный. Пропуская мимо себя одну машину за другой, он коротко давал указания командирам экипажей:

— Быстро! Не задерживаться! И — вперед...

Это был командир 1-го танкового батальона майор Петр Джимиев. Несмотря на свою молодость, отважный танкист уже имел три боевые награды: ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени. Их он заслужил в жестоких боях под Невелем и Новосокольниками.

Танкисты уже находились на западном берегу Сарьянки и, развивая наступление, к 23.00 овладели населенными пунктами Сардыки, Янкелево, Кекалы, Севейки.

Гитлеровцы, судя по всему, посчитали, что это и есть главное направление наступления русских, спешно стали перебрасывать сюда подкрепление, ослабив тем самым оборону сильно укрепленного узла сопротивления, каким являлись железнодорожная станция и поселок Бигосово Верхнедвинского района Витебской области. Это был грубейший просчет противника. Спихватившись, он стал вводить в бой танки и штурмовые орудия. Пока 2-й танковый батальон под ко-

мандованием капитана П. Бусыгина отбивал их атаку, к Бигосово подошли мотострелки майора К. К. Дитюка и десантники капитана Я. П. Заводнова. Взаимодействуя с танкистами, они стремительно атаковали Бигосово.

Противник сопротивлялся изо всех сил. Из засады вели огонь два «фердинанда». Бил из всех своих пушек и пулеметов бронепоезд, курсировавший по железной дороге Бигосово — Индра. Казалось, сам воздух источал огонь. Но танкисты и мотострелки неудержимо шли вперед. Их фланги надежно прикрывали огнем экипажи самоходных установок.

Когда наступавшие приблизились к станции, капитан Бусыгин часть своих танков с десанниками на броне послал в обход бронепоезда. Бой танков со стальной крепостью на колесах — дело нелегкое и опасное. У танка одна пушка и пулемет. У бронепоезда их десятки.

И все же танкисты смело вступили в поединок. Танк старшего лейтенанта Е. П. Огира сблизился с бронепоездом, и между ними завязалось огненное единоборство. На помощь Огиру поспешил лейтенант В. Никоноров, командир комсомольского танкового экипажа. Первые же выстрелы были точными. Однако получил повреждение и танк лейтенанта Никонорова. Оставшись один, старший лейтенант Огир продолжал смертельный поединок. Когда он вывел из строя одну из бронеплощадок, бронепоезд поспешил удалиться.

Многие войны показывали примеры героизма и мужества. Так, экипаж самоходной установки младшего лейтенанта К. Шитова огнем подавил вражескую противотанковую батарею. Два орудия были раздавлены гусеницами. Неожиданно самоходчики столкнулись с «фердинандом», стоявшим в укрытии. В ходе перестрелки вражеский снаряд попал в самоходку, но она не прекратила стрельбы. В этот момент другая самоходка скрытно зашла во фланг «фердинанду» и тремя меткими выстрелами уничтожила его. И снова — вперед, вперед...

Советские войска настойчиво штурмовали Бигосово. Танкисты капитана П. Бусыгина совместно с десанниками батальона, которым командовал капитан Я. Заводнов, продолжали теснить противника с юга. Накануне Заводнов был принят в ряды партии.

Вручая капитану партбилет, полковник Ф. К. Вдовиченко сказал скупо и сурово:

— Звание коммуниста ко многому обязывает, а дает лишь одно право — быть всегда впереди.

Так и поступал всегда коммунист Яков Петрович Заводнов, сын ставропольского хлебороба, начавший воевать под Москвой. Он был удостоен многих наград Родины, в том числе ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Александра Невского, Красной Звезды.

И вот сейчас капитан Заводнов вел бойцов своего батальона на штурм Бигосово. С особенным упорством противник оборонялся в районе вокзала. Здесь у него проходили траншеи в полный рост. Из окон, дверей и с чердаков соседних домов строчили пулеметы. Десантники вынуждены были залечь.

Командир взвода автоматчиков старшина Ф. Асафов, кавалер ордена Красного Знамени, подполз к комбату:

— Разрешите, товарищ капитан...

— Разрешаю... Будь, Федя, живым.

Асафов и его бойцы где по-пластунски, где короткими, стремительными перебежками устремились к вокзалу. Подползли к траншее гитлеровцев и с криками «Ура!» ворвались в нее настолько стремительно, что противник не сразу пришел в себя. А когда попытался обороняться, было уже поздно. Около 150 вражеских солдат и офицеров сдались в плен.

Мотострелки батальона, которым командовал майор К. К. Дитюк, поддерживаемые огнем самоходных установок 1515-го легкого самоходного артиллерийского полка, пробивались к Бигосово с северной окраины. И на этом участке гитлеровцы бросались в контратаки, вели яростный огонь. Правый фланг мотострелков прикрывала рота противотанковых ружей во главе со старшим лейтенантом М. О. Руденко.

Бой не затихал. Откуда-то с верхнего этажа привокзального здания застрочил пулемет. Но и он вскоре замолк, уничтоженный расчетом младшего сержанта И. Б. Сенькина. Другую огневую точку, бившую с нижнего этажа, забросал гранатами комсомолец Б. Т. Калашников.

Не выдержали нервы гитлеровцев. На балконах домов показались белые флаги. Остатки фашистского гарнизона сдались в плен.

Когда корпус пересекал границу между Белоруссией и Латвией, майор П. Г. Джимиев, чьи танки шли в передовом отряде, объявил экипажам по радио:

— Мы вступили на землю Прибалтики. Поскорее очистим ее от фашистов. Вперед, товарищи!

Тут же двое саперов, спрыгнув с танка, быстро обтесали сучковатый березовый столб, врыли его в землю и прибили к нему железную дощечку с надписью: «Латвийская ССР».

На коротком привале майор Джимиев, веселый и радостный, прошел вдоль колонны боевых машин. На минутку задержался около танка молоденького лейтенанта А. В. Буддакова, командира взвода.

— Молодец, Саша! Испытание огнем выдержал. Так воевать и впредь!

Тот широко заулыбался:

— Есть, так воевать! — И, скосив взгляд в сторону гусеничной ленты, добавил с огорчением: — Вот только малость каток поврежден, товарищ майор.

— Ничего... Сейчас вызовем «летучку», и все будет в порядке.

Повеселели танкисты. Все любили в батальоне своего командира за душевное слово, за открытый и неунывающий нрав, за личную храбрость и мужество.

Вряд ли чуяло в эти минуты сердце комбата, что жить ему оставалось недолго. В бою за станцию Индра его танк был подбит. Он перешел в другой, чтобы отсюда управлять батальоном. Но и в этот танк попал снаряд. Казалось, враг только и стрелял в ту машину, где находился командир батальона.

Джимиев сменил еще два танка и в последнем из них получил тяжелое ранение. Башенного стрелка и радиста убило. Механик-водитель А. А. Баранов не растерялся: развив предельную скорость, он на своей тридцатьчетверке влетел в деревню, пронесся вдоль улицы, сея среди гитлеровцев страх и панику, выскочил в поле. Тут снова страшный удар потряс танк — по нему выстрелило штурмовое орудие, находившееся в засаде. Баранов вытащил через передний люк раненого комбата, укрыл его в густой траве, подальше от танка — знал, что взорвется. Вскоре танк и в самом деле взорвался — снаряды сдетонировали.

Джимиев, превозмогая боль и слабость от потери крови, отдал последнее приказание механику-водителю — добраться до своих и предупредить о засаде.

А сам он был не в силах ни идти, ни ползти — так его искалечило!

Приказ командира для солдата — закон. Баранов выполнил его. Проникнув через боевые порядки противника, он добрался до командного пункта бригады. Комбриг полковник С. В. Кузнецов тотчас же послал на выручку Джимиева танк лейтенанта Т. И. Леонова. Но ему не удалось добраться до места. Он тоже был подбит все тем же штурмовым орудием, укryвшимся в засаде. Тогда командир бригады приказал отправить пешую группу разведчиков. Узнав об этом, к полковнику подошла военфельдшер А. Разумова. Она попросила, чтобы ее послали вместе с разведчиками.

Поиск Джимиева длился несколько часов. На том месте, где он остался один, его не оказалось. Гитлеровцы схватили тяжелораненого офицера, втащили в сарай соседней деревни и там пытали, мучили — он не сказал ни слова. Штыками ему искололи грудь, на спине вырезали звезду, а затем убили.

Разведчики нашли тело отважного майора Петра Газмурзовича Джимиева. Их рассказ об увиденном потряс бойцов корпуса. С еще большей ненавистью они продолжали громить врага.

Трудные рубежи

Противник не сумел задержаться на следующем после реки Сарьянка рубеже и вынужден был продолжать поспешный отход в северо-западном направлении.

Преодолевая минные поля, подавляя огневые точки, совершая дерзкие обходные маневры, 5-й танковый корпус крушил врага. Его личный состав показывал поистине массовый героизм.

19 июля на подступах к Дагде экипаж танка во главе с лейтенантом Н. П. Тамбовцевым, ворвавшись в расположение противника, огнем и гусеницами уничтожил до 30 гитлеровцев. Но и танк был подбит, загорелся. Тогда механик-водитель И. Зимонин по приказу командира направил пылающую машину на вражеское орудие и раздавил его. Коммунист Николай Тамбовцев и его товарищи погибли, но их подвиг помог нашим наступавшим частям в разгроме противника.

Командир корпуса генерал М. Г. Сахно в память об этом экипаже приказал присвоить боевой машине старшего лейтенанта С. Мужавлева, командира лучшей танковой роты, имя «Николай Тамбовцев». На состоявшемся митинге танкисты заверили командование в том, что будут такими же бесстрашными, каким был их боевой друг.

Танкисты равнялись на своих героев. Широко разнеслась весть о мастере вождения старшине Гумаре Ахметшине. Его экипаж в одной атаке под той же Дагдой совершил два тарана.

Не так уж часто были подобные случаи на фронте. Таран — это проявление мужества, отваги и непревзойденного мастерства. Всеми этими качествами обладал коммунист Гумар Ахметшин, кавалер двух орденов Красного Знамени и медали «За отвагу». Его дерзкие и решительные действия ошеломляли гитлеровцев. В одном из боев, когда кончились снаряды, Ахметшин ринулся на таран. Развив предельную скорость, он ударил своим танком в борт вражеской машины — не выдержала крупшовская сталь! В следующую минуту тридцатьчетверка таранила другой танк, сорвав с него гусеницу.

В те первые дни боев в Прибалтике стало известно имя еще одного героя корпуса. У маленького, загоряного среди лесов и озер хуторка в районе Дагды мотострелки наткнулись на вражеский танк, а затем попали под секущий огонь пулемета. Раз поднялись бойцы, другой, третий — и ни с места. В обход бы ударить, да куда ни ступи — топь непролазная.

С вражеским танком, бившим по наступающим из леса, быстро раздался экипаж самоходной установки лейтенанта Н. И. Хромова из 1515-го легкого самоходного артиллерийского полка. А вот с пулеметом оказалось сложнее. Стоял он где-то в густых зарослях, и сколько ни вглядывайся — не видно. И хлестал, хлестал не переставая...

Заряжающий самоходки младший сержант Виктор Аксенов посмотрел на своего командира Хромова и сказал: «Я пойду, товарищ лейтенант». Тот понял его с полуслова, лишь озабоченно предупредил: «Смотри, будь осторожен».

Аксенов взял гранаты, автомат и пополз, стремясь как можно быстрее преодолеть топь, заросшую осокой. Дополз до взгорка, приподнялся, увидел перед собой

мигающие вспышки пулемета, бывшего из дзота. До него оставалось совсем немного — метров 30, не более. Аксенов осмотрелся: впереди открытый участок. Ни кочки, ни деревца, ни ямки. Как подняться? И медлить тоже нельзя. Аксенов метнулся к холмику — землянке с черной амбразурой, откуда строчил пулемет, бросил в нее гранату, затем вторую, третью. Ствол дернулся, умолк, но ненадолго. Едва мотострелки поднялись в атаку, снова ожил. Гранат уже не оставалось. Тогда Аксенов одним рывком бросился к дзоту и грудью закрыл его огнедышащую амбразуру.

Тридцать лет подвиг комсомольца Виктора Аксенова оставался неизвестным. Может быть, так бы и кануло в вечность имя героя, если бы не настойчивый поиск нашего однополчанина старшего лейтенанта В. В. Кирсанова, бывшего командира роты автоматчиков 5-й мотострелковой бригады. Ему с помощью красных следопытов Дагдской школы Краславского района удалось разыскать не только живых свидетелей подвига воина, но и его родных и близких, проживающих в Горьковской области.

Спустя три десятилетия около дзота, где погиб младший сержант Виктор Аксенов, поднялся гранитный камень. На нем на русском и латышском языках выбиты слова: «Здесь 19 июля 1944 года младший сержант 5-го танкового корпуса Аксенов Виктор Иванович повторил подвиг Героя Советского Союза Александра Матросова».

21 июля на поляне неподалеку от штаба 5-го танкового корпуса приземлился самолет По-2. Офицер связи штаба 2-го Прибалтийского фронта привез директиву командующего войсками фронта генерала армии А. И. Еременко. В ней была поставлена задача: «...22 июля 1944 года, развивая прорыв, стремительным броском разгромить резервы противника в районе Шпоги, Малиновки и к исходу дня перерезать и удерживать шоссе Резекне — Даугавпилс, в последующем частью сил выйти к реке Даугава и поселку Ликсна»¹.

Генерал М. Г. Сахно решил наступать ночью. В передовом отряде шли 41-я танковая бригада и 48-й гвардейский тяжелый танковый полк. За ними следовали другие части и подразделения.

¹ ЦАМО, ф. 666, оп. 225567, д. 1, л. 157—159.

Гитлеровцы, видимо, не ожидали ночного наступления танкистов. Это позволило наносить внезапные удары и захватывать богатые боевые трофеи. Например, на станции Свольна, куда ворвались танкисты, противник бросил артиллерийский, продовольственный и инженерный склады, базу горючего, несколько железнодорожных транспортов с имуществом. Неприятель не успел не только увезти, но и взорвать это добро. Вокзал, подсобные сооружения и пути оказались в целости.

В этих боях отличились экипажи самоходных установок лейтенантов С. Задворного, В. Жукова, П. Шаповалова. Они уничтожили шесть противотанковых орудий, несколько бронетранспортеров и автомашин с пехотой.

В перестрелке врагу удалось поджечь СУ-122 лейтенанта Б. Гвардейцева. Все в экипаже получили ранения. Нужно было немедленно покинуть машину, а к ней уже ползли фашистские автоматчики. Лейтенант Гвардейцев, несмотря на ранение, открыл по гитлеровцам огонь из пулемета. Ценой своей жизни он спас боевых товарищей.

Танки лейтенантов И. Д. Киевского и М. Л. Овчинникова внезапно наскочили на колонну автомашин с пехотой противника и с ходу таранили ее, завалив шоссе горящими обломками. Продвигаясь дальше, они попали под огонь противотанковых орудий. Автоматчики старшего лейтенанта М. П. Чечулинского, находившиеся на броне танков, спешили и поползли к огневым позициям противника. Перед тем как атаковать, автоматчики разделились на две группы. Одну из них возглавил старший сержант А. И. Семиц, другую — старший сержант Г. И. Ломоносов. Атакуя с двух сторон, автоматчики ворвались на вражеские огневые позиции и захватили восемь совершенно исправных пушек.

В это время 70-я танковая бригада подошла к Извалте — опорному пункту противника. Однако захватить ее с ходу не удалось. Противник, успев создать оборону, повел сильный огонь по наступающим. Продвижение замедлилось, стало ясно, что лобовым ударом врага не одолеть и без разведки не обойтись.

В тыл противника была отправлена разведгруппа во главе со старшим лейтенантом Л. М. Скуйбидой, командиром бронероты 92-го разведывательного мото-

циклетного батальона. Действуя на мотоциклах и быстрых, юрких бронетранспортерах, разведчики свою задачу выполнили успешно. Спустя два часа командир 70-й танковой бригады уже имел точные данные о том, где и как танки могут пройти в обход Извалты.

Танковая рота старшего лейтенанта Н. Д. Луговского атаковала противника с левого фланга. Остальные же силы 1-го батальона достигли шоссе Извалта — Краслава и, оседлав его, создали угрозу коммуникациям вражеской группировки в районе железнодорожной станции Краслава.

Гитлеровцы бросились в контратаку. Их поддерживали штурмовые орудия, к ним на помощь подкатил бронепоезд. Уничтожить его вызвались наши саперы во главе с лейтенантом И. Горшковым. Они взорвали в двух местах железнодорожное полотно, и бронепоезд оказался в ловушке.

Утром 22 июля, продвинувшись за ночь на 60 километров по тылам противника, 41-я танковая бригада и 48-й гвардейский тяжелый танковый полк вышли в заданный район, оседлав шоссе Резекне — Даугавпилс в районе Малиновки. Таким образом была перерезана важная коммуникация противника, связывавшая две его группировки войск.

Одним из первых на шоссе вырвался танк младшего лейтенанта Г. Карпова (механик-водитель — старший сержант В. Сивков, башенный стрелок — С. Дробяскин). Танкистам удалось продержаться около полутора часов, отражая попытки противника выбить их с шоссе. Танк был подожжен снарядами вражеской пушки. Экипаж покинул горящую машину и, сняв пулемет, сдерживал натиск гитлеровцев до тех пор, пока не подошла помощь.

Теперь предстояло захватить участок железной дороги у станции Залюмы, чтобы лишить врага возможности маневрировать бронепоездами и оперативными резервами. Выполнить эту задачу командир бригады П. И. Корчагин поручил отряду под командованием старшего лейтенанта М. И. Шерстнева. Около 11 часов 30 минут отряд, в состав которого вошли зенитная батарея капитана Б. Гусева и истребительная противотанковая батарея старшего лейтенанта Г. Новикова, двинулся к станции Залюмы.

Прорыв 41-й танковой бригады в районе Малиновки был для противника как гром среди ясного неба.

Немецкое командование спешно подтянуло из глубины обороны резервы — танки и штурмовые орудия. В небе повисли вражеские бомбардировщики. Они в течение всего дня бомбили боевые порядки танкистов. От бомбежек и артиллерийского огня вышли из строя 12 танков и около роты автоматчиков, но бригада с занятого рубежа не отступила. До вечера она отразила семь атак, уничтожив при этом 12 вражеских танков и штурмовых орудий, 10 противотанковых орудий, более 30 бронетранспортеров и автомашин с пехотой и свыше 200 гитлеровцев¹.

В этих боях храбрость и героизм проявили танкисты батальона, которым командовал капитан К. И. Орловский. Ворвавшись на южную окраину Малиновки, они метким огнем стали расстреливать вражеские танки с близкого расстояния. Сам командир батальона поразил танк, а затем вступил в единоборство с «фердинандом» и подбил его. Беря пример с капитана Орловского, героически сражались командиры танков М. Виноградов, Н. Ровенский, П. Прокопьев, М. Писарев, Ф. Баженев, В. Жуков и их экипажи.

Противник вводил все новые и новые силы, намереваясь окружить танкистов. Капитан Орловский увидел, как на его танк движутся три вражеских. Ближайший из них был подожжен с первого выстрела. Другие же, укрываясь за постройками, стали отходить. В этот момент экипаж Орловского подбил еще один танк. Но и командирская машина была выведена из строя выстрелом штурмового орудия гитлеровцев. Орловский получил тяжелое ранение. Механик-водитель Б. Ромашов и башенный стрелок В. Метников вытащили его из горящей машины и перенесли на броню исправного танка, чтобы эвакуировать в безопасное место. Но и этот танк был подбит. Орловского сбросило взрывной волной на землю. Когда к нему подбежали, он уже был мертв. На обгоревшей его гимнастерке поблескивали ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

В наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза капитану Константину Ивановичу Орловскому, уроженцу города Быхов, верному сыну белорусского народа, говорилось: «Командир танкового батальона капитан Орловский в боях с немецко-фаши-

стскими захватчиками с 17 по 22 июля 1944 года проявил прекрасные волевые и организаторские качества. Батальон дважды прорывал полосу обороны противника, выходил в тылы, громил там штабы, обозы, коммуникации, дезорганизовывал управление, давал возможность бригаде и корпусу устремляться в образовавшуюся брешь и неотступно преследовать противника. Батальоном уничтожено до 300 вражеских солдат и офицеров, 12 танков, 8 штурмовых орудий, более 40 противотанковых орудий»¹.

В честь подвига танкистов 41-й танковой бригады жители деревни Малиновка установили стелу. Решением сельского Совета занесены в Книгу почета имена героев полковника П. И. Корчагина, капитана К. И. Орловского и И. Н. Мороза, старшего лейтенанта В. С. Фадеева, старшины Н. С. Рябиченко.

Вернемся, однако, к боям в районе Малиновки. Обстановка здесь с каждым часом обострялась. Атаки противника следовали одна за другой. А подвезти боеприпасы и горючее уже было невозможно. В тыл бригады со стороны деревни Кривошеево вышли четыре «фердинанда» и отрезали путь подвоза.

В бой с ними вступила одна из батарей 731-го истребительного противотанкового дивизиона. Старший сержант М. П. Першуков, орудие которого стояло на охране дороги, приказал расчету приготовиться к стрельбе. «Фердинанды» двигались уверенно, не подозревая о том, что в придорожном кустарнике их поджидала засада. Именно на скрытности и внезапности удара и строил свой расчет старший сержант Першуков.

Наводчик младший сержант Д. Буянкин уже доложил, что он держит в перекрестии прицела один из «фердинандов». Тот двигался прямо на орудие, не видя его, и был поражен метким выстрелом. Для верности Буянкин всадил в него еще один бронебойный снаряд. Другой «фердинанд» поспешил к сараю, чтобы укрыться за ним, но и он был подбит.

За этот бой старший сержант Михаил Першуков и младший сержант Дмитрий Буянкин были награждены орденом Отечественной войны II степени.

Бой в районе Малиновки не утихал. Командиру 41-й танковой бригады П. И. Корчагину не впервые

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 16.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, л. 351—353.

Однажды палачи не могли войти сюда, чтобы вытащить мертвеца, — от запаха его группа становилось дурно. Тогда местному врачу Микуцкой было послано извещение о явке в гестапо. Еле живая от охватившего ее страха, она переступила порог дома № 54. Предварительно насладившись испугом женщины, гестаповцы отвели ее в камеру пыток.

«Лучше бы мне было умереть, — рассказывала потом врач Микуцкая. — Когда я убирала комнату, зверски избивали человека. Я знала его, это был известный всему городу часовой мастер Иванов. Когда гестаповцы покончили с ним — закричала женщина. Этот вопль потряс меня: то кричала учительница Андреевко. Ей гестаповцы вывернули кисти рук... После я узнала, что они ее расстреляли...»

27 июля над одним из красивейших городов Советской Латвии вновь взвилось Красное знамя. В честь этой победы войск 2-го Прибалтийского фронта редакция корпусной газеты в срочном порядке готовила специальный выпуск. Все мы волновались, были предельно возбуждены, и только, пожалуй, один человек — радистка Зина Рагозина сохраняла выдержку и сосредоточенность. Прильнув к приемнику и вслушиваясь в потрескивание и шорохи в эфире, она с особым вниманием принимала приказ Верховного Главнокомандующего. Тут же радистка передавала принятый текст редактору И. Е. Воронову, а тот, прочтя, — в набор.

Газета еще только набиралась, версталась, а у машины походной типографии уже собрались посыльные из частей и подразделений. Все они с нетерпением ждали газету, и она вышла намного раньше, чем обычно.

В тот же день Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам 2-го Прибалтийского фронта, овладевшим городами Даугавпилс и Резекне, 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

За успешные действия под Даугавпилсом корпусу было присвоено почетное наименование «Двинский», 24-я и 41-я танковые бригады, 92-й разведывательный мотоциклетный батальон были награждены орденом Красного Знамени.

С 17 по 31 июля бригады и полки корпуса прошли с боями свыше 250 километров и совместно с войсками 4-й ударной армии освободили более 200 населен-

ных пунктов. За это время частями корпуса было уничтожено и захвачено 64 танка и самоходные пушки противника, 151 орудие разных калибров, около 800 минометов, пулеметов, автоматов и винтовок. Немалые потери понес враг и в живой силе — было уничтожено 5070 солдат и офицеров¹.

Большая группа офицеров, сержантов, солдат корпуса, проявивших героизм и мужество во время Режицко-Двинской операции, была удостоена орденов и медалей.

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 162—163.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

И снова танки шли в огонь

После напряженной Режицко-Двинской операции, закончившейся 27 июля, отдохнуть не пришлось. Люди привели себя в порядок, были подтянуты тылы, пополнены запасы горючего и боеприпасов — и снова вперед.

Бригады и полки корпуса продолжали вести боевые действия вдоль берега Даугавы. Их задачей было: перерезать важные в стратегическом отношении шоссе и железные дороги на рижском направлении, не дать противнику возможности перебрасывать по ним части с других участков фронта.

Преследуя отходящего врага и сбивая его арьергарды с занимаемых ими рубежей, танкисты к исходу 28 июля достигли южной окраины города Ливаны — крупного опорного пункта противника, отрезав ему пути отхода на север и запад.

В архивных документах сохранилось немало сведений о героях этих боев. Одним из них снова был майор К. К. Дитюк, командир 2-го мотострелкового батальона 5-й мотострелковой бригады.

Прежде чем овладеть городом, нашим войскам пришлось преодолевать труднопроходимые лесные массивы и заболоченные места, которыми особенно изобилуют низины реки Дубна. Отсюда брала свое начало знаменитая непроходимая Лубанская низменность с извечными гилыми топлями, петляющими реками и озерами. Она представляла собой серьезную преграду на подступах к Риге.

Враг занимал оборону главным образом на возвышенностях, перекрестках дорог, где у него были возведены укрепления, усиленные артиллерийскими и зенитными батареями.

Натыкаясь на стену огня и минные поля, наступавшие несли потери. Пока танкисты с трудом преодолевали болотистые места, воины 2-го мотострелкового батальона предприняли обходный маневр лесом.

Стояла полночь, когда батальон с приданной ему группой усиления достиг района гиблых болот и озер. Впереди рядом с комбатом шагал проводник, коренастый латыш, рабочий здешних торфяных разработок. Длинным шестом он то и дело прощупывал вязкий грунт. Ноги утопали в грязи, местами идти становилось невозможно, и тогда бойцы настилали перед собой жерди. Малейшая неосторожность, случайный выстрел могли насторожить противника.

Вместе с мотострелками были минометчики. Расчеты сержантов В. Сидорова и С. Кутового тащили на себе минометы и боеприпасы. Связисты, возглавляемые лейтенантом С. Ершовым, тянули за собой полевой провод. Радисты К. Петров и В. Столяров по радиации поддерживали связь с командиром бригады полковником И. В. Клепиковым.

В установленное время майор Дитюк докладывал ему, что все в порядке, сопротивления противника пока не встречает.

Усталые, мокрые, грязные, сквозь чащу и топи шли и шли вперед отважные бойцы. Приближался рассвет. Густой туман окутал лес. Высланные вперед разведчики во главе с лейтенантом М. М. Булатовым уже приблизились к окраине города. По улицам спокойно расхаживали немецкие патрули, не подозревая, что за их спиной русские разведчики. Выждав удобный момент, Булатов дал рукой условный знак саперам, действовавшим вместе с разведчиками, и те стали быстро проделывать проходы в проволочном заграждении и минном поле.

Тем временем подтянулись мотострелки. Завяли исходные позиции для атаки. Высокая, густая трава на опушке надежно укрывала их от глаз неприятеля. Майор Дитюк приказал пулеметчикам выдвинуться ближе к центральной площади города, где у противника располагался дот. Группе автоматчиков было приказано прорваться к железнодорожной станции. Остальным бойцам — быть готовыми к атаке.

Все как будто шло нормально. Но вот в предрастветной тишине затрещали автоматные очереди. Схватившись, гитлеровцы открыли стрельбу. Из окон

каменных домов застрочили пулеметы. Где-то в районе станции завязался бой. Это автоматчики старшего сержанта А. И. Семина и сержанта В. И. Ломоносова выкуривали гитлеровцев с чердаков и из подвалов.

Враг заметался, стал отходить к шоссе. Майор К. К. Дитюк связался по радию с командиром артиллерийского дивизиона своей бригады майором Б. В. Суходоловым, передал ему координаты. Первые же снаряды, разорвавшиеся у шоссе, вызвали у гитлеровцев страх и панику, и они, свернув с дороги, кинулись наутек, бросая оружие и боевую технику.

Так была predetermined судьба южной части города. А потом подошли наши части с северной стороны, и над Ливанами взвился Красный флаг освобождения.

Город сохранился в том виде, каким он был до войны. Его спасли бойцы 2-го мотострелкового батальона майора К. К. Дитюка. В знак сердечной благодарности жители Ливан вручили своим освободителям символический ключ от родного города.

Бои продолжались. 7 августа танковые бригады 5-го танкового корпуса совместно с частями 44-го и 130-го латышского стрелковых корпусов подошли к Крустпилсу — узлу шоссе и железных дорог. Им было приказано, наступая в полосе 10-й гвардейской армии, обойти город с севера и перерезать дороги, ведущие к Риге, а частью сил овладеть мостом через реку Даугава. Задача эта возлагалась на 70-ю танковую и 5-ю мотострелковую бригады. 41-й и 24-й танковым бригадам предстояло выбить противника из крупного населенного пункта Гастин и захватить мосты через реку Айвиэкстэ. Танкистов поддерживали своим огнем артиллеристы истребительного противотанкового дивизиона под командованием майора А. Т. Шурдука.

Противник упорно сопротивлялся. Приемы его были те же — сплошное минирование дорог, мостов, просек, лесных опушек, завалы, танковые и артиллерийские засады. Одна из таких засад нашими разведчиками была обнаружена на подступах к местечку Ушани. Как выяснилось позднее, в ней находились два танка, несколько противотанковых орудий и минометов, до взвода автоматчиков.

Гитлеровцы неожиданно открыли огонь по машинам лейтенанта П. В. Василевского и старшего лейтенанта В. О. Миронова. И хотя силы были явно не рав-

ны, танкисты не дрогнули. Лейтенант Василевский мгновенно скоординировал:

— Вперед!

Его танк под прикрытием огня самоходной установки СУ-122 старшего лейтенанта Миронова ринулся на врага. Это была дерзкая атака, и она принесла успех: огнем и гусеницами были уничтожены два орудия и три миномета противника. А затем двумя меткими выстрелами был подожжен «фердинанд», замаскированный на опушке леса.

Противник стал хитрить: укрывшись в засадах, он пропускал наши танки вперед, а затем отрезал и наваливался всей мощью огневых средств. Под местечком Ушани отличился в бою с вражеской засадой командир взвода лейтенант С. А. Воронин. Его танки шли в головной походной заставе, когда из укрытия по ним ударил противник. Танкисты, свернув с дороги в перелесок, сами встали в засаду и метким огнем из пушки и пулемета подавили противника.

Но этим дело не кончилось. Вскоре на дороге показалась колонна — автомашины, повозки, кухни. Лейтенант Воронин радиogramмой донес командиру своего батальона: «Передо мной колонна противника. Буду уничтожать...»

Как только колонна приблизилась, танк Воронина, ведомый старшим сержантом Б. И. Паршиным, прошелся по ней из конца в конец. Были разбиты 9 автомашин, 6 орудий, более 40 повозок.

Гитлеровцы всполошились. Они подтянули из глубины обороны пехоту и несколько противотанковых орудий и бросили их против танкистов. Разгорелся жестокий бой. Потери были с обеих сторон.

В одной из тех ожесточенных контратак был убит командир батальона капитан С. П. Соколов, герой многих боев и сражений. Его заменил начальник штаба батальона капитан О. И. Годлевский. И танкисты снова устремились на врага, прижимая его к реке Даугава. С ходу они заняли железнодорожный мост через реку в районе Крустпилса.

На помощь танкистам и стрелкам подошли артиллеристы майора А. Т. Шурдука. 3-я батарея во главе со старшим лейтенантом И. И. Шилкиным заняла огневые позиции около моста.

Отступая, пехота противника кинулась к переправе. Сюда же потянулись его тягачи, бронетранспорте-

ры, грузовики. И тут они попали под огонь батарейцев Шилкина. Образовалась пробка из машин и тягачей. Несколько из них уже горели, а батарея все посылала снаряд за снарядом. Гитлеровцы в панике бросались в реку, но и там их настигали снаряды и пулеметные очереди.

Несколько позднее под покровом ночи мотострелки батальона майора К. К. Дитюка, сев на броню танков передового отряда, совершили бросок в тыл врага. Нелегко был этот путь: лесная глухомань, заболоченные места. В светлое-то время по ним не пройти, а тут ночная темень.

Вскоре на фоне черного неба проступило дрожащее зарево пожара. Это горел Крустпилс. Почувствовав приближение неизбежного разгрома, противник начал эвакуировать свои тылы. Но уйти гитлеровцам мешали подошедшие танки капитана В. К. Галактионова с десантниками роты старшего лейтенанта К. И. Лебедева на броне.

Одновременно к вокзалу прорвались танкисты батальона, которым командовал капитан О. И. Годлевский.

Молодой комбат проявил исключительное мужество, мастерство и решимость. «Жми, Федя!» — приказал он механику-водителю старшему сержанту Кудре. Танк рванулся к железнодорожным путям, метким огнем разбил паровоз и несколько вагонов. Ошеломленные столь дерзким налетом, гитлеровцы бросали оружие, поднимали руки, сдавались в плен.

А тем временем Крустпилс штурмовали с востока и юго-востока стрелковые соединения 22-й армии. Кольцо окружения вокруг города быстро сжималось. К 12 часам 8 августа город был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

«Основная заслуга в разгроме врага под Крустпилсом несомненно принадлежит 130-му латышскому стрелковому и 5-му танковому корпусам... — отмечал Маршал Советского Союза А. И. Еременко. — Несмотря на то что корпус имел к этому времени всего 81 танк, около 700 автомашин, 20 бронетранспортеров и 800 активных штыков мотопехоты, он успешно выполнил задачу»¹.

¹ Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. С. 417, 419.

Наступательный порыв танкистов 5-го танкового корпуса был необычайно высок. Совершая рейды по тылам противника, они продвигались с боями за сутки более чем на 15—20, а в отдельные дни и до 30 километров.

Вечером 4 августа советские войска, наступавшие на Мадону, прорвались к реке Айвиэкстэ. Но форсировать ее с ходу не смогли: гитлеровцы взорвали мост через реку. Это была серьезная водная преграда, и особенно для танков. Ширина Айвиэкстэ достигала 60, а глубина — до 3 метров. К тому же западный берег был сильно укреплен.

Обеспокоенный сложившимся положением генерал М. Г. Сахно вызвал командира 188-го саперного батальона майора И. А. Тендитного и приказал как можно быстрее навести переправу.

Саперы сразу же приступили к работе. Не обращая внимания на артиллерийский и минометный огонь, они трудились в поте лица. Одни заготавливали элементы моста в прибрежном лесу, другие собирали их непосредственно на воде.

Особенно отличились командиры взводов старший лейтенант П. Н. Головаш, лейтенанты В. И. Корнеев и К. В. Лунев и их подчиненные И. Смирнов, В. Григорьев, А. Алимшиев, Д. Антонов, Я. Соколов, В. Виноградов, П. Лишаков, А. Цыганков, Б. Ярокин, К. Новоселов, В. Буров, В. Лузин, Д. Цимбалов и другие. Рискуя жизнью, саперы к 4 часам навели мост длиной 71 метр, грузоподъемностью более чем 40 тонн.

Танки переправились через реку Айвиэкстэ и снова устремились вперед, развивая успех стрелковых частей и соединений.

В районе Эргли

В полдень 17 августа 5-й танковый корпус был введен в бой на участке Инданы, Лаудона в полосе наступления 3-й ударной армии. После мощной артиллерийской подготовки через реку Арона переправилась 41-я танковая бригада и нацелила свой удар в направлении Сауснеи. Правее ее реку форсировала 24-я танковая бригада. Во взаимодействии с 319-й и 399-й стрелковыми дивизиями она прорвала оборону врага и овладела населенным пунктом Берзауне. 70-я танковая бригада вместе с 48-м гвардейским тяжелым

танковым полком преследовала отходящие по шоссе колонны противника.

На другом участке 5-я мотострелковая бригада при поддержке 1515-го легкого самоходного артиллерийского и 277-го минометного полков, обходя опорные пункты гитлеровцев, продвинулась вперед и овладела поселком Вестена.

Вырвавшись на оперативный простор, части 5-го танкового корпуса быстро шли вперед в направлении на Эргли — железнодорожную станцию и перекресток пяти шоссе дорог. Этот населенный пункт на реке Огре занимал важное место в обороне врага. Потеря его ставила в трудное положение всю мадонскую группировку гитлеровских войск.

Преследуя противника, обходя его заслоны, части корпуса совершили за ночь более чем 50-километровый марш. Ранним утром 19 августа танковые экипажи старшего лейтенанта П. С. Киселева и лейтенанта С. В. Кузьминых с десантом саперов и разведчиков на броне ворвались на юго-восточную окраину Эргли. Вслед за ними подошел танковый батальон капитана О. И. Годлевского, а также передовые роты мотострелкового батальона майора К. К. Дитюка.

Совместный удар танков и мотострелков был настолько стремителен, что противник даже не успел эвакуировать технику и материальные ценности. На железнодорожных путях стоял бронепоезд, груженный ящиками с продовольствием и награбленным у населения имуществом. Здесь же находилось несколько эшелонов с военными грузами. Были захвачены склады с продовольствием, базы горючего.

Из Риги с минуты на минуту ожидался поезд. Светофор ему был открыт, но вдруг снова закрылся. Заметив это, капитан Годлевский заставил начальника станции принять поезд. Отдав необходимые распоряжения и указания своим танкистам, командир батальона приготовился к встрече «пассажиров».

Постукивая на стыках рельсов, поезд подкатил к вокзалу, из вагонов стали выходить немецкие солдаты и офицеры, возвратившиеся из госпиталей и отпусков.

К утру 20 августа в район Эргли подошли другие части и подразделения корпуса. Они перехватили дороги и отрезали противнику пути отхода.

Нацуганное прорывом советских танкистов, гитлеровское командование принимало все меры к тому,

чтобы остановить их продвижение. Ну хотя бы задержать на время. И тому была причина. Через Эргли проходил один из четырех оборонительных рубежей на подступах к Риге. Между этими рубежами были еще и промежуточные, возведенные специальными инженерно-саперными подразделениями группы армий «Север», а также руками насильственно согнанного гражданского населения.

Поэтому противник бросил на этот участок все, что было остановить советские части. За ночь он успел подтянуть из-под Риги пехоту, а также личный состав школы подготовки офицерского состава и авиационного училища. С других участков были подтянуты части 21, 23 и 392-й пехотных дивизий. Сюда же подошли танки и штурмовые орудия.

В тыл частей корпуса, еще не успевших как следует закрепиться, стали просачиваться большие группы вражеских автоматчиков. Над головой закружили «юнкерсы» в сопровождении «мессершмиттов». Они группами непрерывно наносили удары с воздуха. Стоило одной стае сбросить смертоносный груз, как появлялась другая.

К концу дня 20 августа противник сосредоточил в районе Эргли силы, превосходившие наши более чем в два раза. А он все вводил и вводил свежие резервы, предпринимал одну контратаку ожесточеннее другой, стремясь вновь овладеть Эргли.

Только 22 августа фашисты предприняли более 30 контратак. Их авиация весь день бомбила боевые порядки нашего и 100-го стрелкового корпусов. За сутки было произведено более 500 самолето-вылетов. Вечером того же дня гитлеровцы не раз переходили в контратаку силами нескольких полков при поддержке танков, артиллерии и авиации. В ходе ожесточенного боя с подступов к Эргли на восточный берег реки Огре были отеснены передовые подразделения и части 21-й гвардейской и 28-й Невельской стрелковых дивизий.

В очень трудном положении оказался 5-й танковый корпус. Это была, пожалуй, самая героическая и в то же время трагическая страница в истории его частей и подразделений. Отрезанные от главных сил, они в течение шести суток в полуокружении, а затем и в полном окружении отбивались от наседавшего вра-

га. Таяли ряды бойцов. На исходе оказались боеприпасы, горючее, продовольствие.

Но люди стояли насмерть. В первый же день прорыва было отбито пять атак противника. Во второй — шесть. С раннего утра третьего дня противник снова атаковал позиции автоматчиков мотострелкового батальона, которым командовал майор А. А. Барабанов.

Наседавших фашистов косил пулеметный и минометный огонь. Не выдержав, они снова откатились, но ненадолго. На этот раз гитлеровских пехотинцев поддерживали штурмовые орудия. Однако контратака снова не имела успеха. Поле боя было усеяно вражескими трупами.

Несли потери и советские воины. В батальоне майора А. А. Барабанова личного состава в строю осталось меньше половины. Еще меньше оружия — один станковый пулемет, одно орудие, несколько минометов и зенитных установок.

Вышли из строя рация и телефонная связь. Как воздух нужны были боеприпасы. Майор Барабанов приказал старшине 1-й мотострелковой роты В. А. Подсевалову пробраться за реку — там тылы бригады.

— Бери машину и мчись! Успеешь подвезти снаряды — будем жить... Вся надежда на тебя, Василек. Ты же коммунист...

Старшина разведал брод на реке Огре, перетянул через нее полуторку с помощью тягача, разыскал в лесу склад, загрузил ящики с боеприпасами и — обратно. Вокруг рвались снаряды, свистели осколки и пули. Кузов машины задымился. Но Подсевалов доставил боеприпасы по назначению. Домчался до боевых позиций.

Бойцы майора Барабанова держались до ночи. А затем пробились к своим.

В районе мызы Мазозоли воины 731-го истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона встретили вражеские танки ураганным огнем. Орудийный расчет старшего сержанта М. П. Богомолова вел огонь прямой наводкой. С первого же выстрела подбил самоходное орудие «артштурм». Он уже готов был поразить другую вражескую цель, как поблизости разорвался снаряд. Пораженный осколками, Богомолов упал между станин и потерял сознание...

У одного из орудий остался в живых лишь заряжающий, молодой, еще не обстрелянный солдат.

Командир орудия старшина А. С. Лейфман прицелу, и они вдвоем продолжали вести огонь. Знал старшина, что сейчас всего нужнее были выдержка, спокойствие бывалого воина. Они действуют на людей неотразимо — это он испытал на себе.

Молодой батареец, чувствуя локоть старшины, стал действовать увереннее. Раздался выстрел — над вражеским танком взметнулись искры и дым. В ту же минуту рядом возник другой танк. До него оставались уже считанные метры, когда он крутанулся на месте и замер, выбросив из-под себя перебитую гусеницу. И почти в то же мгновение поблизости от орудия разорвался снаряд. Заряжающего взрывной волной сбilo с ног, Лейфмана тяжело контузило.

Район, занимаемый частями и подразделениями корпуса, уменьшился до 4 километров с запада на восток и до 6 километров с севера на юг. На отдельных участках трудно было разобраться, где наши бойцы, а где противника.

В этой сложной обстановке штаб 5-й мотострелковой бригады оказался в окружении. Штабные работники во главе с майором И. И. Торопчиным заняли оборону и повели бой с наседавшими танками противника. Здесь же находилась и горстка бойцов командантского взвода. Вскоре на помощь подошли бойцы рот старших лейтенантов С. Т. Чернявского и Л. З. Белоголовского. Пока эта немногочисленная группа сдерживала натиск врага, капитан С. Ф. Романов, заместитель начальника штаба бригады, успел вывезти в безопасное место оперативные документы и Боевое Знамя.

Тем временем батальон, которым командовал майор К. К. Дитюк, все еще продолжал отражать контратаки противника. Две его роты совместно с ротой бронейщиков были отрезаны от главных сил. С каждым часом живых оставалось все меньше. Хотя и медленно, но мотострелки были вынуждены отойти к реке Огре. К тому же прекратился подвоз боеприпасов.

В боевых порядках батальона оказался и медико-санитарный взвод бригады. Заняв оборону, медики одновременно вели борьбу за спасение раненых. Эвакуировать их в тыл не было никакой возможности — кругом противник.

Врачи, медсестры, санитары, возглавляемые хирургом капитаном медицинской службы В. А. Успенским,

укрыли раненых в лесу и продолжали свою трудную и опасную работу: бинтовали кровоточащие раны, накладывали жгуты — словом, делали все, чтобы облегчить боль и страдания бойцов.

К концу дня противник предпринял очередную контратаку. Обстановка сложилась так, что медикам пришлось взять в руки карабины и автоматы. Особенно смело и находчиво действовал санитар рядовой А. Замотаев. В рукопашной схватке он взял в плен гитлеровца, за что был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Ночью медики на себе перенесли раненых в безопасное место, а затем перевезли их в тыл.

В ходе тяжелых неравных боев танковый корпус нес потери в людях и технике. К утру 21 августа в нем осталось всего около 20 танков и 12 самоходных установок. По приказу командования фронта части корпуса отошли к берегу реки Огре¹.

Отход прикрывали подразделения 5-й мотострелковой бригады, в частности все тот же батальон майора К. К. Дитюка. Усиленный противотанковыми орудиями и самоходными установками СУ-76, он занял круговую оборону у железной дороги Эргли — Рига. Сюда как раз противник и направил свой главный удар. Сперва враг обрушил на наших войнов сильный артиллерийский огонь. Затем появилась его авиация. Едва она отбомбилась, как в атаку пошла пехота с танками.

Батальон отбил первую атаку. Но гитлеровцы не успокоились. Снова артолет, снова бомбежка с воздуха. И снова атака... Так повторялось шесть раз.

К началу седьмой вражеской атаки в разведзвезде лейтенанта Р. С. Машкова, занимавшего оборону близ железнодорожного полотна, осталось в строю семь бойцов. Но они удерживали подступы к станции. Так же стойко и самоотверженно оборонялись мотострелки и на других участках.

О том, как проходили последующие действия батальона майора Дитюка, следует рассказать особо.

За линией фронта

На исходе 22 августа командир 5-й мотострелковой бригады полковник И. В. Клепиков вызвал к себе ка-

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 295.

питана С. Ф. Романова, заместителя начальника штаба бригады, и приказал ему во что бы то ни стало пробраться в батальон Дитюка и на месте уточнить обстановку.

Это решение было продиктовано тем, что батальон вел бой фактически в окружении и не имел связи с командованием бригады. Клепикову нужны были точные сведения о противнике и о положении в батальоне.

Капитан Романов взял с собой связного и радиста с радиостанцией. Через два часа, пройдя трудный и опасный путь, они уже были на командном пункте батальона. Обстановка с каждым часом ухудшалась. Противник непрерывно атаковал, бросая против наших бойцов все новые и новые силы. Сдерживать его натиск становилось все труднее: иссякал боезапас, люди, измотанные непрерывными боями, без пищи, теряли последние силы. Капитан С. Ф. Романов связал по радио командира батальона майора К. К. Дитюка с комбригом. Комбат доложил обстановку. Вскоре поступил приказ полковника И. В. Клепикова: к утру 23 августа вывести батальон из окружения за реку Огре в район севернее населенного пункта Паст.

Сделать это, к сожалению, не удалось. Противник держал под минометным огнем вероятные пути отхода батальона. Его мобильные группы наносили удары с флангов. И тогда майор Дитюк принял решение — углубиться в заболоченный лесной массив и там временно укрыться. Гитлеровцы в чащобу не полезли, и батальону удалось оторваться от своих преследователей.

В глухом лесу, среди разлапистых елей и сосен, оборудовали лагерь: построили палатки, покрыли их лапником, полы застелили мхом. И началась зоркая, чуткая, как у охотников, жизнь. Нужно было понаблюдать за противником, определить его слабые стороны, собраться с силами, привести в порядок оружие, оказать помощь раненым, все тщательно рассчитать, подготовиться к прорыву и только после этого начинать действовать наверняка.

В батальоне все было так, как в любой воинской части, находящейся во фронтовых условиях. Велась разведка, устраивались засады, изучалась местность.

В установленное время командиры рот и отдельных взводов докладывали командиру батальона

о состоянии личного состава. Особенно жестким был контроль за несением службы в боевом охранении.

Из лагеря уходили на боевое задание разведчики и рейдовые группы численностью пять-шесть человек или в составе усиленного взвода. В такие часы лагерь казался безлюдным, словно вымершим. Лишь два взвода под командованием лейтенантов Н. Н. Ганина и И. И. Дашкова не покидали его, неся круглосуточную охрану.

1 сентября разведчики, возглавляемые старшиной Г. А. Мякшиным, обнаружили на одном из хуторов штаб крупной вражеской части. Ночью они устроили засаду и, сняв часовых, ворвались в расположение штаба. В перестрелке был убит полковник Шульдц, как оказалось, командир 329-й пехотной дивизии.

Много тревог и забот было у старшего лейтенанта Т. А. Харченко. Неутомимый и смелый человек, награжденный орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени, он со своими подчиненными днем и ночью вел разведку. В результате удалось обнаружить и нанести на карту огневые позиции двух артиллерийских дивизионов и шести минометных батарей противника.

С каждым днем в батальоне все меньше оставалось боеприпасов, продовольствия и медикаментов. Все это нужно было добывать на месте, отбивать у врага.

Первые дни сентября стояли солнечными. Но ночи уже дышали холодом. Близилось время обложных дождей. С выходом из окружения надо было торопиться. И майор К. К. Дитюк планирует прорыв из окружения через шоссе в районе озера Юмурда в ночь на 7 сентября. За оставшееся время он провел разведку.

Разведгруппа во главе с лейтенантом Р. С. Машковым ушла на задание. Пробираясь лесом к шоссе, она неожиданно встретила несколько советских бойцов. Ими оказались разведчики 24-й саперной бригады 42-й армии. От них и стало известно расположение переднего края противника, его огневых точек. Данные эти еще раз были проверены и подтверждены лейтенантом Машковым.

В тот же день майор К. К. Дитюк собрал офицеров и приказал готовить батальон к прорыву. Были созданы две боевые группы: одну из них возглавлял майор Дитюк, другую — капитан Романов. Больных и раненых решили расположить между этими двумя груп-

пами. Вести их было приказано начальнику штаба капитану К. А. Григорьеву вместе с замполитом капитаном А. Д. Волженцевым. С тыла батальон прикрывал взвод под командованием старшего лейтенанта Т. А. Харченко.

Вечером 6 сентября батальон выступил из лагеря. Было уже совсем темно. Сеял дождь. Под ногами чавкала заболоченная почва. Преодолев за ночь девять километров, батальон вышел к шоссе — месту прорыва. Майор Дитюк и капитан Романов с несколькими бойцами выдвинулись к дороге и, укрывшись в кювете, стали наблюдать. Чуть впереди — вражеские дзоты, удаленные друг от друга на 100—150 метров. Дальше за ними — оборонительная линия неприятеля.

По дороге, несмотря на ранний час, двигались машины и повозки — война шла своим чередом. При виде их руки невольно сжимали оружие, тянулись к гранатам. Но пустить их в ход — значит выдать себя.

На шоссе, как было предусмотрено, вышли наши воины, переодетые в немецкие плащи, с немецкими автоматами и фонариками красного света. Они остановили движение с обоих направлений. А в то же мгновение капитан Романов с другими бойцами пересек дорогу. Там, за ней, оборонительная линия противника. И вдруг окрик немецкого часового: «Хальт!» В дзоты полетели гранаты. Два из них сразу были подавлены, другие же, соседние, ударили из пулеметов. Послышались крики, началась суматоха — это забегали гитлеровцы.

По огневым точкам противника ударила наша артиллерия. А в это время батальон спешил к нейтральной полосе. 214 человек вышли из окружения. В их числе более 50 бойцов из 21-й и 28-й стрелковых дивизий.

Не обошлось, однако, и без потерь. Бойцы, получившие тяжелые ранения во время прорыва, остались на поле боя. Не оказалось среди вышедших из вражеского тыла и командира батальона майора К. К. Дитюка. Батальон возглавил капитан С. Ф. Романов. Исхудавший, едва державшийся на ногах, он тотчас же отправился на КП 391-й стрелковой дивизии, державшей оборону в районе выхода батальона, и попросил ее командира гвардии полковника А. Д. Тимошенко помочь эвакуировать раненых с нейтральной полосы.

— Все будет сделано, капитан, — заверил командир дивизии.

В тот же день командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал армии А. И. Еременко прилетел в штаб 391-й стрелковой дивизии, чтобы встретить героев, сражавшихся 16 суток в тылу врага.

Вышедший из окружения личный состав был построен на лесной поляне. Командующий фронтом, прихрамывая и опираясь на трость, подошел к строю. Капитан Романов командовал: «Батальон! Смирно!» — и отдал рапорт, в котором охарактеризовал действия бойцов в тылу врага.

Генерал армии пошел вдоль строя, пристально, с любовью взглядываясь в осунувшиеся лица бойцов. Поблагодарил их за верность присяге, за беззаветное служение Родине. Всем пожал руку, приказал каждого представить к награде.

Прощаясь с бойцами батальона, командующий фронтом сказал:

— Ну а для поиска тех, кто не смог прорваться, мной отданы все необходимые распоряжения. Людей в беде не оставим.

К месту выхода батальона из окружения вскоре приехал командир корпуса генерал М. Г. Сахно. Вместе с командиром гвардии полковником А. Д. Тимошенко он уточнил порядок обследования участка прорыва. А затем началась атака на врага, занимавшего боевые позиции севернее озера Юмурда. В ходе этой атаки противник был отброшен в глубь своей обороны. На местности, где осуществлялся прорыв батальона, были подобраны убитые и раненые. Дитюка среди них не оказалось. Что с ним? Где он? На эти вопросы никто не знал ответа. И лишь после стало известно, что в перестрелке близ дороги около Дитюка разорвалась граната. Осколки изрешетили тело, повредили ноги, он потерял сознание. А когда пришел в себя, увидел — лежит недалеко от воронки. Опять и опять силился подняться, оторвать тело от земли, но ему это не удавалось. Наконец кое-как командир батальона все же дополз до скирды сена и там укрылся. Раздробленные ноги не просто болели. Казалось, их жгли на костре. Прошел день, другой, и лишь на третий день Дитюка обнаружили. Лежал он в стогу сена, обессиленный, обескровленный, потерявший сознание.

Весь личный состав батальона, а также бойцы из 21-й и 28-й стрелковых дивизий, вышедшие с батальоном из окружения, были награждены орденами и медалями. А четверых — майора Корнея Корнеевича Дитюка, капитана Семена Федоровича Романова, лейтенанта Романа Спиридоновича Машкова и старшину Геннадия Александровича Мякшина Родина удостоила высокого звания Героя Советского Союза.

Отдохнув и залечив раны, мотострелки 2-го батальона снова вступили в бой.

Вспоминая обстановку тех дней, Маршал Советского Союза А. И. Еременко писал после войны: «Бои в районе Эргли носили ожесточенный характер. Противник, казалось, собрав всю оставшуюся у него энергию, стремился вратиться в землю и не двигаться более с места, приостановить наше продвижение. Наша пехота, артиллерия, танки, авиация нанесли сокрушительный удар. Планомерно, шаг за шагом преодолевая сплошные заграждения, штурмовали они одну позицию за другой»¹.

На подступах к Риге

В середине сентября 1944 года началась Рижская операция. Участвуя в ней, 5-й танковый Двинский корпус совместно с частями 42-й, а затем и 10-й гвардейской армий наступал в общем направлении на Ригу.

Противник не собирался оставлять Прибалтику. Наоборот, все его действия подтверждали, что он намерен обороняться упорно. Морем шла непрерывно переброска его войск в район боевых действий. Лишь 24 августа в Ригу из Данцига прибыло три больших транспорта с пехотой, танками, орудиями, боеприпасами.

О том, что противник намерен удерживать в своих руках Прибалтику, гласил и приказ солдатам группы армий «Север» за подписью генерал-полковника Шернера, в котором он требовал каждый метр земли, каждый охраняемый пост защищать с горячим фанатизмом, ни одной позиции не оставлять без боя.

Враг сопротивлялся с отчаянием обреченных. Нашим наступающим войскам приходилось брать с боем буквально каждый населенный пункт, каждую высоту

¹ Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. С. 441.

и перекресток дорог. Поэтому продвижение в первые дни боев на рижском направлении шло медленно. И лишь после того как было сломлено упорное сопротивление врага на промежуточных рубежах, оборудованных инженерно-минными заграждениями, темп наступления стал нарастать.

Воспользовавшись этим, в прорыв устремились танкисты. Развивая успех, они вклинивались в тыл противника, перехватывали дороги, занимали командные высоты, отрезали пути отхода. «Преследовать захватчиков! — приказал генерал М. Г. Сахно. — Танкисты, вперед!» Как всегда, подвижный, неустрашимый, он появлялся то на флангах, то впереди, потопляя танки. Они продвигались лесами, преодолевая завалы и часто встречавшиеся на пути минные поля.

25 сентября на рассвете 24-я танковая бригада с мотострелками на броне вышла к важному железнодорожному узлу Таурупе. Этот 40-километровый бросок был совершен за одну ночь.

Еще накануне наша авиация разбомбила на станции вражеский эшелон, подготовленный для отправки в сторону Риги. Все было разрушено и загромождено разбитыми вагонами. Из-за этого гитлеровцы не могли угнать два эшелона с боевой техникой и военным имуществом. Чтобы спасти их, в район Таурупе был подтянут пехотный полк с противотанковым дивизионом.

Танкисты при поддержке стрелковых подразделений разгромили противника. Остатки его подразделений с наступлением темноты стали скрываться в лесах.

В тот же день 41-я танковая бригада с автоматчиками на броне, совершив ночной марш по лесам, подошла к населенному пункту Мадлиена, крупному узлу дорог. Появление танков вызвало переполох и панику у противника. Отступая, он бросал боевую технику, имущество, обозы, раненых.

Но вскоре, опомнившись, враг предпринял попытки вернуть населенный пункт. Налетела его авиация, из ближнего леса выползли танки с пехотой.

Обстановка резко изменилась. Наступавшие вынуждены были перейти к обороне. Командир бригады полковник П. И. Корчагин приказал занять боевые позиции в районе церкви и удерживать их до подхода главных сил корпуса.

На окраинах и в центре Мадлиены вспыхнул жаркий бой. Танкисты роты капитана С. О. Харатьяна повели огонь из пушек и пулеметов. Танковые экипажи взводов во главе с лейтенантами А. Н. Гнединым и В. П. Кириловым подбили два вражеских танка, рвавшихся в центральную часть Мадлиены. Пехота, бежавшая за ними, повернула обратно, пытаясь скрыться в лесу. Не добежав до опушки, она попала под обстрел танкистов лейтенанта Н. Г. Коржукова. Под пулеметными очередями погибли десятки гитлеровских солдат и офицеров. Однако большой группе вражеских автоматчиков все же удалось приблизиться к церкви, около которой занимала траншею горстка наших автоматчиков из роты лейтенанта Г. Матвеева. Подпустив врага ближе, рядовой В. Я. Антипов открыл огонь из автомата, его товарищи метнули гранаты. Цепь фашистов залегла.

Четыре часа длился бой. Несколько раз гитлеровцы бросались в атаку, но продвинуться дальше они так и не смогли. Тогда враг начал обстрел Мадлиены из танков и орудий с дальней дистанции. Его снаряды рвались вокруг церкви. Получила повреждение боевая машина капитана С. О. Харатьяна. Пламя ударило в лицо офицера, обожгло кисти рук, одежда загорелась. Пока его несли в бригадный медсанвзвод, он потерял сознание. На его теле насчитали 17 ожогов и осколочных ранений.

Во второй половине дня к Мадлиене подошли подразделения 70-й танковой и 5-й мотострелковой бригад. Противник был выбит из этого населенного пункта. Он оставил на поле боя до роты пехоты, 3 танка, 3 самоходных орудия, 6-ствольную минометную батарею, 4 противотанковые пушки и 9 исправных орудий разных калибров, 12 автомашин¹.

Победа досталась дорогой ценой. В боях за Мадлиену пали смертью храбрых лейтенанты Пушкин, Игнатов, Кирилов, младший лейтенант Сабин, техник-лейтенант Краснов, старшие сержанты Копытин, Волганин, Салмин, Старухин.

Многие в том бою получили ранения и контузии. Вторично был ранен командир бригады полковник П. И. Корчагин. Осколок попал ему в лицо. Разговаривать он не мог, объяснялся жестами или с помощью

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 295.

карандаша. Идти в медсанвзвод отказался, написав на бумаге: «Мое место тут, на поле боя!..» Санинструктор Е. И. Белозерова наложила повязку на рану комбрига, и он остался в строю.

Жители Мадлиены свято помнят о своих освободителях. В дни сорокалетия освобождения в Мадлиене был открыт в торжественной обстановке обелиск в честь павших воинов. На камне высечено: «26 сентября 1944 года Советская Армия освободила Мадлиену от фашистских захватчиков».

Многим воинам за мужество и храбрость, проявленные в тех боях, присвоено звание почетного гражданина Мадлиены. Среди них — П. И. Корчагин, И. Ф. Тесля, Н. П. Филимонов, В. Я. Антипов, М. И. Шерстнев, Н. Г. Коржуков.

Но вернемся к боям на латвийской земле, которые шли на ближних подступах к Рижскому заливу.

Танкистам корпуса предстояло наступать вдоль железной дороги Мадона — Рига. Противник хорошо понимал, что с потерей Риги он теряет всю Прибалтику. Поэтому, предчувствуя свой крах, гитлеровское командование предпринимало все, чтобы сдержать натиск советских войск. Используя всхолмленную местность со множеством лесов, рек, озер, гитлеровцы создали мощную оборонительную линию: они зарылись глубоко в землю, оградил себя минными полями, противотанковыми рвами шириной до 4 и глубиной до 3 метров, дзотами и дотами. Буквально на каждом шагу наших бойцов поджидали всевозможные «сюрпризы». Стоило к чему-либо прикоснуться, как следовал взрыв.

Упорству и коварству врага советские воины противопоставляли боевую инициативу, хитрость и смекалку, мужество и героизм.

В начале октября М. Г. Сахно был назначен командиром 10-го танкового корпуса. Исполнять обязанности командира 5-го танкового корпуса временно стал начальник штаба полковник Яков Евсеевич Бабицкий.

7 октября корпус, наступая в полосе 10-й гвардейской армии, переправил часть сил через реку Огре. Они повели бой за городок Огре — узел железной и шоссейных дорог. Гитлеровцы ожидали нашего наступления с восточной окраины и заблаговременно подготовили на этом участке прочную оборону: возвели окопы, проволочные заграждения, противотанко-

вые рвы и надолбы. А удар им был нанесен совсем в другом месте. Среди гитлеровцев началась паника.

Дерзко и решительно действовали танкисты капитана П. Ф. Тулунина, командира 1-го танкового батальона 41-й танковой бригады. Это был опытный офицер. В нем удачно сочетались расчетливость и готовность к риску, выдержка и отвага. Он храбро воевал на огненной Курской дуге. Тогда Тулунин со своей танковой ротой первым выскочил на железную дорогу Орел — Карачев, взорвал полотно и отрезал врагу путь к отступлению. В том бою он уничтожил две огневые точки, мешавшие продвижению мотострелков, но и его танк был подожжен, а сам командир роты получил ранение, к счастью не опасное. Через неделю он снова находился в строю.

Танкисты этого бесстрашного офицера шли, как правило, в первом эшелоне, выполняли сложные и ответственные задания командования. Особенно высокое мастерство и смекалку они проявили в боях за крупный населенный пункт Скудрес.

Ночью, пробившись по глухим лесным просекам и тропам в тыл противника, батальон капитана Тулунина оседлал шоссейную дорогу, идущую на Ригу. Здесь танки свернули в лес и встали в засаду. Экипажи замаскировали машины. Дорогу надежно перекрыли телеграфными столбами. Командир батальона приказал выставить боевое охранение.

Ждать пришлось недолго. Во втором часу ночи со стороны поселка Мейрена донесся гул вражеских машин. Первым к завалу подошло штурмовое орудие «фердинанд». Его экипаж вылез из люков, стал убирать с дороги столбы.

Вот тут-то в ночной тишине и грянули выстрелы. Это открыли огонь танковые экипажи старшего лейтенанта Н. К. Каптеля, лейтенантов Н. Г. Коржукова, Н. Ф. Кострова. «Фердинанд» загорелся, высветив своим пламенем окружающую местность. Танкисты били точно в цели. Было подбито 6 орудий «артштурм», 3 противотанковых орудия и уничтожено до 50 вражеских солдат и офицеров.

Оставшиеся в живых гитлеровцы бросились наутек, но уйти им от возмездия не удалось. У деревни Скудрес они попали под огонь десантников роты капитана И. С. Лермана, находившихся в засаде.

Сержант Н. И. Лазарев, коренастый, круглолицый

сибиряк, занимал со своим отделением окопы на небольшой высоте. Он первым со своими двенадцатью бойцами и встал на пути отступавшего противника. Поддушив его ближе, сержант Лазарев крикнул:

— Отделение, огонь!

Пулеметчики Т. Буровцев и В. Шерешнев, находившиеся в крайнем окопчике, автоматчики П. Горкин, С. Воробьев, А. Адамов, Б. Чистоголян и Ш. Баталиев открыли огонь. Под их свинцовыми очередями гитлеровцы забегали по полю, стали укрываться за броней своих танков. Один из танков свернул с дороги и направился к окопам наших бойцов. Еще минута-другая — и он начнет их утюжить своими гусеницами. «Его надо опередить! — пронеслось в голове Лазарева. — Иначе раздавит...» Он положил на бруствер окопа три гранаты и стал выжидать, когда танк подойдет ближе. Фашистский танк ударил по Лазареву из пулемета. Перед ним взвихрились столбики пыли. Но сержант весь был поглощен стремлением не пропустить врага.

Уловив момент, Лазарев одним прыжком очутился в «мертвом» пространстве. Это и спасло его от верной гибели. Не медля, он с силой бросил гранату под гусеницу, перебив ее. Затем увидел танк, который под углом шел к подбитой машине. Сержант до хруста в пальцах сжал гранату, выждал, когда танк подойдет поближе, затем замахнулся, бросил что было сил, и в то же мгновение его накрыло землей, осколки впились в лицо, голову, руку, ноги.

Не годы — десятилетия прошли с той поры, а высота и поныне зовется именем ее героя — Николая Лазарева, коммуниста, кавалера ордена Славы III степени.

До Риги оставались считанные километры. Накал боев нарастал. Все более конкретным и целеустремленным становилось содержание всей партийно-политической работы. Во всех частях и подразделениях проходили беседы на тему «Советская Прибалтика ждет нас». На коротких солдатских митингах, партийных и комсомольских собраниях все чаще звучал лозунг: «Даешь Ригу!»

И советские воины, проявляя выносливость, сметку, инициативу и самоотверженность, ломали сопротивление противника и продвигались вперед, штурмуя мощные, казалось бы, непроходимые оборонительные

укрепления. Особенно трудно пришлось преодолевать Лубанскую низменность; что ни шаг — болото, трясина. Но и это не смогло остановить наступательный порыв советских войск. Те, кто шел впереди, соорудили многочисленные гати, десятки мостов, настилов, а нередко сотни метров ползли по тонким трясинам да еще волокли за собой орудия, минометы, ящики с боеприпасами. Впоследствии командующий 2-м Прибалтийским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко отмечал, что переход через Лубанские болота был выдающимся воинским подвигом.

Сотни наших танкистов, мотострелков, артиллеристов, минометчиков проявили в тех боях подлинный героизм. Так, бессмертный подвиг совершил на подступах к Риге коммунист лейтенант Иван Малкин. Вот как это было. Рота немецких автоматчиков, поддерживаемая тремя танками, бросилась в контратаку. Танк лейтенанта Малкина попал под огонь противника. Страшный удар потряс броню. Вторым попаданием танк был подожжен. Все члены экипажа получили ранения. Лейтенант вынес людей из машины, а сам прыгнул к пулемету и продолжал расстреливать атакующие цепи. Ценой своей жизни лейтенант Иван Малкин задержал врага до подхода наших подразделений.

Когда до Риги было уже рукой подать, всему личному составу корпуса стали известны имена героев наступательных боев: командира танковой роты старшего лейтенанта Сергея Мужавлева, кавалера орденов Отечественной войны II степени и Александра Невского, разгромившего вражескую колонну танков, орудий и автомашин; командира отделения автоматчиков старшего сержанта А. И. Семина, захватившего со своими бойцами восемь немецких полевых орудий; механика-водителя старшины Н. С. Бодрягина, мастера маневрирования на поле боя, раздавившего броней и гусеницами вражескую батарею противотанковых пушек...

О многих воинах, отличившихся в боях на земле Прибалтики, были выпущены специальные листовки. В них рассказывалось о кавалерах ордена Славы старшем сержанте Б. Паршине, старшине Д. Лепском, старших сержантах Е. Плакунове, А. Швецове, сержанте В. Куранжине, ефрейторе А. Рыбакове.

Отдельным частям и подразделениям корпуса приходилось выполнять боевые задачи, имея в строю

Меньше половины бойцов и танков. К полудню 10 октября, например, в танковых бригадах оставалось по нескольку боевых единиц. Командование корпуса решило свести их в одну бригаду — 70-ю, и в дальнейшем она поддерживала пехоту. Этой бригаде, 47-му гвардейскому минометному дивизиону и 1708-му зенитному артиллерийскому полку и суждено было участвовать в освобождении столицы Латвии, за что они получили почетное наименование Рижских.

Ряд частей и подразделений корпуса, отличившихся в боях за Ригу, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1944 года были награждены: 24-я танковая Краснознаменная бригада — орденом Суворова II степени, 5-я мотострелковая бригада и 1515-й легкий артиллерийский самоходный полк — орденом Красного Знамени, 188-й саперный батальон — орденом Красной Звезды¹.

За успешные действия в составе 2-го Прибалтийского фронта, высокое воинское мастерство, мужество и храбрость всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу танкового корпуса была объявлена благодарность. Но самой большой наградой для всех в те ноябрьские дни стало известие о восстановлении советской государственной границы на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря.

После освобождения Риги от немецко-фашистских захватчиков для корпуса бои не закончились. Некоторые его части и подразделения, например 70-я танковая и 5-я мотострелковая бригады со средствами усиления, продолжали вести бои на салдусском направлении против недобитой группировки немецко-фашистских войск.

После непрерывных тяжелых боев бригады остро нуждались в пополнении людьми и техникой. И в целом танковый корпус, по существу, исчерпал свои возможности вести активные боевые действия. В середине ноября 1944 года он был выведен в резерв Ставки Верховного Главнокомандования².

Как отмечал Маршал Советского Союза А. И. Еременко: «Корпус с боями прошел в Прибалтике 750 км, принял активное участие в освобождении таких городов, как Краслава, Даугавпилс, Ливаны, Крустпилс,

Огре и более 550 других населенных пунктов. На его счету было около 20 тыс. захваченных в плен и уничтоженных вражеских солдат и офицеров, 450 пушек, 160 танков и самоходных установок, 400 автомашин и др.»¹.

Вперед, на запад

Заканчивался 1944 год. Окончательный разгром врага был близок: война уже шла за пределами нашей страны. Танкисты корпуса, герои боев на полях Подмосковья, на Курской дуге, в Белоруссии и Прибалтике, готовились к последним сражениям.

1 января 1945 года корпус был сосредоточен под Минском для укомплектования людьми, оружием и боевой техникой, сколачивания частей и подразделений².

Командование и политический отдел соединения разработали обширный план мероприятий, проведение которых во многом способствовало воспитанию у личного состава чувства высокого патриотизма и пролетарского интернационализма. В основу боевого совершенствования и закалки воинов были положены бесценный фронтовой опыт, подвиги героев, чьи имена стали символом мужества, отваги и мастерства.

В частях и подразделениях развернулась напряженная боевая и политическая подготовка. На специально оборудованных местах проходили занятия по стрельбе и вождению боевых машин. Воины учились штурмовать опорные пункты, преодолевать различные инженерные и естественные препятствия, отрабатывали приемы борьбы с танками новых образцов. Отделения, экипажи, расчеты, взводы и роты соревновались между собой, кто покажет лучшее время, точнее поразит цель, проявит смекалку и находчивость. Наиболее отличившимся вручались переходящие призы, носящие имена Героев Советского Союза С. Чубукова, В. Клочкова, И. Юдина и других.

Во всех частях и подразделениях был изучен, обобщен и распространен опыт передовых батальонов, рот, батарей, а также героев наступательных боев. Повсюду прошли детальные разборы боевых действий, где не

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 294.

² ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 302—303.

¹ Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. С. 484—485.

² ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 7, л. 302—303.

только отмечались успехи, но и скрупулезно разбирались недостатки, ошибки, упущения.

Наряду с индивидуальными беседами практиковались коллективные обсуждения подвигов бойцов и командиров. Состоялись слеты и конференции воинов, награжденных орденами и медалями. Здесь с интересом были выслушаны, например, выступления механиков-водителей танков старшины А. Рогова, старших сержантов М. Редуто, С. Набокова, М. Ломы, А. Белова, А. Кузнецова; командиров орудийных расчетов старших сержантов М. Першукова, М. Богомолова, сержантов Д. Казанкина, А. Сульженко; мотострелков старших сержантов Н. Артемова, И. Малышева, П. Неудакина, А. Бондаренко, Д. Квасняка; снайперов С. Роганова, С. Никонова, И. Терещенко; пулеметчиков И. Крысько, С. Семенова; бронбойщиков И. Бердникова, П. Бычка и многих других. Их боевой опыт получил широкое распространение среди личного состава. Были выпущены листовки с описанием славных дел и подвигов воинов корпуса.

Большая и многогранная работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций по обобщению и распространению опыта боев помогла еще выше поднять боевую готовность, слаженность, мастерство всего личного состава корпуса.

В дни подготовки к боям проводились партийные и комсомольские собрания, политинформации, беседы агитаторов, политработники организовывали громкие читки сводок Совинформбюро, материалов из газет «Правда», «Известия», «Красная звезда». Как всегда, неизменным интересом пользовались у бойцов рассказы и очерки Б. Полевого, К. Симонова, А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Тихонова.

Некоторым из отличившихся бойцов были представлены краткосрочные отпуска. Так, герой боев за Крустпилс старший сержант И. Орлов побывал в своем родном селе Дмитриевка Новоузенского района Саратовской области, увидел, как самоотверженно трудятся его земляки. Во время войны они сдали в Фонд обороны 400 тысяч пудов зерна, тысячи пудов мяса, овощей, фруктов. На свои личные сбережения приобрели 2 самолета и 16 танков.

Возвратился Орлов в свою часть точно окрыленный. Политработник майор З. Ханин пригласил его к себе, расспросил, как дела дома, чем живут земляки.

— Нормально, товарищ майор. Трудятся по-нашему, по-фронтовому.

— Вот рассказали бы об этом всей роте, — посоветовал политработник. — О самом интересном, что увидели, запомнили...

Так родилось еще одно полезное дело — выступления фронтовиков, побывавших в родных краях. Словом, в частях корпуса использовалась любая возможность, чтобы всколыхнуть людские сердца.

Подвиги героев, их живой пример побуждали бойцов на самоотверженный ратный труд. Часто можно было слышать, как командиры и политработники призывали воинов: «Водите танки, как Николай Бодрягин», «Действуйте, как сапер Петр Молочков», «Стреляйте, как снайпер Сергей Роганов».

Подготовка к новым боям проходила на земле, политой кровью ее освободителей. На земле, израненной снарядами и бомбами. Повсюду еще были видны кровавые следы оккупации. Дымились развалины белорусских городов, деревень, сел, рабочих поселков.

Штаб корпуса располагался под Минском, рядом с деревней Малый Тростянец, превращенной гитлеровцами в концлагерь. О том, что враги творили в этом лагере смерти, вскоре знал каждый. Своими глазами бойцы и командиры увидели гитлеровский «новый порядок». Они читали надписи на стенах уцелевших строений, сделанные советскими людьми, замученными фашистскими палачами.

На территории лагеря лежал пепел от огромных костров. В воздухе неистребимо пахло запахом сожженных человеческих тел. Здесь оккупанты расстреляли, замучили свыше 130 тысяч мирных жителей. Пытаясь скрыть следы своих преступлений, гитлеровцы стали извлекать из ям-могил человеческие трупы и сжигать их в специальных печах и на кострах.

Кровь стыла в жилах, волной поднималась ненависть к врагу. Руки крепче сжимали оружие. Хотелось скорее на фронт, чтобы бить фашистов.

Тем временем в части и подразделения поступала новая боевая техника — танки, самоходки, броневые автомобили. Труженики тыла, недосыпая, недоедая, слали на фронт все, что было необходимо для победы над врагом.

В середине января в командование корпусом вместо полковника Я. Е. Бабицкого, вернувшегося к ис-

полнению обязанностей начальника штаба корпуса, вступил полковник Иван Михайлович Колесников, ставший вскоре генерал-майором танковых войск. Это был образованный и опытный военачальник, прошедший суровую школу войны с первых ее дней. О том, как он воевал, говорят его награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два полководческих ордена — Суворова и Кутузова. Невысокого роста, энергичный, обаятельный, он многое сделал, чтобы еще выше поднять боевую готовность частей и подразделений соединения. Об этом свидетельствовал хотя бы такой факт: корпус на боевом смотре, проведенном маршалом бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, получил высокую оценку и был признан готовым к предстоящим боям.

24 февраля в корпус прибыл 2-й гвардейский танковый Краснознаменный Полоцкий тяжелый полк в полном составе. Кроме прославленных тридцатьчетверок в нем имелись и могучие ИС, и самоходные артиллерийские установки ИСУ-122 и ИСУ-152. Это еще больше усилило боевую и огневую мощь танкового соединения.

Вскоре последовал приказ Ставки Верховного Главнокомандования, согласно которому корпус выдвигался в район боевых действий.

Незамедлительно началась погрузка личного состава и техники в эшелоны. Путь следования лежал через Варшаву, а затем по большакам и проселкам Польши. Повсюду — в селах, на станциях — происходили волнующие, незабываемые встречи с местными жителями. Помнится, как на коротком привале близ деревни Хенцины к танкистам подошли пожилые крестьяне. Они сняли шапки, поклонились в пояс в знак своей сердечной благодарности за то, что их освободили из фашистской неволи; а затем с нескрываемым любопытством и восхищением стали осматривать могучий ИС. Потом подошли ближе к открытому люку, заговорили с советскими воинами. Один из крестьян спросил механика-водителя с тревогой в голосе:

— Пан танкист, а герман сюда не придет?

— Нет, не придет... Капют ему...

— Добже, добже, — закивали поляки.

Свершив более чем 350-километровый путь по железной дороге, а дальше своим ходом, части и подразделения корпуса были сосредоточены в районе городов

Заган (Жагань), Шпроттау (Шпротава), Зорау (Жарон). Вначале они составляли резерв Ставки, а позднее — 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Здесь продолжалась подготовка частей корпуса к участию в Берлинской операции.

Обращение Военного совета фронта призывало войска действовать так, чтобы «еще быстрее летела по миру радостная весть о Красной Армии как об армии-освободительнице, как об армии могучего советского народа, спасшего мир от гитлеровского рабства». В нем выражалась твердая уверенность, что «воин Красной Армии никогда не уронит достоинство советского гражданина». Этот документ широко обсуждался на собраниях партийных активов, в первичных партийных организациях корпуса. Каждое слово обращения вызывало новый подъем в войсках. Каждый воин — будь то солдат, сержант, офицер — был охвачен наступательным порывом, величайшим желанием добить фашистского зверя в его собственном логове.

Но воевать танкистам корпуса больше так и не довелось. Под мощными, невиданной силы ударами советских войск Берлин пал. Фашистская Германия капитулировала.

В ночь на 9 мая в небе над поверженным Берлином и его окрестностями затрещали багряные всполохи. Разразился стихийный солдатский салют в честь долгожданной и выстраданной победы.

Вместе с теми, кто штурмовал Берлин, вместе со всем советским народом переживал личный состав 5-го танкового Двинского корпуса чувство безграничной радости. Все обнимались, целовались, не в силах сдерживать своих слез. Отовсюду неслись возгласы: «Победа!.. Победа!..» Ликованию, казалось, не было границ. Тот, кто пережил это, никогда не забудет.

А утром 9 мая на просторном стадионе местечка Кунцендорф по случаю Великой Победы состоялся парад частей и подразделений корпуса. На широком плацу замерли колонны воинов-победителей. Командир корпуса генерал-майор танковых войск И. М. Колесников поздравил их с победой. В ответ прокатилось мощное «ура». Затем начался торжественный марш войск. Счастливые, стройные, подтянутые, воины частей и подразделений, чеканя шаг, прошли перед трибуной, демонстрируя свою непоколебимую преданность

Советской Отчизне, ради которой они свято исполнили свой сыновний и интернациональный долг. В рядах победителей были герои многих боев и сражений, чьи имена навсегда останутся в славной летописи родного корпуса. Это был парад тех, кому человечество обязано своим спасением от коричневой чумы.

М. Г. Сахно

И. М. Колесников

А. М. Костылев

Ф. К. Вдовиченко

Я. Е. Бабицкий

Я. Я. Мелуп

Работники штаба и политотдела корпуса

А. Х. Гайсин

К. Н. Абрамов

В. В. Сытник

П. И. Корчагин

И. В. Клепиков

С. И. Чубуков

С. Ф. Романов

К. К. Дитюк

Р. С. Машков

А. Л. и И. Ф. Бойко

К. И. Орловский

И. Н. Мороз

Г. А. Мяшин

П. Г. Джимиев

Н. С. Дубовкин

Командование 24-й танковой бригады. Слева направо: С. И. Никитин, В. К. Бородавкин, С. В. Коллеров

Н. Д. Сурин

В. А. Пузырев

Е. В. Гарбуз

Н. Д. Павонин

Н. И. Лазарев

Слева направо: О. П. Журавков, И. Г. Костюков, К. А. Григорьев,
Г. П. Починский

Прием в комсомол. Билет вручает Л. К. Суходольский

Г. Н. Вишняков

А. Д. Воронкова-Петрова

М. Г. Петров

О. И. Годлевский

З. А. Ханин

П. С. Киселев

В. К. Галактионов

В. В. Тимофеев

Я. П. Заводнов

А. А. Разумова-Заводнова

Слева направо: сидят — Н. С. Бодрягин, И. В. Ворсунов, И. А. Ярмоленко, А. В. Королев, В. П. Шишковский, стоят — К. П. Журавлев, Н. Сергеев, Ф. Смотров, А. Гусев

И. В. Кругляк

Н. Г. Коржуков

Слева направо: сидят — Н. Т. Климов, В. Ф. Герасимов, Н. В. Иванов,
стоят — И. Я. Игошин, М. И. Пустовойтов, П. П. Тимонин, М. К. Есиев,
В. И. Зайцев

И. Н. Лозоватор

И. А. Лавров

Н. Д. Луговской

О. А. Суслова

В. В. Кирсанов

Слева направо: И. П. Стежко, В. И. Макаревич, И. Я. Дмитренко,
М. П. Пашков, М. Ш. Бергер

Слева направо: А. В. Еременко, Н. К. Каптель, П. Ф. Тулунин, П. И. Егоров,
Ф. П. Галинко, Г. С. Босенко

А. Т. Шурдук

К. М. Юмагузин

Н. Ф. Крайнова

194-й медико-санитарный батальон. Слева направо: Е. Жукова, А. Глазунов,
А. Быковская, И. Сысов, А. Каганов, П. Дмитриева, П. Корнюшина,
В. Иванов, В. Кердзя, М. Журакова, В. Успенский

М. П. Богомолов

М. П. Першук

А. С. Лейфман

Командир танкового батальона Б. В. Гнаденберг ставит задачу

Сын полка А. А. Воронов и
старшина В. Н. Киселев

Фронтовые корреспонденты корпусной газеты. Слева направо: С. Я. Котов,
В. А. Журавлев, А. Д. Кочетков

Слева направо: И. С. Бобров, М. Т. Шаров, А. Н. Мыздриков, И. П. Ершов

На память. Спустя 40 лет...

Встреча однопольчан корпуса. Москва, 9 мая 1977 года

ГЕРОЕМ БЫЛ КАЖДЫЙ

Плечом к плечу

Бок о бок сражались с врагом воины различных родов войск и специальностей. Победу приближали все — и бойцы в окопах переднего края, и труженики тыла, те, кто обеспечивал войска всем необходимым для жизни и боя.

На орловском плацдарме танкистам частей корпуса пришлось действовать в глубоком тылу противника в отрыве от главных сил. Но и в этой сложной и трудной обстановке связь работала устойчиво и непрерывно. Поучителен в этом отношении такой эпизод. Танковый батальон майора С. И. Чубукова вырвался вперед наступающих на несколько десятков километров. В ходе этих боев средняя скорость танкистов составляла до 30 километров в сутки. При этом, однако, они имели четкую и постоянную связь с командованием бригады и с ее штабом.

Большая заслуга в этом принадлежала связистам и радистам во главе с начальником связи танкового батальона старшим лейтенантом В. В. Тимофеевым. Его радиотелеграфисты, находясь непосредственно в танках, не только точно и пунктуально выполняли свои обязанности, но и помогали экипажам в ходе боя обнаруживать огневые точки противника, поддерживать связь по радио с артиллерийским командиром, корректировать огонь.

Связисты и радиотелеграфисты этого батальона были действительно мастера высокого класса. Старшие сержанты П. Судоргин, В. Булыгин, Н. Гарапов в любых условиях, днем и ночью обеспечивали надежную связь, проявляя при этом инициативу и смекалку.

Всему личному составу батальона связи было известно имя старшего сержанта А. Шпенкова, который за смелость и находчивость был награжден орденом Отечественной войны I степени. А было это так. Ночью связист тянул связь к переднему краю. Путь ему преградила река. Танкисты батальона под командованием майора Л. И. Соловьева пытались с ходу форсировать водную преграду, но, попав под прицельный огонь вражеской артиллерии, вынуждены были отойти и укрыться в лесу.

Комбат искал выход из создавшегося положения. В эти минуты к нему и подошел связист Шпенков и доложил, что хочет переплыть реку, чтобы оттуда, с противоположного берега, передавать данные о противнике.

Капитан одобрил замысел связиста. Тот быстро сбросил с себя одежду и, подняв ее над головой вместе с телефонным аппаратом, переплыл на берег, занятый противником. Обнаружив огневые позиции вражеских артиллеристов по вспышкам выстрелов, Шпенков передал их координаты. По ним танкисты и обрушили огонь.

Кому из фронтовиков не приходилось видеть такую картину: бой еще не утих, там и тут дымятся воронки, воздух содрогается от грохота и гула. Экипаж подбитого танка выпрыгивает из люка и пытается привести в порядок перебитую гусеницу. Но нет, повреждение такое, что своими силами не справиться.

Тогда танкисты готовят буксирный трос, подают знак водителю тягача, замаскированного в ложбине или кустарнике. И тот спешит помочь танкистам вывести в укрытие поврежденный танк.

Люди в замасленных ватниках приступают к ремонту. Сюда же подкатывает автомашина ЗИС-5, старенькая, изрядно потрепанная на фронтовых дорогах. Из кабины ловко выскакивает высокий офицер в черном комбинезоне, надетом поверх телогрейки. Это старший техник-лейтенант Б. Г. Прохоренко — смелый, энергичный человек, технически грамотный специалист.

Окончив военное училище, Борис Прохоренко ушел на фронт в первые же дни войны. В бою под Смоленском, у деревни Никулино, был ранен. Зажали раны — и он снова на фронте. Был назначен заместителем командира танкового батальона по технической

части 41-й танковой бригады и вступил с ней в бой под Сычевкой.

Танки и самоходно-артиллерийские установки, получив боевые повреждения, часто выбывали из строя. Ремонтникам приходилось работать круглыми сутками, не зная отдыха и сна. Только в ходе наступления на Сычевку они непосредственно на поле боя восстановили восемь танков, а всего за время боев бригады ими было возвращено в строй 70 процентов танков.

Каждая отремонтированная машина — это и мужество, и умение, ну и конечно же напряженный труд. Ремонтники сами разгискивали застрявшие и подбитые танки, нередко трудились под обстрелом, по пояс в воде и трясине. Куда невозможно было подъехать вплотную, запасные части, а то и целые агрегаты приходилось подносить на себе. В таких условиях, например в районе той же Сычевки, ремонтировал танки взвод под командованием лейтенанта Н. Титаренко.

Одно дело — выполнять ремонтные работы в заводских цехах, где для этого есть все необходимое. Другое дело — работать на поле боя под обстрелом и бомбежкой. В районе Скугарево в сентябре 1942 года враг попытался даже захватить ремонтников. Пока одни из них отражали атаку неприятеля, другие в это время восстанавливали танк да еще шутили:

— Нас, ребята, и пуля не возьмет, не пробьет мо-золи...

Была в этой шутке своя правда. У Бориса Георгиевича Прохоренко, дважды раненого и контуженного, ныне полковника в отставке, долго после войны не сходили с ладоней следы ожогов от металла и огня. Чего только не приходилось ему, как и всем его ремонтникам, делать для восстановления боевых машин! И детали реставрировать, и заклепки вырезать из обрезков стального листа, и закаливать их. Запасных частей не хватало. Особенно часто выходили из строя катки, фрикционы, коробки передач, гусеничные ленты. Ждать же, когда их подвезут с бригадных или армейских складов, было некогда.

Самоотверженно трудились и ремонтники во главе с техником-лейтенантом А. Кожемякиным. Нередко обстановка складывалась так, что к подбитому на поле боя танку подобраться было невозможно. Тогда ремонтники прорывали неглубокую траншею и по ней выдвигались вперед, стараясь не привлечь внимание

противника. Ими было возвращено в строй 12 танков.

Хочется привести и такой эпизод. В самый разгар атаки был подбит вражеским снарядом танк младшего лейтенанта Е. Филина. Экипаж не сразу смог определить место повреждения. Увлеченные осмотром машины, танкисты не заметили, как подкатила «летучка».

— Что случилось? — спросил бригадир слесарей сержант И. Королев.

— Фрикцион отказал, — ответил Филип. — Да и баки прорвало...

Ремонтники, не теряя времени, приступили к работе. Старшина Д. Яковенко налаживал фрикцион левой стороны, старший сержант П. Карзухин — правый. Потом вместе приступили к восстановлению баков, которые были так разбиты, что их требовалось заменить. И тут ремонтники нашли выход — сняли их со сгоревших машин. Вскоре танк младшего лейтенанта Филина был в строю.

Часто ремонтники вместе с десантниками находились на броне танков, шедших в атаку. Так поступали, например, механик-регулировщик старшина С. Нариньяни и электрик старший сержант М. Дубинин, слесари старший сержант П. Клоков, сержанты В. Молодечный и А. Осипов, бригадир ремонтной «летучки» старший сержант Т. Машин. Им зачастую приходилось выполнять свои нелегкие обязанности под артиллерийским и пулеметным обстрелом противника. Зато не простаивали в ремонте боевые машины.

Добрая слава шла в корпусе о ремонтниках 24-й танковой бригады, возглавляемых капитаном Я. Е. Сгибневым. Почти весь личный состав этого подразделения был награжден орденами и медалями. И неудивительно. Это были настоящие мастера своего дела, люди бесстрашные, волевые, безотказные. Среди них — командир ремонтного взвода старший техник-лейтенант И. Гайворонский, мастер по ремонту боевых машин техник-лейтенант М. Папирный, бригадир ремонтной «летучки» сержант Д. Карманов, слесарь младший сержант А. Кузнецов, сварщик ефрейтор В. Воронянский и многие другие. Лишь в боях на орловском направлении ремонтники капитана Сгибнева, кавалера орденов Отечественной войны и Красной

Звезды, возвратили в строй 18 танков и колесных машин.

Исключительную находчивость и самоотверженность проявил техник-лейтенант П. Яровой. Находясь в боевых порядках подразделения, он со своими людьми, как говорится, на ходу устранил поломку и неисправности машин. Был такой случай. В бою за переправу гитлеровцы подбили наш танк, и он остался на «ничейной» полосе. Несмотря на обстрел, Яровой поспешил к экипажу. К поясу он привязал веревку, с помощью которой подтянул потом нужные для ремонта детали. Вместе с механиком-водителем тут же приступил к ремонту — и танк снова вступил в бой.

Широко были известны в частях и подразделениях имена техника-лейтенанта Л. Николаева, восстановившего на поле боя 11 боевых машин; техника-лейтенанта С. И. Чупикова, отремонтировавшего вооружение на 7 подбитых танках, а также 11 пушек и минометов; начальника мастерских по ремонту оружия техника-лейтенанта Е. А. Гомберга, ныне преподавателя одной из школ города Даугавпилс. Человек с золотыми руками — так его звали боевые друзья, и в этом, пожалуй, не было преувеличения. Умел он прямо на огневой позиции, подчас обжигая руки о раскаленный ствол, отремонтировать орудие. А чтобы убедиться в качестве ремонта, Гомберг сам делал первый выстрел по врагу.

Настоящим умельцем зарекомендовал себя помощник командира батальона по технической части Д. Г. Кутищев. Его всегда видели там, где нужна была техническая помощь танкистам. Где пешком, где ползком ремонтники, возглавляемые им, пробирались на поле боя, устранили повреждения на танках, а те, что требовали капитального ремонта, эвакуировали в безопасное место и восстанавливали. Прекращали они свою работу лишь тогда, когда нужно было взяться за оружие, чтобы отбить атаку противника.

Немало их было, таких тружеников и умельцев, в частях и подразделениях корпуса. Служил в отдельной автомобильной роте подвоза шофер И. Ш. Мухадинов. Тихий, невысокого роста паренек наездил на своем ЗИСе по фронтовым дорогам без малого 100 тысяч километров. Попадал под бомбежки и обстрелы, недосышал, недоедал, но не было случая, чтобы он не доставил груз по назначению.

Однажды Мухадинов вез на передовую снаряды. В этот момент врагу удалось ворваться на огневые позиции артиллеристов батареи капитана В. Чередниченко. Поблизости рвались снаряды. Водителя ранило. И все же, преодолевая боль и слабость от потери крови, он доставил снаряды, а когда машина была разгружена, встал к орудию, заняв место убитого подносчика.

Атака была отбита. Еще дымилась воронка, чадно горели танки, а в расположении батареи уже находился ее старшина А. Д. Нефедов с полевой кухней на прицепе автомашины. После боя солдаты с аппетитом ели горячий борщ, гречневую кашу, хвалили старшину за заботу, а того не знали, что он по дороге получил ранение, много крови потерял.

Настоящий героизм проявил в боях за Ригу старший лейтенант интендантской службы М. В. Секачев, начпрод 5-й мотострелковой бригады. Вез он на передовую продовольствие и тут попал под огонь противника, перешедшего в атаку. Пуля попала в живот. Перевязочного материала под рукой не оказалось. Офицер заткнул рану платком и приказал шоферу ехать не в тыл, а туда, где шел бой. В медсанвзвод бригады Секачев был доставлен без сознания. Врачи, осмотрев раненого, решили — безнадежен. Но он выжил. Не случилось заражения крови. И это несмотря на болотную грязь, холод, тряску.

Каждый стремился внести свой посильный вклад в дело разгрома врага. В штабе одной из бригад работали машинистками Катя Базулина (ныне Харченко) и Тамара Аванесова (ныне Шестакова). Днем и ночью, подчас под обстрелом печатали они донесения командиров и политработников, наградные листы.

Вряд ли думали тогда машинистки, что именно благодаря им, скромным труженицам, дойдут до нас бесценные странички, ставшие документальными источниками для восстановления ратных дел и подвигов многих фронтовиков.

Битва за жизнь

Медиков обычно называют людьми в белых халатах. Это их постоянная рабочая одежда. Там же, где кипели жаркие бои, свистели пули и осколки, где жизнь и смерть ходили рядом, они были одеты, как и все,

в шинели защитного цвета. Вражеская пуля не щадила не только бойца с оружием в руках, но и того, кто спасал его в огне войны.

Аня Воронкова, боевая, бесстрашная медицинская сестра, прошла по фронтовым дорогам сотни километров вместе со своей 24-й танковой бригадой. И должно быть, до сих пор вспоминают ее добрым словом те танкисты, которых она вынесла с поля боя, а подчас и прямо из горящих танков. Чего только не пришлось ей испытать и выстрадать! И бомбежки, и обстрелы, но она всегда находилась там, где воевали однополчане. С автоматом и санитарной сумкой Воронкова появлялась то тут, то там; склонившись над раненым, перевязывала его и тащила на себе в ближайший лесок или овражек. Укрыв одного, бежала к другому. Вот она увидела, как на скате холма загорелся танк, подбитый вражеским снарядом. А в нем — люди. И Воронкова побежала туда, к машине. Одним рывком вскочила на броню, нырнула в люк, стала вытаскивать обожженных танкистов.

Более 30 раненых вместе с их оружием спасла медицинская сестра в дни боев севернее Орла. И потом десятки раз бросалась она в огонь, в воду; в горящие танки. При освобождении белорусского села Медвенка Аня заменила убитого командира роты и повела бойцов в атаку.

В боях на земле Прибалтики Воронкова спасла командира бригады. Вытащила его из горящего танка. Вынесла в укрытие и только тогда почувствовала жгучую боль: пуля задела ее. Она была дважды ранена, но, едва отлежавшись на госпитальной койке и не совсем еще оправившись от ран и контузии, медицинская сестра, кавалер двух орденов Красной Звезды, снова спешила в родную часть.

О том далеком и грозном времени Анне Дмитриевне Воронковой, ныне ленинградке, напоминают письма тех, кто обязан ей своей жизнью. Берет она их в руки, читает, и кажется ей, что от них еще пахнет порохом и кровью.

«Милая Анечка! Вы поверьте, что мне Вас не забыть никогда, и я Вас вспоминаю ежедневно, так как обязан Вам тем, что живу» (Б. Гнаденберг, Грозный).

«Вспомните, сколько Вы спасли жизней нашему брату! Вы, как любящая мать, нянчили нас на своих

руках, не зная ни отдыха, ни сна» (С. Неупокоев, Москва).

«Если Вы не найдете своего дома в родном Вам городе после его освобождения, то у Вас десятки таких домов по стране. В любой семье однополчанина Вы найдете дружеский приют и прием» (М. Шаров, Овруч Житомирской области).

«Забывается, сестричка родная, многое. Но дружеская рука, протянутая в горькие минуты, никогда не забывается. Ваш образ сестры и друга все время стоит передо мной. Я видел Вас неутомимой, заботливой, бесстрашной, когда смерть стояла у моего изголовья. Такой вижу Вас и сейчас» (М. Рыжкин, Харьковская область).

Такие они — войсковые медики, мужественные бойцы переднего края. Немало их было в частях нашего корпуса, и труд их ставился в один ряд с ратным подвигом танкистов, артиллеристов, мотострелков, и в этом нет преувеличения.

В одном лишь бою, а было это на реке Вазуза, под Сычевкой, медсестры Клава Насырева и Надя Гудилина вынесли из огня десятки истекавших кровью бойцов вместе с их оружием.

Клава, уставшая, вконец измотанная, бежала по изрытому снарядами полю к тридцать пятому или тридцать шестому бойцу, чтобы вынести и его, пожилого человека с мертвенно-землистым лицом. С хрустом разорвала медицинский пакет, перевязала раненого и, положив его на плащ-палатку, потащила из опасного места. Поблизости разорвался снаряд, брызнув во все стороны раскаленными осколками. Девушке искалечило ноги. Она порывалась встать, да не смогла. К ней кинулась ее подруга Надя Гудилина и вынесла с поля боя. Утром, с началом атаки, Надя вынесла на себе тяжелораненого сержанта. Кто он? Откуда? Расспрашивать было некогда, и она снова ушла туда, где кипел бой.

Хрупкая на вид, сибирячка, казалось, без устали выносила с поля боя тяжелораненых солдат, сержантов и офицеров. Еще совсем юная, с голубыми лучистыми глазами, не раз сама вступала в бой, защищая и спасая жизнь своих однополчан. Однажды Надя увидела, как вражеский танк надвигался на группу раненых солдат, ожидавших эвакуации. Вот-вот он вдавит их в землю. Медсестра взяла гранату у одного

из раненых и бросила ее под гусеницу танка. Сама же чудом осталась живой.

Надежда Александровна Гудилина вспоминает:

«Бывало, перед боем не могла ни пить, ни есть. А грянул бой — обо всем забываешь и не думаешь, что могут убить. Надо спасать людей. Сразу замечаешь, где укрыться за бугорком, где скатиться в воронку. Это только легко сказать — вынести раненого, да еще с оружием. Волочишь, бывало, да так выбьешься из сил, что ни ног, ни рук не чувствуешь. А раненый зовет, просит, умоляет: «Сестричка, дорогая, спасай, ведь я один у матери остался...» И ты стремишься справиться с бедой и непосильной ношей. Да разве я одна так поступала? Любой военный медик на фронте проявил немало удивительного, во что теперь и поверить бывает трудно».

В боевых порядках в самой гуще боя всегда находился и военфельдшер Иван Егорович Керейко. Узнав, что старшего лейтенанта Т. Концова ранило на нейтральной полосе, он пополз туда, несмотря на сильный обстрел. Зубами надорвал плотную бумагу, достал бинт, перевязал раненого. Пока выносил его из опасного места, тот на минуту-другую терял сознание, снова приходил в себя и все что-то искал на груди у самого сердца: то ли оцупывал, куда его ранило, то ли душила гимнастерка и ему хотелось расстегнуть ворот. Потом сказал почти беззвучно, едва шевеля губами:

— Здесь... партийный билет. Сохрани...

Военфельдшер взял партбилет, приподнял раненого и потащил его, с трудом волоча ногу, оставляя на снегу капли крови. Он тоже был ранен, но спас жизнь старшему лейтенанту.

Вместе с Концовым отправили в тыловой госпиталь и военфельдшера Ивана Керейко. Рана заживала долго. Не вытерпел фельдшер, сбежал, не дождавшись выписки после лечения. Так, хромая, с забинтованной ногой, он возвратился в свой медико-санитарный взвод. Снова стал спасать раненых, и снова его ранило, на этот раз тяжело. На многие месяцы оказался прикованным к госпитальной койке.

Вынести из огня, спасти во что бы то ни стало! Выходить, вернуть человека в строй, к бою, к труду. И битва за это шла всюду: и на поле боя, где каждая минута, а то и секунда могла стать роковой, и в брезентовой палатке, приютившейся в леске по-

ближе к окопам переднего края, и там, чуть подальше, в тылу корпусного медсанбата, где вершили подвиг врачи и медицинские сестры. Сколько им пришлось преодолеть трудностей — не перечислить. Не хватало воды, света, медикаментов, перевязочных материалов. Нередко хирурги оперировали при коптящем свете керосиновых ламп и плашек, под обстрелом и бомбежкой.

В один из жарких боев на Смоленщине капитан медицинской службы М. А. Хмельник, человек с рано побелевшей головой, оперировал тяжелораненого командира. Где-то поблизости взорвалась вражеская бомба. Качнулись стены брезентовой палатки. Те, у кого нервы сдали, попытались было к выходу, но их оставил не терпящий возражений голос хирурга:

— Операция не окончена!

Вслед за первой грохнула вторая бомба — на этот раз еще ближе. Хирург приказал перенести операционный стол в другое, менее опасное место, и операция продолжалась. И откуда только брались силы! Но вот однажды отошел хирург от стола и упал. Не выдержал безмерного перенапряжения: за время боев на сычевском плацдарме капитан Моисей Абрамович Хмельник сделал не одну сотню операций.

А поток раненых не иссякал — обожженных, контуженных, искалеченных. Медики делали все возможное, а порой, казалось, и невозможное, чтобы спасти их от гибели. А тут еще дни выдались морозными. Палатки стояли на стылой земле, и их устилали еловыми и сосновыми ветвями, укрывали раненых всем, чем могли, — шинелями, ватниками, плащ-накидками. Бывало и так, что медики снимали с себя одежду — лишь бы уберечь раненых от простуды.

Работал медперсонал сутками, не зная передышек. Люди валялись от усталости, недосыпали, недоедали, но ничего не жалели для спасения раненых бойцов и командиров, даже своей жизни.

В боях за Подосиновку совершили героический подвиг две девушки — санитарки 2-го мотострелкового батальона 5-й мотострелковой бригады. Память однополчан донесла до нас лишь их имена: Аня и Шура. Случилось так, что, оставшись одни после серьезного ранения их командира — врача Е. С. Логипова, они развернули медпункт в землянках-блиндажах. А тут в тыл батальона просочились гитлеровские автоматчики.

Девушки еще имели возможность спастись, но они до конца остались на своем посту. Фашистские изверги расстреляли раненых, вместе с ними погибли Аня и Шура.

Во время боев за подмосковную деревню Рождественно ранним утром 29 ноября 1941 года в нее ворвались фашистские танки. В одном из окраинных домов располагался медицинский пункт 24-й танковой бригады. А в нем — десятки раненых бойцов, которых надо было спасти, несмотря ни на что. Часть из них, тех, кто был особенно тяжело ранен, успели вывезти на санитарной машине. А как быть с остальными? Ждать возвращения машины — опасно, вот-вот нагрянет противник. И бригадный врач В. В. Иванов направил ходячих в тыл, а других стал выносить на себе в ближайший лесок и там укрывал в безопасном месте. За этот мужественный поступок Владимир Васильевич Иванов был награжден орденом Красной Звезды.

Да, многое пришлось перенести и выстрадать фронтовым медикам. Сами шли в огонь, рискуя собственной жизнью, а раненых спасали. История военной медицины еще не знала такого подвига, который совершили медики в битве за жизнь на полях сражений Великой Отечественной войны.

Бригадный врач 5-й мотострелковой бригады подполковник медицинской службы в отставке, Иван Иванович Сысоев так вспоминал бои за Городок:

«Наш медсанвзвод отстал от передовых частей. А в них скопилось много раненых. Это беспокоило буквально всех. Помнится, примчался к нам заместитель командира бригады по политической части подполковник Федор Максимович Гайдайчук, и мы совместно с ним стали искать выход из создавшегося положения. О том, чтобы добраться до передовой на автомашине, и речи быть не могло. Танки и те застревали в грязи. Думали, прикидывали и все же решили идти пешком. Распределили среди медперсонала инструмент, шины, перевязочный материал, медикаменты — и в путь. Шли ночью, ориентировались по вспышкам ракет над передним краем. Отшагали километров двадцать, часам к четырем утра добрались до деревни Вайханы. Устали до крайности, но об отдыхе никто и не помышлял. На наше счастье, в деревне сохранилась школа. В ней развернули операционную и перевязочную. На обработ-

ку первой же группы раненых было израсходовано все, что мы принесли на плечах.

Начался поиск медикаментов и перевязочного материала. Помог такой случай. Майор медицинской службы Николай Иванович Зарецкий узнал от местных жителей, что в соседнем селе Прудок, занятом противником, находится склад с медицинским имуществом. Дождавшись ночи, он с риском для жизни пробрался в село и, сняв часового, охранявшего склад, набил несколько медицинских сумок бинтами и медикаментами. На обратном пути Зарецкого обнаружили гитлеровцы и открыли огонь. На помощь врачу бросились наши бойцы и спасли его.

А вскоре к месту скопления раненых прибыл с группой медиков начальник санитарной службы корпуса капитан медицинской службы А. В. Бордуков. Нам стало полегче. Встал вопрос об эвакуации раненых. Это дело оказалось тоже нелегким. Все упиралось в средства передвижения. Тогда было решено тех раненых, кто мог ходить, отправлять своим ходом. На пути их следования были организованы пункты питания, обогрева и медицинской помощи. Во многом нам помогли местные жители: они отдавали свои последние скудные запасы картофеля, капусты, свеклы.

Для тех же раненых, которые не могли ходить, командование фронта выделило специальные самолеты. Все они были доставлены в госпитали.

Медицинский персонал сделал все, чтобы люди возвратились в боевой строй. Такова норма поведения фронтовых медиков. Такова наша советская мораль, где человеческая жизнь — главная ценность и главное богатство.

Вот имена некоторых из тех, кто жертвовал собой, чтобы спасти других. Это — хирург В. А. Успенский, врач В. Л. Зайцева, медицинские сестры А. М. Ильина, А. А. Трофимова, А. Кухтарева, А. И. Артемьева, С. Криштонина, А. Н. Сметанина, санитары А. Карев, А. Замотаев. Все они были удостоены государственных наград».

Звала на подвиги строка

Наша корпусная многотиражка была создана почти в начале Великой Отечественной войны. В первые тяжелые месяцы боев она находилась при политотделе

8-го гвардейского стрелкового соединения. Но как только был сформирован 5-й танковый корпус, коллектив редакции в полном составе вошел в его штаты.

Случилось это незадолго до битвы на Курской дуге. Редакция размещалась в Алешне, маленькой лесной деревеньке на орловской земле. Единственная улочка с бревенчатыми домами, разбитыми вражеской авиацией, брала свое начало у ржаного поля и уходила к опушке соснового леса.

А там, за лесом, речка, неглубокая, извилистая, с пологими берегами, поросшими ольхой и ветлами. И называлась она тоже Алешня. Вдоль нее проходила тыловая оборонительная полоса. Все было заминировано, запутано колючей проволокой.

Одну половину просторной избы занимала типография: наборные кассы, печатная машина с электроприводом, дощатый столик, на котором складывались накрепко перевязанные бечевой набранные гранки. Здесь же, в углу, громоздились рулоны газетной бумаги, бочка с типографской краской. Между ними ютились наборщики и верстальщики во главе с сержантом Николаем Ребрищевым.

У печки крепкой старинной кладки, занимавшей весь угол, стояла радиостанция — «Иван Краткий», как ее окрестили. Ночи напролет принимала она сводки Совинформбюро. Около нее посменно дежурили радисты Борис Кузнецов или Зинаида Рагозина, ныне Ляховская, ленинградка, пережившая голод и холод вражеской блокады. Девочка-школьница, она вместе со взрослыми возводила оборонительные рубежи, несла вахту на крышах домов, гасила зажигательные бомбы. А немного повзрослев, ушла на фронт. Была ранена. До сих пор Зинаида Ивановна носит в себе минные осколки.

Другую половину крестьянской избы занимали корреспонденты. Коллектив был небольшой, жили дружной боевой семьей. Постоянно в редакции находились либо редактор, либо ответственный секретарь. Весь остальной корреспондентский состав сутками пропадал в частях и подразделениях. Не зря говорят: журналист, как солдат, всегда в походе.

Возглавлял редакционный коллектив майор Иван Емельянович Воронов. Человек добрый по натуре, он был, однако, строг и взыскателен в смысле воинской дисциплины и порядка во всем. После войны И. Е. Во-

ронов стал министром лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленности СССР. Теперь его нет в живых.

Ответственным секретарем был капитан Николай Вечеркин, неистощимый выдумщик и остряк, умевший даже в часы бомбежки весело шутить. В мае 1944 года Вечеркина откомандировали на учебу, а вместо него прибыл капитан Михаил Ляховский.

Корреспондентами трудились москвич Борис Протопопов, симферополец Степан Котов и автор этих строк, уроженец приволжского городка Аткарск Саратовской области. Все трое еще до войны начали свой журналистский путь в областных и центральных газетах.

Числилась в штате редакции и такая должность — писатель. Ее занимал Василий Журавлев, в то время тамбовский поэт, автор популярной песни довоенной поры «Кони вороные». Дружно и задорно распевала ее молодежь.

Нельзя не упомянуть добрым словом имя лейтенанта Всеволода Регана, вездесущего и бесстрашного фотокорреспондента, сложившего голову в самом конце войны под Берлином. Он погиб как солдат — на боевом посту, до конца выполнив свой долг перед Родиной.

Находясь в Алешне, мы привыкли к этой безлюдной, полуразрушенной деревушке, к тишине, простиравшейся над окрестными лесами и холмами. Трудно было поверить, что скоро снова начнутся бои и снова задрожит земля от разящего металла.

Пробыв весь день в бригадах и полках, мы возвращались к себе в редакцию поздним вечером. Как обычно, майор Воронов коротко спрашивал:

— Что нового?

— Все то же: тяжело в учении, легко в бою...

— А ведь у солдата кроме всего и душа есть. Он не автомат, — замечал не без намека редактор, — учти это. Ну а теперь садись и пиши. И — в набор...

Иван Емельянович Воронов знал по себе, что фронтовой корреспондент никогда не возвратится с пустыми руками: побывает на переднем крае, заглянет в роту, другую, поговорит с бойцами прямо на огневой позиции, а то и в танковой засаде. Благо, что открыты траншеи и ходы сообщения полного профиля. Там же, где их не было, приходилось ползти под вражескими пулями и осколками.

Но как бы трудно и опасно ни было, выполнить задание — для журналиста на войне превыше всего. Недаром в песне про фронтового корреспондента сказано: «Жив ты или помер — важно, чтобы в номер материал успел ты передать».

Утром, порой еще до восхода солнца, вместе с походной кухней шла в части и корпусная газета.

И так изо дня в день, из боя в бой, от одной операции к другой. Палит ли жара, люет ли выгоа или зачастили холодные осенние дожди и земля превратилась в месиво, как это было под Городком, — корреспондент всегда там, где шли бои и рождались герои. В кармане — блокнот, за плечами — автомат, на ремне — граната. И то, и другое, и третье находилось на вооружении фронтового журналиста. Не только пуля и снаряд, но и строка в газете разила врага. Или, как еще образно говорили на фронте, «строка — патрон, статья — обойма».

Во время боев под Городком из соседней рощицы вышли фашистские танки и устремились на огневые позиции батареи капитана Н. Першина. Они пытались взять ее в клещи. Артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, приняли бой. Командир батальона, весь черный то ли от усталости, то ли от пороховой гари, до хрипоты в голосе кричал:

— Ни шагу назад! Огонь! Огонь!

Но огонь с каждой минутой ослабевал. Один из танков с крестом на борту наскочил на орудие сержанта Г. М. Маслова и начал утюжить его своей многотонной тяжестью. Горстка артиллеристов скорее была готова погибнуть, чем пропустить стальные чудища.

Но погибнуть было легче всего. Предстояло выстоять, как вчера, как позавчера, выстоять и — победить. И артиллеристы сражались до последнего снаряда. А когда был израсходован весь боекомплект, под гусеницы полетели гранаты. Один из танков, словно ужаленный, завертелся на месте, выбросив из-под себя перебитую ленту гусеницы. Другой танк, дрогнув и став недвижимым, задымился, окутывая все окрест едким черным дымом.

— Наелся, гад! — крикнул Маслов и снова замахнулся гранатой. — Получай еще!

Остальные танки стали уходить в лес. Последний

же не успел удрать и тоже был подбит гранатой, брошенной кем-то из-за кустов.

Капитан Першин устало опустился на станину орудия и стал закуривать, едва удерживая папироску в дрожащей руке.

Только теперь, когда была отбита атака, он обратил внимание на коренастого лейтенанта с двумя звездочками на погонах, в кирзовых сапогах. Тот стоял с перевязанной рукой, но кровь еще сочилась, и белая марля густо краснела.

— Откуда ты? — коротко спросил командир батареи лейтенанта, которого впервые увидел в расположении своей батареи.

— Из редакции.

Капитан посмотрел в сторону, туда, в лес, куда уползли танки. И, помолчав, снова спросил:

— Значит, писать будешь? Это хорошо, людей надо славить. Дерутся отчаянно. — Комбат опять помолчал и напомнил: — Не забудь и о себе скажи. О том, как помогал атаку отбить, как ранило...

— О нас, газетчиках, писать не принято.

Это был Борис Протопопов, корреспондент корпусной газеты. Вернувшись к себе, он забрался на чердак крестьянской избы, в которой находилась редакция, и, как говорится, не переводя дыхания, написал очерк. Писал-то ведь не со слов очевидцев, а сам был участником смертельного поединка. Прочитав материал, редактор поспешил к наборщикам, верставшим номер.

— Стой, развинчивай полосу, — скомандовал он сержанту Ребрищеву. — Будем ставить вот это. Наберите быстрее.

Очерк, вышедший назавтра в газете, назывался «Люди стальной воли». Бойцы читали его с захватывающим интересом. А в полдень в редакции раздался телефонный звонок. Генерал М. Г. Сахно сердито сказал редактору:

— Кто вам дал право так рисковать людьми? Знаю, знаю, ваш брат не из робкого десятка. И все же летописцев-журналистов надо беречь. А вы их в самый огонь суете. — И уже мягче спросил: — А как там с фотокорреспондентом? Объявился? Живой? Готовьте-ка на него наградной лист...

А с фотокорреспондентом Всеволодом Реганом случилось вот что. Неугомонный, на редкость смелый, он лез со своей «лейкой» в самый огонь, чтобы, как гово-

рится, заснять людей в деле. Однажды пришел он к батальонным разведчикам, а те за «языком» собрались. Уговорил их взять с собой и его. Там-то, в тылу врага, когда будут брать «языка», он и запечатлеет этот момент на пленку. Домой, мол, пошлете, пусть порадуется.

Ползут разведчики, дыхание затаили. И надо же было случиться так, что гитлеровцы заметили их и ударили из миномета. Трех разведчиков ранило. Пострадал и Реган, осколки угодили ему в лицо, в голову. Вместе с другими ранеными его отвезли в госпиталь. Суток пять или шесть никто не знал, что приключилось с фотокорреспондентом. А он, не выдержав, сбежал из палаты и явился в редакцию как был, весь в бинтах. Тогда-то эта история и дошла до командира корпуса.

Немало было подобных приключений с фронтовыми газетчиками. Если бы до войны кто-нибудь сказал, что во время боя, когда смерть висит над головой, можно не только читать, но и писать, вряд ли поверили бы в это. А вот корпусной поэт Василий Журавлев умудрялся писать стихи в любой обстановке: в окне, на огневой позиции, на броне танка.

За время войны капитан Василий Андреевич Журавлев, ныне автор более 20 книг, написал множество стихов, песен, поэм о героях корпуса. Писал он и о быте солдатском, любил шутку и юмор. Однажды сочинил в стихах даже рапорт на выдачу ему кирзовых сапог. Дескать, существующие нормы износа обуви корреспондентам не подходят — слишком много им приходится ногами мерить фронтовые версты.

Рапорт этот каким-то образом оказался в руках генерала Сахно. Тот прочел это сочинение, добродушно посмеялся, а затем размашисто завизировал: «Подать рапорт по форме». Но Журавлев не обиделся, напротив, в дальнейшем он написал балладу о солдатской шинели и сапогах, дошедших до Берлина.

В свободные минуты — а они были редки — с удовольствием рассказывали и серьезные, и смешные, и грустные истории из жизни фронтовых газетчиков. Это были своего рода редакционные летучки, на них речь шла о боях, о героях, о том, кто с кем встречался на передовой, о чем готовится писать.

Хотя объем многотиражки и был небольшой, каждый ее номер создавался напряженным трудом всего

коллектива. Корреспонденты без усталости совершали рейды на передний край, собирали оперативную информацию, организовывали выступления отличившихся бойцов, обобщали их опыт, добытый в огне. Для этого газета места не жалела. Из номера в номер она печатала передовые статьи, подборки выступлений героев, рассказы о них и другие материалы, смысл которых был ясен из самих заголовков и рубрик: «Герои наступательных боев», «Герои нашей части». «Учиться на опыте бывалых воинов», «Так мы били танки врага», «Учиться тому, что требует бой».

Большой интерес, например, вызывали материалы о встречах боевых друзей, их совместных действиях на поле боя. В одном из номеров газета дала целую полосу под рубрикой «Взаимная выручка и поддержка в бою — закон советского воина». В другом номере был напечатан отчет о встрече героев двух передовых подразделений — танкистов батальона капитана С. П. Соколова и артиллеристов дивизиона майора А. Т. Шурдука. Один из лучших механиков-водителей части старшина Д. Ленский, наводчик танкового экипажа В. Макаров, командир орудийного расчета старший сержант В. Артамонов подчеркнули, что боевое сотрудничество танкистов и артиллеристов, их взаимодействие в бою — основа победы над врагом.

Нелегко было успевать редакции за наступающими частями и подразделениями. Особенно тяжело приходилось зимой в снегопад или осенью в распутицу, когда не только боевые машины, но и люди увязали в непролазной грязи на разбитых дорогах и проселках. Много хлопот доставляла переброска типографского хозяйства на новое место дислокации. Редакционная полуторка, набитая до предела наборными кассами, рудонами бумаги, бочками с краской, кажется, меньше шла своим ходом, чем ее волочили тягачом, а чаще всего, пожалуй, толкали плечами.

Иной раз из-за распутицы и бездорожья запаздывали на передовую боепитание, продовольствие и даже походные кухни, а газета все же выходила и своевременно доставлялась бойцам переднего края. В этом ей хорошо помогали работники политотдела, штаба, офицеры связи.

Командиры, политработники, парторги, комсорги, редакторы боевых листков, агитаторы стремились как можно скорее передать для газеты самое важное, са-

мое интересное из боевых событий дня. В каждой части, в каждом подразделении к тому же имелись военкоровские посты. Находясь поближе к передовой, в самой гуще солдатских масс, они считали своим кровным делом бесперебойно снабжать редакцию своими заметками, информацией, хотя бы в несколько строчек, написанных по горячим следам боев.

Много было верных друзей у газеты. Редакционный коллектив опирался на их помощь, инициативу, оперативность и творческое участие во всех своих делах и начинаниях. Благодаря широкому военкоровскому активу в газете регулярно рассказывалось о массовом героизме солдат и офицеров, их мужестве, воинском мастерстве, солдатской смекалке и споровке в схватках с врагом. На конкретных примерах газета учила, как лучше осуществлять смелый замысел командиров, сколь важно правильно использовать силу своего оружия, поддерживать взаимодействие, умело и быстро преодолевать различные препятствия и преграды.

Корпусная газета рассказывала о героях наступательных боев. Так, в целой серии статей и очерков было рассказано о Михаиле Скуридине, Михаиле Богомолове, Сабире Каримове, Михаиле Мощенко, Тихоне Пахомове, Хабибуле Загидулине и других воинах корпуса, награжденных орденами.

Постоянно печатались листовки и памятки воину, к составлению которых привлекались самые различные специалисты. Названия памяток говорили сами за себя: «Как поражать вражеские самолеты из стрелкового оружия», «Памятка десантнику», «Памятка бронейщику», «Что надо знать артиллеристу — истребителю вражеских танков» и т. д. Написанные простым, образным языком, они помогали танкистам, мотострелкам, артиллеристам, саперам, и особенно молодым, овладевать воинским мастерством, совершенствовать его.

Из фронтовых писателей и поэтов при редакции было создано литературное объединение. Темой их рассказов, очерков, стихов был героизм и мужество воинов корпуса. Регулярно помещались в газете литературные страницы, уголки сатиры и юмора под рубрикой «Творчество фронтовиков». Одним из активных молодых поэтов был старший сержант Максим Толмачев, который впоследствии стал сотрудником корпусной многотиражки и в этом качестве продолжал воспевать под-

виг танкистов в таких своих стихах, как «Солдат», «У фронтовой дороги», «Дружба», «Танкистская застольная», «Родина», и в других.

О многом еще могла бы поведать пожелтевшая, полинявшая подшивка корпусной многотиражки фронтовой поры. Она и теперь волнуется, будоражит память, воскрешает далекие и суровые дни сражений с врагом. Встают с ее страниц, как живые, герои, чей подвиг не подвластен времени.

И музы не молчали

Нельзя не вспомнить о музыкантах корпусного оркестра. Была их горстка — всего 13 человек вместе с дирижером Г. В. Черкасовым. Где находились бойцы — там и они, музыканты. На торжественных собраниях и вечерах, при вручении боевых наград, во время освобождения городов и сел — всюду звучала медь оркестра.

В годы войны Главное политическое управление РККА неоднократно напоминало о большом значении красноармейских патриотических песен и музыки. В корпусной газете, например, указывалось: «Русская песня, пляска — друзья бойца. Они сплывают людей, помогают легче переносить тяготы боевой жизни, поднимают боеготовность и формируют настроение личного состава».

Корпусной оркестр исполнял самые различные марши и песни. Русские, украинские, белорусские, грузинские, а также классические произведения. Пели солдаты под звуки оркестра горячо и взволнованно. Ведь «после боя сердце просит музыки вдвойне».

Многое делали музыканты корпусного оркестра по развитию художественной самодеятельности в батальонах, ротах, батареях. Большим успехом, в частности, пользовался у солдат коллектив самодеятельности, созданный офицером О. Годлевским. Его участники — люди самых разных национальностей — выступали на переднем крае, а нередко и перед самой атакой бойцов.

Широкое признание получили эстрадные группы солистов, плясунов, акробатов, мастеров художественного чтения. Особенно запомнились выступления лейтенанта В. Чуйко, младшего лейтенанта медицинской службы А. Т. Быковской (ныне Бабицкой), стар-

ших сержантов А. Надеина, Т. Теличко и рядового Л. Яшина.

По горячим следам событий участники самодеятельности сочиняли песни и стихи, посвященные героям корпуса, придумывали частушки и лирические припевки.

Нередко обстановка на фронте складывалась так, что музыканты, сменив свои инструменты на оружие, вместе с бойцами вступали в бой, как это было под Городком, Даугавпилсом, в районе латвийского населенного пункта Эргли.

Оркестранты В. Суханов, К. Киселев, И. Кондрачук, С. Баранин, Б. Ковалев, И. Мясников, Е. Жданов, В. Стрельцов, С. Кругликов на своих плечах доставляли на огневые позиции боеприпасы, выносили с поля боя раненых, охраняли штабы и склады.

Личный состав корпуса имел тесную связь с многотысячным рабочим коллективом прославленного Московского автозавода. Дружба росла, крепла и помогала бить врага. Часто представители корпуса и завода бывали в гостях друг у друга. В состав делегации входили прославленные танкисты, передовики производства, победители социалистического соревнования.

Не раз приезжала в корпус знаменитая на всю страну молодая, почти совсем еще девочка Клавдия Максимова. В минуты коротких передышек между боями ее можно было видеть в батальонах, ротах. Волнуясь и краснея, она рассказывала, как самоотверженно трудятся у них на заводе, как сама она заменила у станка ушедшего на фронт кадрового рабочего.

Прошло не так уж много времени, и имена этих вчерашних школьниц стали известны в народе. То, что они делали на производстве, могло показаться чудом. Вместо 18 гусеничных лент с конвейера бригады Максимовой их сходило в 20 раз больше.

Так же самоотверженно трудились заводские кузнецы и конструкторы, литейщики и технологи, инструментальщики и кузовщики. Кузнец Михаил Ушкалов, например, установил рекорд по штамповке сложных деталей — коленчатых валов и передних осей. В один из дней он перевыполнил свою норму на 1018 процентов. Не гремела музыка, не дарили герою цветы. Только после смены он не мог заснуть: огнем горели руки, ныла спина. Зато началось с того дня на заводе движение «тысячников» — рабочих, в десять раз и больше

перекрывавших норму. Люди не уходили из цехов сутками, а то и неделями.

— Так вот у нас трудятся, — сказала Клава Максимова танкистам. Каждое ее слово, произнесенное искренне, от души, волновало и трогало бойцов, сидевших перед ней прямо на земле, опаленной огнем войны.

Находилась в составе делегации шефов и большая группа артистов заводского Дворца культуры. Они выступали перед танкистами в короткие минуты отдыха, когда те возвращались из боя, чтобы заправить горячим опорожненные баки, пополнить боеприпасы. Нередко сценой артистам служила броня боевых машин либо лесная поляна или балка, за которые еще вчера шли кровопролитные бои.

В программе концертов — песни, пляски, художественное чтение. Заслуженным успехом у зрителей пользовались выступления Лидии Чуренковой, Валентины Тереховой, Татьяны Курбадиной.

Концерты зачастую заканчивались совместным пением артистов и танкистов. Чаще всего пели про бои и походы: «Темная ночь», «В лесу прифронтовом», «Землянка», «На солнечной поляночке», «Соловьи». Слушали войны, и усталость отходила, и на душе становилось легче. Каждая такая встреча придавала им сил, смелости и облегчала суровую солдатскую жизнь.

В перерывах между боями танкисты посылали на завод своих лучших представителей. В октябре 1943 года побывала в гостях рабочего коллектива делегация танкового корпуса, в которую входили герои боев — командир взвода Иван Васильевич Кругляк, комсомольский работник Леонид Канонович Суходольский и другие. Там танкистов-фронтовиков принимали как родных сыновей. Они побывали в цехах, видели, как работали автозаводцы, которые, казалось, и жили у своих рабочих мест: здесь же ели и отдыхали. И из цехов непрерывным потоком выходили военные машины, еще пахнувшие свежей краской.

Танкисты в свою очередь рассказывали на митингах о героях: командирах рот П. С. Киселеве, М. Шедубове, А. В. Шемене, Л. Емелине, механике-водителе А. Рогове, башенном стрелке В. Другакове, об отважных медиках Виктории Зайцевой, Наташе Ощепковой.

Перед отъездом посланцы танкового корпуса встречались с директором автозавода, легендарным руководителем автомобильной промышленности А. И. Лихачевым. Он рассказал им о героическом труде рабочего коллектива. Лишь за первые два года войны завод дал фронту тысячи и тысячи военных машин, выпустил миллион автоматов.

Во время проводов гостей автозаводцы вручили танкистам сотни писем для личного состава. В одном из них говорилось: «Дорогие бойцы, наши отцы и братья, с горячей признательностью узнали мы о ваших славных фронтовых делах и подвигах. Мы гордимся вами, дорогие фронтовики. На такой подвиг, как ваш, способен только советский человек, воспитанный партией. Это нас воодушевляет и устрашает врагов. Наша дружба с вами — это и есть стальное, неразрывное единство народа и армии, тыла и фронта!»

Кроме шефов прославленного автозавода в корпус на фронт приезжали Ансамбль песни и пляски Красной Армии под управлением А. В. Александрова, артисты МХАТа, Театра имени Е. Вахтангова, эстрадный оркестр Л. О. Утесова.

Однажды среди наших танкистов появился человек в гражданской одежде. Это был Илья Григорьевич Эренбург. В политотделе корпуса его спросили, куда бы он пожелал пойти. На это он ответил, что хотел бы попасть на передовую, туда, где бы он смог своими глазами увидеть, как гитлеровцы бегут. Просьба писателя, в то время специального корреспондента газеты «Красная звезда», была удовлетворена. Он побывал в танковом батальоне майора С. Чубукова. А затем Илья Григорьевич написал очерк о боевых делах танкистов, который был напечатан в корпусной многотиражке. Назывался очерк тепло, напутственно: «В добрый час, любимцы России».

«Два года ваши отважные танкисты дерутся за Родину. Дважды Москва салютовала героям-танкистам. У них сердца крепче брони. У них гнев жарче огня. Они знают, что сделал враг с нашей землей. Они разговаривают с ним огнем. Они судят врага с ходу. Приговор свой они шьют гусеницами. Танкисты всегда впереди: они прокладывают путь победе...

В славный день годовщины мы думаем о погибших. Нельзя предать мертвых. Дружба и верность ведут нас в бой. Кто забудет подвиг солдата Хороборни-

кова? Он погиб, спасая своего командира. Его имя благоговейно сохранит Родина.

Ни болота, ни озера, ни реки не остановят танкистов: их ведет на запад возмущенная совесть... Они первыми ворвутся в Германию. Они первыми увидят победу.

В добрый час, любимцы России! Вас знают, Вас любят. Вас ждут»¹.

ГОДЫ И СУДЬБЫ

Большой, трудный и славный путь прошел 5-й танковый Двинский корпус. Начав воевать под Москвой зимой 1942 года, он закончил боевые действия в поверженной фашистской Германии. Его воины проявили в боях высокое ратное мастерство, массовый героизм и беззаветную преданность Родине. Они законно гордятся своим вкладом в разгром врага. Об этом свидетельствуют такие данные. Корпус, взаимодействуя с другими соединениями и частями, освободил от немецко-фашистских захватчиков более 1500 населенных пунктов. В ходе наступательных и оборонительных боев воины корпуса уничтожили и пленили 40 тысяч солдат и офицеров противника, захватили 50 самолетов, вывели из строя 400 танков и пистолетных орудий, 1160 орудий и минометов разных калибров, 5995 пулеметов, автоматов, винтовок, 954 автомобиля, трактора и тягача, 40 паровозов и вагонов, 881 мотоцикл и повозку¹.

За образцовое выполнение заданий командования 11 659 солдат, сержантов, офицеров корпуса награждены орденами и медалями. Семеро из них стали Героями Советского Союза.

Годы и годы минули со дня победы в Великой Отечественной войне. Страна залечила раны. На местах бывших сражений кипит созидательный труд. В нем активно участвуют и старые солдаты. Время убелило их головы, но, как прежде, их сердца остаются в строю, они и в мирные дни на передовых рубежах.

На страницах этой книги не раз упоминалось имя командира танкового батальона Героя Советского Сою-

¹ Сталинский боец. 1944. 18 мая.

¹ ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 156, л. 20—22.

за С. И. Чубукова. Сняв солдатскую шинель, он оказался на фронте труда. Разрушенному войной народному хозяйству страны очень был нужен металл. И герой-фронтовик встал к доменной печи металлургического завода в своем родном Таганроге. Работал ударному, был запевалой прогрессивных приемов труда.

На Воронежском станкостроительном заводе имени 50-летия комсомола многие знают имя полковника в отставке П. И. Корчагина. Боевой командир 41-й танковой бригады, вступивший в ряды Коммунистической партии еще будучи кремлевским курсантом, кавалер ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны, двух орденов Красной Звезды, он вот уже около 30 лет возглавляет заводской штаб гражданской обороны. Да еще выполняет разные общественные обязанности, являясь членом товарищеского суда, народным контролером, пропагандистом. Нелегко приходится ветерану, но он не сдаётся и, как поется в песне, не стареет душой.

С сельским хозяйством связана вся послевоенная жизнь бывшего командира мотострелкового батальона капитана в отставке И. А. Затанина. Возвратился он в родное село после тяжелого ранения прямо в госпитальной койки. Первое время ходить даже не мог — так его искалечили вражеские пули и осколки. Но сумел все же фронтовик возвратиться к труду. Раны еще не зажили как следует, а ему не сиделось без работы. Увидел, что дел много, а людей не хватает — одни женщины да ребятишки, и совсем потерял покой. Чем помочь? Как облегчить труд своих земляков? И сел фронтовик за руль трактора.

Стар и мал дивились мужеству этого человека с партийным билетом у сердца. Сельчане избрали его председателем колхоза. Еще больше дел и забот прибавилось. Надо все успеть, все решить. Вставал Иван Андреевич рано. Едва зорька проклюнется, а он уже в поле, где решалась судьба урожая. За день-деньской всюду успевал побывать — и у комбайнеров, и в тракторных бригадах, и на животноводческих фермах. Одного только никто не знал — когда человек отдыхал. Зато вскоре колхоз пошел круто в гору. Бывший фронтовик был выдвинут на должность директора МТС. Затем он много лет возглавлял совхоз, пока не ушел на заслуженный отдых.

Живет в городе Балакове Саратовской области бывший снайпер артиллерийской стрельбы, кавалер ордена Славы III степени М. П. Богомолов. С войны он вернулся без ног. Казалось бы, все для человека кончено. Но Михаил Петрович не пал духом. Он, как и подобает фронтовику, коммунисту, включился в кипучую трудовую и общественную жизнь. Много лет заведовал избой-читальней, был избран секретарем комсомольской, а затем и партийной организации укрупненного колхоза имени В. Куйбышева. Михаил Петрович регулярно выступает со статьями и очерками на страницах районной и областной газет. Длительное время ветеран буквально по крупицам собирал материалы о тех, с кем ему довелось воевать в составе 731-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона. Этот его поиск увенчался успехом: в Саратовском книжном издательстве приняты к печати его воспоминания, которые так и названы — «Долг солдата».

Не счесть однополчан 5-го танкового Двинского корпуса, что трудятся на совесть и живут по совести, дорожат боевой славой, несут высоко достоинство своего поколения. Многие из них за свой самоотверженный труд в мирное время удостоены высоких наград Родины. Среди них — бывший минометчик А. А. Алтухов, лихие разведчики М. П. Пашков, Ф. Е. Воробьев, Г. В. Олейник, командиры рот и взводов М. В. Кичоть, А. И. Шемец, Н. Н. Ганин, политработники В. А. Горюнов, Ф. М. Гайдайчук, Л. И. Козловский, В. П. Любимов, Д. И. Безгребельный, И. А. Ключков, медики И. И. Сысоев, А. И. Артемьева, А. М. Ильина, Т. А. Ямпольская, Е. И. Николаева, Н. А. Суханова, А. П. Закаржевская, связисты Н. И. Губченко, Д. И. Кузнецов, А. Я. Калмычкова, З. И. Рагозина (ныне Ляховская) и многие другие.

Фронтовики — люди неиссякаемой энергии и высоких нравственных качеств. Крупным партийным работником и ученым стал агитатор политотдела корпуса майор запаса М. И. Кравчук. Теперь он доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории КПСС Киевского медицинского института. Михаилу Ильичу принадлежит более 80 научных трудов по актуальным вопросам истории Коммунистической партии и народов СССР.

В другом научном коллективе Киева трудится быв-

ший работник штаба одной из бригад корпуса Л. И. Касьянов, ставший доктором экономических наук, профессором. Много лет Леонид Иванович возглавляет кафедру экономики сельского хозяйства Украинской сельскохозяйственной академии.

Профессором Московского института инженеров пищевой промышленности является А. Т. Хохлов (в годы войны он был заместителем командира 92-го разведывательного мотоциклетного батальона). Ныне Александр Терентьевич автор более 30 крупных исследовательских работ в области высшей математики. Кандидатами наук стали бывший военный врач А. В. Бордуков, командир разведроты В. П. Борисов, начальник штаба батальона А. Е. Тер-Миносян, фронтовой фельдшер И. Е. Керейко и многие другие.

Немало среди ветеранов корпуса и таких, которые продолжали служить в Вооруженных Силах, отдавая силы, знания, опыт делу дальнейшего укрепления боевого могущества Советской Армии.

Командир 70-й танковой бригады Герой Советского Союза К. И. Абрамов стал генерал-полковником, долгое время был начальником Военной академии тыла и транспорта. Бывший начальник связи 262-го танкового батальона, а ныне генерал-майор, В. В. Тимофеев возглавил фельдбегерско-почтовую службу Министерства обороны СССР. Офицер связи корпуса, теперь генерал-майор, П. П. Васильев много лет был военным комиссаром Республиканского военного комиссариата Белорусской ССР.

Без малого 50 лет отдал службе в рядах армии Герой Советского Союза генерал-полковник С. Ф. Романов. Он занимал ряд ответственных должностей, был, например, первым заместителем начальника Штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора, начальником Главного штаба Войск ПВО — первым заместителем главнокомандующего и членом Военного совета Войск ПВО.

Назвать каждого однополчанина, а тем более поведать о его судьбе, сложившейся после войны, к сожалению, не представляется возможным, хотя каждый из них заслуживает самых добрых и теплых слов. Большинство из них ведут большую военно-патриотическую работу в высших учебных заведениях, профессиональных технических училищах, на допризывных пунктах, в школах.

Часто выступают перед молодежью, проводят уроки мужества, возглавляют походы ребят по местам революционной, трудовой и боевой славы В. В. Тимофеев, К. А. Григорьев, П. М. Гульчук, С. А. Неупокоев, А. С. Лейфман, И. В. Кругляк, Б. Г. Прохоренко, Я. П. и А. А. Заводновы, Н. Ф. Степанов, И. С. Ивкин, И. А. Лавров, Ф. К. Пошков, Н. И. Лохматов, А. П. Кузьяев, А. М. Краснопольский, Е. И. Николаева и другие.

Неутомимым пропагандистом боевых традиций и подвигов однополчан зарекомендовал себя капитан запаса В. М. Зотов, бывший механик-водитель танка, а ныне военрук и преподаватель истории одной из средних школ Горького. За активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи Владимир Михайлович Зотов награжден почетными дипломами и грамотами, а также Почетными знаками ВЛКСМ и ДОСААФ.

Президиум совета ветеранов корпуса, возглавляемый генерал-майором Владимиром Васильевичем Тимофеевым, особое внимание уделяет вопросам увековечивания памяти бойцов и офицеров корпуса, погибших в боях за Родину. С помощью ветеранов в латвийском поселке Вецпиебалга создан музей боевой славы частей и подразделений 5-го танкового Двинского корпуса, а в ряде средних школ и ПТУ Москвы, Горького, Даугавпилса, Городка, Сычевки, Эргли, Бычихи — уголки боевой славы, посвященные боевому пути и воинам-танкистам. Здесь проходят уроки мужества, беседы и лекции на военно-патриотические темы. Все это воспитывает молодежь в духе идейной убежденности и высокой нравственности, глубокого патриотизма, готовности к защите Отечества.

Доброй традицией однополчан корпуса стали встречи и поездки по местам прежних боев и сражений. Радостно ветеранам сознавать, что их подвиги и имена не забыты, что о них помнят, у них учатся служению общему делу. Там, где в годы войны пролегли фронтовые дороги танкистов, — на холмах и высотах, у проселков и на перекрестках, а то и прямо среди хлебных нив — высятся памятники и обелиски. Так, при въезде в Даугавпилс и Эргли подняты на pedestals легендарные тридцатьчетверки. На броне одной из них слова: «Вечен ваш подвиг в сердцах поколений грядущих — 27.07.1944 г.»

Ничто не может затмить подвиг фронтовиков, вер-

ных сынов социалистической Отчизны. И чем больше лет отдаляет нас от победных событий, тем величественнее предстают перед нами доблесть и слава героев, сражавшихся за счастье и мир на Земле. Всегда будет жить в памяти народной бессмертный подвиг живых и павших, известных и безымянных.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дитюк Корней Корнеевич
 Машков Роман Спиридонович
 Мороз Иван Николаевич
 Мяшкин Геннадий Александрович
 Орловский Константин Иванович
 Романов Семен Федорович
 Чубуков Семен Исакович

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
В ПОРУ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ	
Рождение корпуса	5
Боевое крещение	10
Поле героев	17
В осажденном танке	19
Комкор	21
НА ОРЛОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	
Перед грозой	26
И грянул гром	29
Огненный рейд	34
Вместе с танками и пехотой	39
Укрощение «тигров»	40
Люди подвига	42
Враг отступает	45
В ГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ	
Разведка боем	48
Освобождение Бычихи	52
Старая гать	59
Дивизион отважных	61
Залпы «катюш»	65
Операция «Дети»	67
Через леса и болота	69
ПЕРВЫЕ БОИ В ПРИБАЛТИКЕ	
Из Белоруссии в Латвию	73
Трудные рубежи	81
Маневр на окружение	90
Флаг над городом	95
НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
И снова танки шли в огонь	100
В районе Эргли	105
За линией фронта	110
На подступах к Риге	115
Вперед, на запад	123
ГЕРОЕМ БЫЛ КАЖДЫЙ	
Плечом к плечу	129
Битва за жизнь	134
Звала на подвиги строка	140
И музы не молчали	148
ГОДЫ И СУДЬБЫ	
Герои Советского Союза	153